

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3/2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
наукам РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 3/2025

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.2.4. Финансы (экономические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения

могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 10.07.2025

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 250 экз.

Печать офсетная. Заказ № 3532-25

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

95-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Городецкий А.Е.

Институт экономики АН СССР в развитии управленческих исследований: историко-экономический аспект 7

Смотряцкая И.И.

Развитие науки управления в постсоветских исследованиях
Института экономики РАН 29

80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Воейков М.И.

Великая Отечественная война в исследованиях и жизни сотрудников
Института экономики АН СССР 48

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Митяков С.Н.

Метод анализа и прогнозирования экономических кризисов 58

Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б.

Нормативно-статистический и относительный медианный подходы
к изучению дифференциации населения по уровню жизни 84

Василенко В.Н.

Конфигурация методологии пространственного экономического
анализа 106

ФИНАНСЫ

Динец Д.А.

Теоретические основы использования платформенных финансовых
решений для реализации государственной структурной политики 123

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Рязанов В.А.

Факторы ценообразования на российские полиэтилен
и полипропилен на рынке Китая 148

Исмагилова О.Д., Попова В.Н.

Анализ возможностей для сотрудничества России и Казахстана
по развитию цепочек добавленной стоимости металлургической
отрасли 161

Паксютов Г.Д.

Японские и южнокорейские «креативные индустрии» на глобальных
рынках: конкуренция и потенциал сотрудничества 181

Самандаров Д.У.

Зарубежный опыт финансирования системы здравоохранения 199

CONTENTS

95TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Gorodetsky A.E.

Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences in the Development
of Management Research: Historical and Economic Aspect 7

Smotritskaya I.I.

Development of Management Science in Post-Soviet Studies at the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences 29

80TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Voeikov M.I.

The Great Patriotic War in the Work and Lives of the Staff of the Institute
of Economics of the USSR Academy of Sciences 48

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Mytyakov S.N.

Method of Analysis and Forecasting Economic Crises 58

Bobkov V.N., Odintsova E.V., Kolmakov I.B.

Normative-Statistical and Relative Median Approaches to the Study
of Population Differentiation by Standard of Living 84

Vasilenko V.N.

Configuration of the Methodology of Spatial Economic Analysis 106

FINANCE

Dinets D.A.

Theoretical Basis of Platform Financial Solutions for the State Structural
Policy Use 123

WORLD ECONOMY

Ryazanov V.A.

Factors of Pricing of Russian Polyethylene and Polypropylene on Chinese
Market 148

Ismagilova O.D., Popova V.N.

Analysis of Opportunities for Russia and Kazakhstan Cooperation
on Value Chains Development in the Metallurgical Industry 161

Paksiutov G.D.

Japan and South Korea's Creative Industries: Competition and
the Prospects of Cooperation 181

Samandarov D.U.

Foreign Experience in Financing the Healthcare System 199

95-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.Е. ГОРОДЕЦКИЙ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, руководитель научного направления,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ АН СССР В РАЗВИТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается широкий спектр научных исследований ИЭ АН СССР по проблемам управления народным хозяйством, внесшего заметный вклад в развитие как теоретических проблем экономической науки, так и в решение практических народно-хозяйственных проблем на разных этапах жизни нашей страны. В их числе рассматриваются нижеследующие проблемы. Становление управленческой мысли и научной школы государственного управления в Институте экономики АН СССР с момента его образования в 1930 г. Научная деятельность Института в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны. Теоретические исследования и поиск путей решения крупных народно-хозяйственных проблем как научный профиль и предпосылки развития управленческой мысли. Основные линии исследовательской деятельности Института в послевоенный период. Длинная волна реформации, переход к постмобилизационной модели экономики и управления. Вклад Института экономики, его ученых в развитие управленческой мысли и подготовку концептуальных, проектно-стратегических и научно-методических материалов и документов, которые создавали основу для будущей системной трансформации начиная с 1990-х гг.

Ключевые слова: *зарубежная управленческая мысль, научная организация труда (НОТ), государственное планирование, исследования 30–40-х годов, длинная волна реформации, эксперименты и реформы 80-х годов, постмобилизационная экономика и управленческая мысль.*

УДК: 330.34.01, 330.342, 338 (091)

EDN: FPBXLH

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_7_28

Введение

В истории российской научной мысли в 20-е годы XX в. оставили яркий след: повсеместный общественный энтузиазм как интеллектуальный климат и всеобщее устремление выстроить новую жизнь «по уму, по науке и по справедливости». Это действительно предыстория и духовный след той эпохи, когда зарождался нынешний Институт экономики РАН. Характерно: позднее, в середине 1930-х годов, выделение из Комакадемии и Института красной профессуры – это еще и свидетельство попыток от чистой идеологии и политики обратиться к науке, экономической науке в ответ на запросы и вызовы эпохи созидания материальных, технологических, экономических и организационных основ нового социально-экономического строя. Именно эти, как теперь говорят, драйверы предопределили взрыв творческой активности в обществе, а в научном сообществе – интереса к управленческим аспектам экономики.

Эти лики эпохи наложили свой неповторимый отблеск на эпическую и драматическую историю советской академической фундаментальной науки, в том числе через историю Института экономики РАН, судьбы его ученых и научных коллективов, зарождение и развитие научных традиций и исследовательских достижений. По этим линиям хорошо прослеживается взаимосвязь судеб страны и Института на протяжении всей его (института) истории.

1. Зарождение отечественной науки управления. О развитии управленческой мысли СССР/России в период до создания Института экономики

Первые ростки научного отношения к организации труда и управления появились в России на рубеже XIX–XX вв., но особенно стали заметными в первые десятилетия XX в., когда в США и Европе приобрели широкую популярность тейлоризм, фордизм, файолизм и др. Попытки реализовать принципы научной организации труда (НОТ) предпринимались на ряде заводов в предвоенный период и в годы Первой мировой войны, но они носили скорее спонтанный и локальный, нежели систематический характер.

В то время как на Западе, начиная с конца XIX в., шло непрерывное развитие управленческой мысли и управленческих практик, в России бурные события начала XX в., войны и революции в значительной мере затормозили аналогичный процесс. Это в полной мере относится и к государственному управлению. Лишь начиная с 1960-х годов прошлого столетия, по мере развития экономики, перехода от ее мобилизационной к прототыночной модели, уже в ходе запуска новой

системы хозяйствования и экономического стимулирования в VIII-й советской пятилетке (1966–1970)¹, произошел взлет интереса к управленческой тематике, достижениям зарубежных управленческих направлений и научных школ, собственному историческому опыту и, конечно, реформам советской системы планирования и управления, в том виде, как она сложилась к началу трансформации социалистической системы хозяйствования.

И в силу объективных обстоятельств, и в ходе интенсивных теоретических дискуссий постепенно в советской/российской экономической науке сформировалась новая научная дисциплина – управление экономикой. Это произошло не вдруг. Как показывает анализ, этот процесс шел сложными путями: от бурного развития в 1920-е годы, через противоречия и сложности в 1930-е, когда он был ограничен и зарегламентирован в связи со становлением централизованной плановой экономики, резким сужением поля свободных научных дискуссий, обусловленному жесткими условиями политической среды предвоенной мобилизационной экономики. Но и в те годы, и даже в годы войны экономическая/управленческая протонаука продолжала развиваться в ходе научных исследований крупных народно-хозяйственных проблем и секторально-отраслевых научных разработок.

В 1920-е годы XX в. в связи с развитием организационных исследований и изучением новых форм НОТ начинается бурный расцвет теоретических и прикладных разработок, идущих в русле мировой управленческой мысли, работ Тейлора, и с учетом тех реальных проблем, которые ставила новая социалистическая действительность.

Необходимо также отметить роль научной социологии и психофизиологической науки, привнесенные ими в управленческие дисциплины элементы гуманитарных методологий, раздвигающих горизонты управленческой мысли за счет включения в предмет изучения человека и человеческих сообществ, вплоть до общества в целом. Повышению эффективности управленческой деятельности с использованием теоретических разработок в области социологии способствовали научные идеи П.А. Сорокина о принципах реконструкции социальных организаций [1], а также положения о системно-структурном анализе и общие организационные принципы А.А. Богданова [2]. Позднее П.А. Сорокин довел свои социологические идеи до уровня интегральной научной методологии, способной сформулировать законы и категории функционирования и управления любыми человеческими обществами и организациями.

¹ В этом пятилетнем плане были отражены идеи о необходимости перехода от административных к экономическим методам управления народным хозяйством.

Важной вехой процессов становления отечественной управленческой науки стали I Всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства, состоявшаяся в январе 1921 г., и II Всесоюзная конференция по научной организации труда, прошедшая в марте 1924 г. В ходе дискуссий на этих конференциях сформировалось четкое самоопределение в отношении к тейлоризму, выработалось понимание его слабых сторон (отсутствие в его системе человека как активно действующего субъекта), а также осознание сути отличий от отечественных подходов, присущих социалистической экономике и управлению. На этой же почве произошло размежевание между сторонниками универсализма тейлоризма и приверженцами социально-управленческого подхода, уже в то время понимавших роль человека и человеческих отношений в трудовых коллективах, а также применимости научных принципов управления и социальной инженерии к экономике и обществу в целом. В рамках социально-управленческого подхода также акцентировалось внимание на специфике менеджмента, НОТ, обусловливаемой социалистическими началами советской экономики.

Формирование отечественной науки управления и организации труда разворачивалось на фоне острых научных дискуссий. Дискуссии нередко перерастали в политические споры по основным вопросам НОТ. Этот период считается одним из самых творческих, интересных и плодотворных, когда отечественная наука управления создавала теоретические концепции и практические методы, сопоставимые с лучшими зарубежными образцами. Функционировало около десяти научно-исследовательских институтов, занимавшихся научной организацией труда и управления, тысячи бюро, секций и лабораторий НОТ – первичных ячеек массового рационализаторского движения; по проблемам управления и НОТ выходило около двадцати журналов [3].

Теоретические основы науки управления, понимаемой широко – от управления всем народным хозяйством до руководства отдельным предприятием, государственным учреждением и деревенским хозяйством, развивали такие крупные ученые, как А.Чаянов [4], Н. Кондратьев [5], С. Струмилин [6].

Не менее яркими фигурами являлись А.К. Гастев [7; 8; 9], Ф. Дунаевский [10], Н.А. Витке [11], П. М. Керженцев [12], А.Ф. Журавский [13], О.А. Ерманский [14]. Одним из родоначальников и лидеров советской системы НОТ был А.К. Гастев. Он являлся идеологом полной математизации и психофизиологизации экономики, а также привития работникам новой трудовой культуры. Развернутые положения и рекомендации по духу, идеологии, способам и инструментарию, общей трудовой культуре НОТ были ярко и детально представлены в одной из последних работ ученого, руководителя и экспериментатора, человека

универсальной культуры, под названием «Как надо работать». В статье «Наши задачи» им была обнародована программа «социальной инженерии», которая провозглашалась как новый научно-прикладной метод, решающий комплексную проблему в системе «машина-человек», требующей научного эксперимента и технической рационализации [15]. Ярким соратником А.К. Гастева по идеям социальной инженерии и НОТ был ныне почти полузабытый ученый Н.А. Витке. Им были сформулированы и развиты фундаментальные идеи организационной революции, которая охватывала не только материально-техническую сферу производства, но и отношения между работниками как членами трудового коллектива, целеустремленно и технологически строго работающими на основе сотрудничества (в противовес «одному» и изолированному, привязанному к машине индивиду, частичному (по К. Марксу) рабочему доиндустриальной эпохи. Н.А. Витке впервые, задолго до бестселлера Г.Х. Попова конца 1980-х годов [16; 17], сформулировал понятие административно-надзорной системы² в управлении и всесторонне ее раскритиковал.

Эти ученые проводили серьезные научные исследования, публиковали книги и статьи, возглавляли институты и комитеты, выступали пропагандистами нового стиля управления.

В элиту специалистов входил также ряд известных психологов, занимающихся изучением профессионального отбора и человеческого фактора. Практическими проблемами управления вплотную занимались известные партийцы и политические деятели – В. Куйбышев, Н. Бухарин, Ф. Дзержинский.

Таким образом, можно говорить о том, что зарождение советских/российских научных школ управления началось уже в 1920-е годы, и они быстро прошли фазу критического освоения достижений мировой управленческой мысли, сформировали новую исследовательскую культуру и институты, кадры ученых и практиков, внесли существенный вклад в становление собственных теоретических воззрений и прикладных разработок, систему органов государственного планирования и управления народным хозяйством.

2. Институт экономики в предвоенный период и его роль в консолидации теоретических и прикладных исследований

История Института экономики начинается в 1930–1931 гг. Предыстория ведет свой отсчет от Комакадемии, в составе которой первоначально, в 1930 г., был создан Институт экономики на базе ее экономи-

² У профессора Г.Х. Попова – административно-командная система.

ческой и кооперативной секций и присоединенного к нему Института экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). «Его деятельность была направлена прежде всего на теоретическое исследование проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, дальнейшую разработку марксистско-ленинской политической экономии, на борьбу против буржуазной идеологии, разоблачение концепций «правого» и «левого» уклонов. Здесь изучались основные вопросы марксистской политической экономии и ленинского этапа ее развития, проблемы содержания и метода «теории советского хозяйства» (как называлась тогда уже существовавшая, но еще не сложившаяся в систему политическая экономия социализма), теоретические основы планирования и управления советской экономикой, социалистической индустриализации, технической реконструкции промышленности, социалистической перестройки сельского хозяйства, проблемы взаимоотношений города и деревни и др.» [19, с. 6].

Уже в 1933 г. Институт выпустил такие серьезные работы, как «Этапы экономической политики СССР», «Итоги технической реконструкции», «Итоги выполнения первой пятилетки по труду», а также ряд учебников. На договорных началах к работе Института экономики были привлечены наркоматы тяжелой и легкой промышленности СССР (для совместной разработки проблемы «Организация труда в свете освоения новой техники»), а также Центросоюз СССР (по проблеме организации товарооборота). Его рождение как академического Института было связано с интеграцией в структуру Академии наук СССР (АН СССР). 7 февраля 1936 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) он был передан в АН СССР, 15 февраля 1936 г. Президиум АН СССР принял постановление о слиянии бывших Института экономики и Аграрного института Комкадемии в единый Институт экономики АН СССР (ИЭ АН СССР).

В сентябре 1938 г. утвержденный Президиумом АН СССР план работы Института экономики впервые был согласован с Госпланом СССР, Наркомтяжпромом, Центральным управлением народнохозяйственного учета, Наркомземом и Наркомфином. В апреле 1939 г. СНК СССР возложил на институт разработку проблемы экономического районирования. Одним из следствий явилась очередная реорганизация. На 1 января 1940 г. в структуру Института входили шесть секторов: экономического районирования, экономики промышленности, сельского хозяйства, технической политики, политической экономии, экономической статистики. В этой структуре уже присутствует будущий профиль Института: фундаментальные политэкономические исследования и разработки по насущным народно-хозяйственным проблемам [19].

В годы войны Институт сохранил свой профиль, но, естественно, условия войны и будущего послевоенного восстановления влияли на направления исследований. Основной темой исследований ИЭ АН СССР, вернувшегося в Москву в 1943 г. из эвакуации, была военная экономика и восстановление промышленности и сельского хозяйства в освобожденных районах страны. Решались задачи мобилизации промышленных и продовольственных сырьевых ресурсов Казахстана, Башкирии, Урала на нужды фронта. Какая гигантская плано-управленческая и организационная работа была проделана в те годы, показано нами в статье о мобилизационно-эвакуационном планировании, которое начиналось в 1926 г. и с блеском показало себя в годы войны и послевоенного восстановления [20].

В 1944 г. коллектив Института приступил к разработке тем «Советская торговля и распределение в период Отечественной войны и послевоенный период», «Материально-техническая база колхозного сельского хозяйства в условиях войны и перспективы развития», «Закон стоимости». В 1944–1945 гг. были продолжены исследования в области истории экономической мысли (их результатом стал коллективный труд «Очерки истории экономической мысли в России»), подготовлены к печати издания «Вопросы политической экономии социализма». Сохраняла свою значимость и народно-хозяйственная проблематика. Было подготовлено издание «Очерки экономики текстильной промышленности СССР» [19, с. 85].

Начало мирного времени ознаменовалось рекордно коротким сроком послевоенного восстановления страны и выходом на длительную траекторию реформационной волны по преобразованию мобилизационной экономики, созданию системы производственных отношений, присущих победившему социализму, соответствующих этому этапу методов хозяйствования и управления. Именно в этот период закладывались экономические основы второй сверхдержавы мира, а научная мысль создавала теоретические основы этих процессов, политическую экономию социализма, процесс подготовки к изданию которой завершится в 1954 г. выходом в свет первого учебника политэкономии. Одновременно сменявшие друг друга реформы давали бесценный опыт и обильную пищу для теоретического осмысления и обобщения становления новых управленческих отношений и теории управления.

3. Дореформенное (1954–1965 гг.) управление социалистическим производством

Идеология управления, определявшая развитие теории и практики управления социалистическим производством в течение семи десятков лет советской экономической истории, сформировалась под

воздействием марксистской парадигмы общественного развития. Экономическим фундаментом справедливого распределения по результатам труда выступала общественная собственность на средства производства, а главным регулятором производства – государственный народно-хозяйственный план.

Следование этой парадигме привело к созданию политизированной экономической теории, обосновывавшей необходимость жесткого централизованного планирования как формы реализации планомерности общественного производства, а предприятие рассматривалось как технологическое и технико-экономическое звено в составе единого народнохозяйственного комплекса страны. В соответствии с этим управленческая наука концентрировала внимание на разработке методов прямого управления предприятиями со стороны государства; обосновании приоритета народно-хозяйственных интересов; определении границ и содержания «относительной» хозяйственной самостоятельности предприятий; формировании сбалансированной системы распределения ресурсов, производимого ассортимента и хозяйственных связей между предприятиями и организациями торговли.

Это не исключало активных поисков отечественной наукой объективных основ управления социалистическим производством, что вело к осторожному признанию роли стоимостных инструментов, введению закупочных цен для колхозов и совхозов в ходе реформ в сельском хозяйстве; попыткам усилить заинтересованность трудовых коллективов в снижении себестоимости; апробации условных и ограниченных форм децентрализации управления при введении совнархозов, материальных стимулов заинтересованности работников в производстве планового ассортимента. В то же время управление экономикой строилось, как и прежде, по типу одной большой фабрики с подразделениями и филиалами по всей огромной территории страны. Это неизбежно приводило к бюрократизации и усиливало административно-командный характер системы управления, в конечном счете – к снижению эффективности развития на фоне сохраняющегося экономического отставания СССР от лидирующих стран Запада, и прежде всего США.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов происходит неоднократная организационная перестройка Института экономики АН СССР. Отчасти она была обусловлена весьма пристрастной партийной критикой с последующими идеологическими оргвыводами. Но имелись и объективные основания: на кону стояла сложная и ответственная работа по разработке учебника по политической экономии социализма. Широкие рамки поиска решения главных проблем – экономического соревнования двух социально-эконо-

мических систем, научной разработки альтернативы модели мобилизационной экономики, преодоления догматизма в области экономической теории, совершенствования административно-командной и предельно забюрократизированной системы планирования и управления, создания объективных механизмов реализации (как тогда говорилось) конкурентных преимуществ социалистического строя – настоятельно требовало систематизации экономических законов и закономерностей социалистического способа производства как вершины всей системы экономических наук. Непростая история этого периода, порой острый характер интенсивных научных и идеологических дискуссий и споров хорошо отражены в историко-экономической литературе учеными Института экономики Т.Е. Кузнецовой и М.И. Воейковым [21; 22]. В научные дискуссии и споры вторгалась и политика на самом высоком уровне. Учебник, по замыслу, представлял собой фундаментальный научный взгляд на будущий облик зрелого, планомерно и эффективно развивающегося общественного строя. Но это в немалой степени должно было быть и руководством к действию, предписывающим базовые векторы и механизмы движения в области политической, экономической, хозяйственной и управленческой работы.

Отсюда и масштаб мер по реорганизации Института. В соответствии с решениями Президиума АН СССР предусмотрено налаживание тесного контакта: а) с подведомственными НИИ; б) экономическими вузами и экономическими кафедрами вузов и институтов; в) экономическими институтами республиканских академий; г) широкое, в том числе и международное сотрудничество с академическими институтами права, мирового хозяйства, истории.

По существу, ИЭ АН СССР получает статус головного центра научно-исследовательской организации широкого профиля и координации в области политической экономии, конкретно-экономических и организационно-управленческих исследований. Сегодня это смотрится как прообраз, протомодель научно-исследовательского и управленческого (в области организации науки) хаба в системе «головной академический институт – партнерские организации и соисполнители».

Такой же тесный контакт должен был осуществляться и с министерствами, с учетом конкретной практики работы. В частности, предлагалось включать в состав плановой тематики Института такие темы, которые выдвигаются министерствами и Госпланом СССР и обеспечиваются ими необходимыми финансами, нормативными и аналитическими материалами. Была поставлена задача добиваться деятельного и неформального участия работников Института в заседаниях коллегий и научно-технических советов министерств. Также

было рекомендовано поставить вопрос о включении в состав Государственной плановой комиссии СССР и РСФСР директора Института.

Одна из вех в истории Института – 18 сентября 1947 г. – принятие решения о слиянии Института экономики и Института мирового хозяйства и мировой политики в единый Институт экономики АН СССР под научно-организационным руководством Госплана СССР. Тогда это представлялось рациональной концентрацией участия экономической науки в формировании как политэкономической теории, так и реализации важнейших планово-управленческих решений.

В 1954 г. учебник политической экономии был издан Институтом экономики Академии наук СССР. В течение 1954–1965 гг. он выдержал четыре издания на русском языке, 29 – на языках других народов СССР и 44 – в других странах [18, с. 8].

Хрущевская «оттепель» сказалась на работе Института экономики благотворно. В характере тематики не обошлось без «хрущевской маниловщины» в контексте построения коммунизма к 1980 г. за счет экономического рывка пресловутой «семилетки 1959–1965 гг.». Но в видах долгосрочной перспективы экономического роста и обеспечения благосостояния граждан – решения проблем жилья, дефицита количества и качества бытовой техники, предметов широкого потребления и продуктов питания, снижения социальной неоднородности в советском обществе – было много объективных и положительных намерений.

В 1961 г. из Института экономики был выделен сектор стран народной демократии, развернутый в самостоятельный Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС). Было очевидно, что социалистические страны Восточной Европы переросли статус сателлитов Советского Союза и формирование мировой системы социализма как альтернативы капитализму требует не только политических и идеологических мер, но и глубоких теоретических предпосылок, определяющих стратегические перспективы этих процессов.

С этого времени научной миссией, основным предметом научных исследований Института экономики, как головной научно-исследовательской организации, стали закономерности развития мировой социалистической системы, т. е. социализма, вышедшего за рамки одной страны, – теоретические и практические основы функционирования общественного производства в условиях соревнования двух социально-экономических систем, присущего ему хозяйственного механизма, а также крупные планово-управленческие проблемы всех уровней хозяйствования.

После мартовского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС в стране началась полоса затяжных аграрных реформ. Хрущевские эксперименты

в сельском хозяйстве в годы семилетки 1959–1965 гг., с позиций последующих событий, оказались весьма неоднозначными. Поспешное и декларативное приведение колхозно-кооперативной собственности к общенародной вело к искусственному превращению колхозов в совхозы. Переключение приоритетов пространственного развития сельского хозяйства на освоение целинных и залежных земель оказалось плохо просчитанным, обремененным неожиданными природно-климатическими трудностями, с которыми постфактум столкнулись вновь образованные хозяйства и которые весьма серьезно сказались на эффективности и репутации этой политики. Принятые в ее русле решения негативно отразились на ресурсном обеспечении и отставании хозяйств в европейской части России. Лозунги «догнать и перегнать Америку» по производству продукции животноводства привели к разорению личных подворий в сельской местности. Потом очередь дошла и до государственных хозяйств, когда новая «продразверстка» была вынуждена переключиться уже на совхозы. Буйным цветом расцвели приписки по сдаче животноводческой продукции и победные реляции партийных и советских руководителей на всех уровнях. Это в итоге привело к падению качества продуктов, поскольку скот повсеместно сдавали «какой похуже», молоко разбавляли водой, подобные манипуляции проделывались и с остальной пищевой продукцией. Выросли розничные цены, что спровоцировало социальную напряженность в обществе [23].

Весьма неоднозначно оценивают аграрные преобразования Н.С. Хрущёва и зарубежные историки. Так, американский специалист по аграрной истории Марк Таугер, рассуждая о кукурузной эпопее, слиянии МТС с колхозами и кампанией на целине и характеризуя усилия Хрущёва в контексте модернизации сельского хозяйства, выдвигает формулу «плохо исполненные хорошие решения» [24].

В этих условиях Институт экономики включился в работу в соответствии со своей миссией и научными традициями. То, что научный коллектив Института не стал заложником политических кульбитов «генеральной линии» аграрных экспериментов Н.С. Хрущёва, говорят фамилии известных ученых-аграрников, работавших в то время в Институте, их личности и убеждения, а также научные работы, выходявшие в то непростое время. Это выдающийся ученый Владимир Григорьевич Венжер (1899–1990 гг.), его последователи и коллеги Г.И. Шмелев, И.Н. Буздалов, Г.Г. Котова, Е.С. Карнаухова, М.И. Сидорова, А.П. Теряева, Т.И. Заславская. В дальнейшем, начиная с 70-х годов, традиции школы В.Г. Венжера были продолжены в исследованиях механизмов хозяйствования и управления такими известными учеными, как академик В.А. Тихонов, Л.В. Никифоров, А.Г. Зельднер, Т.Е. Кузнецова и др. [25].

4. Период с середины 1960-х до начала 1990-х годов: реформы и ренессанс управленческой мысли

Принято считать, что отправной точкой развертывания в 1962–1964 гг. общесоюзной дискуссии о путях совершенствования советской экономической системы стала опубликованная 9 сентября 1962 г. в газете «Правда» статья профессора Харьковского инженерно-экономического института Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия» («Правда». 09.09.1962. № 232 (16108)). Итогом этой дискуссии явилась экономическая реформа 1965 г., проведенная под руководством председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина [26].

Реформы 1965 г., их вызревание, подготовка и осуществление сами по себе явились знаменательным рубежом как в истории экономической и управленческой мысли, так и в практике хозяйствования. Резко активизировалась теоретическая работа в области управленческой тематики, проходили принципиальные дискуссии вокруг идей и принципов реформы, соотношения централизованного планирования и границ хозяйственной самостоятельности предприятий, роли стоимостных инструментов (денег, цен, модификации стоимости и модели цены, себестоимости, прибыли и рентабельности). Само авторство концепции реформ, приписываемое харьковскому экономисту Е.Г. Либерману оспаривалось и продолжает оспариваться в экономической литературе, не говоря уже о содержании его идей. Как отмечал академик А.И. Пашков, большую роль в теоретической подготовке хозяйственной реформы 1965 г. сыграла советская экономическая наука, в частности, работы институтов Академии наук СССР – Института экономики АН СССР, ЦЭМИ АН СССР, новосибирского Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. О том, что широко опубликованные Е.Г. Либерманом в 1962 г. идеи были озвучены еще ранее, в 1957 г., учеными Института экономики РАН академиком К.В. Островитяновым, Л.М. Гатовским, К.Н. Плотниковы и др., писал и М.И. Воейков. Более того, он утверждал, что, не отвергая сам реформационный дух и пафос косыгинских реформ, «...Институт экономики АН СССР в публичной полемике на страницах журнала «Вопросы экономики» высказал и серьезные критические замечания в адрес ряда ошибочных и легковесных рекомендаций Е.Г. Либермана» [27].

Тем не менее и сами идеи реформ середины 60-х годов, и их опыт в значительной мере усилиями фундаментальной академической науки, ученых инженерно-экономических и ведущих экономических вузов кардинально способствовали тому, что в итоге развития управленческой мысли «наука управлять» окончательно конституировалась как самостоятельная научная дисциплина и направление профессиональной подготовки кадров [28].

В 1970–1980-е гг. управленческая тематика окончательно занимает свое законное место в исследовательской деятельности Института экономики АН СССР. Возникают новые научные направления:

- экономические проблемы технического прогресса;
- долгосрочное прогнозирование развития социалистической экономики;
- экономико-математические методы и их использование в области теоретических исследований и народно-хозяйственных расчетов.

В 1970-х годах в составе Института была образована и функционировала до начала 1990-х годов Лаборатория теоретических проблем планового управления народным хозяйством (руководитель д.э.н. А.С. Гусаров). В начале 1980-х годов она сыграла большую роль в качестве головной структуры по исследованию, мониторингу, теоретическому сопровождению экономических экспериментов, возникших на волне затухания 2-й и 3-й волн косыгинских реформ, и проводимых на базе предприятий Минтяжмаша СССР, а затем и Минэлектротехпрома СССР. Структура Лаборатории включала в себя: сектор проблем планирования (зав. сектором д.э.н. А.С. Гусаров), сектор проблем хозяйственного расчета (зав. сектором д.э.н. В.Г. Стародубровский), сектор проблем ценообразования (зав. сектором д.э.н. А.А. Дерябин), сектор проблем финансов и кредита (зав. сектором д.э.н. Д.А. Аллахвердян). Указанная структурная организация позволяла охватить достаточно широкий круг вопросов, связанных с существующими тогда механизмами и инструментами обеспечения планового управления народным хозяйством. Среди направлений исследований, проводимых в Лаборатории, можно выделить следующие:

- развитие планово-экономических методов управления;
- научная организация управления отраслями промышленности;
- качественные изменения в хозяйственном механизме развитого социализма, обусловленные научно-технической революцией;
- хозяйственный расчет на уровне предприятий, производственных объединений и отраслей промышленности;
- развитие теории планового ценообразования и реформа оптовых цен;
- роль финансов и кредита в социалистическом воспроизводстве.

Сотрудники Лаборатории в ходе проводимых исследований достаточно тесно контактировали с общесоюзными государственными ведомствами и организациями, такими как Госплан, Госстрой, Министерство финансов, Государственный комитет по ценам, Стройбанк, отраслевые министерства.

Следует также отметить, что в то время широко практиковалось и поощрялось руководством привлечение к выполнению планов НИР так называемых организаций-соисполнителей. В частности, соиспол-

нителями по планам НИР Лаборатории были: Научно-исследовательский институт планирования и нормативов Госплана СССР, Научно-исследовательский финансовый институт Минфина СССР, Научно-исследовательский институт по ценообразованию Госкомцен СССР, Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, Ленинградский финансово-экономический институт им. Н.А. Вознесенского, Институт экономики АН ЭССР, Институт экономики АН ЛатССР и др. Такая кооперация, позволяющая масштабировать исследования в отраслевом и региональном разрезах, была, безусловно, полезна и для ИЭ АН СССР, и для организаций-соисполнителей³.

В эти годы Институт активно разрабатывал систему управленческих инструментов – научно-методический и нормативно-методический инструментарий. Учеными Института были подготовлены и приняты заказчиками в директивных органах следующие материалы:

- «Порядок оценки научно-технической деятельности научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических организаций» (утвержден ГКНТ СМ СССР и ГК по изобретениям СМ СССР в 1974 г.; рук. С.И. Голосовский);
- «Основные положения по определению экономической эффективности новой техники, изобретений и рационализаторских предложений» (утверждены ГКНТ СМ СССР, Госпланом СССР, АН СССР в 1977 г.; рук. Л.М. Гатовский);
- Типовые методологические положения по определению планового и фактического эффекта новой техники / Науч. рук. Л.М. Гатовский. М.: Институт экономики АН СССР, 1977;
- Методика определения народнохозяйственного социально-экономического эффекта новой продукции / Науч. рук. Л.М. Гатовский. М.: Институт экономики АН СССР, 1978;
- «Положение о научно-производственном объединении» (утверждено СМ СССР в декабре 1975 г.; рук. К.И. Таксир);
- «Положение о фондах экономического стимулирования научно-производственных объединений» (утверждено ГКНТ СМ СССР, Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и Госкомитетом труда СССР в 1976 г.; рук. П.А. Седлов);
- «Методика определения эффективности АСУ – банк» (рук. В.Д. Белкин).

³ Данная информация о деятельности Лаборатории теоретических проблем планового управления народным хозяйством (руководитель д.э.н. А.С. Гусаров) подготовлена и предоставлена главным научным сотрудником Центра исследований проблем государственного управления Института экономики РАН, д.э.н., профессором С.И. Черных.

Лаборатория теоретических проблем планового управления народным хозяйством под руководством А.С. Гусарова приняла активное участие в разработке утвержденных в 1976 г. Госпланом СССР и ГКНТ СМ СССР «Временных общепромышленных методических рекомендаций по проектированию создания и развития производственных объединений в промышленности» (отв. исполнитель Ю.В. Субоцкий).

В 1970-е годы Институт активно занимался новыми методами планирования социалистической экономики. Так, уже в 1971–1972 гг. в Институте приступили к разработке прогноза социально-экономического развития СССР до 1990 г. Первый вариант порученного коллективу Института раздела указанной программы был подготовлен и одобрен Отделением экономики АН СССР в 1977 г.

Разрабатывались программно-целевые методы планирования и управления, создавались соответствующие программные документы.

К 1980 г. были завершены важные разделы «Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий до 2000 г.».

В первой половине 1980-х годов Институт экономики выступал головной организацией по многим темам научно-исследовательских работ, проводившихся по заказам Госплана СССР, координировал работу соисполнителей; принимал участие в разработке «Комплексной программы научно-технического прогресса в 1986–2005 гг.», являясь головной организацией по трем проблемным разделам программ: «Агропромышленный комплекс СССР», «Совершенствование социалистических производственных отношений» и «Трудовые ресурсы» [28; 29].

В те годы в Институте сформировалось сильное научное направление и научная школа, связанные с комплексной теоретической проработкой проблем экономики, управления и стимулирования научно-технического прогресса. Неоценимый вклад в развитие этого направления внесли член-корреспондент АН СССР Л.М. Гатовский, С.А. Хейман, М.А. Виленский, Ю.А. Зыков, обосновав современное понимание научно-технического прогресса, его исключительную роль в качестве источника и фактора экономического роста; воспроизводственные основы в виде народно-хозяйственных комплексов «наука – техника – производство – потребление»; приоритетное значение для технологического уровня производства новых и принципиально новых технологий, а не отдельных видов новой техники; современные методы инвестирования, управления и стимулирования.

Важно подчеркнуть, что в 1986 г. Институт экономики АН СССР возглавил такой известный ученый, как член-корреспондент АН СССР (в дальнейшем академик) Л.И. Абалкин. Это внесло новые импульсы к активизации научной мысли как в области фундаментальной тео-

рии, так и управленческой мысли. Применительно к пониманию сути реформ Л.И. Абалкин впервые обозначил новые глубины теоретической работы – это не просто реформы хозяйствования и управления, но прежде всего стратегические задачи преобразования всей системы производственных отношений, о чем раньше никто не отваживался высказаться с подобной прямотой. И далее была впервые сформулирована принципиальная задача: разработать и осуществить научные основы стратегического управления политикой реформ, которая последовательно решалась уже после 1992 г. в ходе системной трансформации российской экономики.

Леонид Иванович также пригласил на должность 1-го зам. директора Института известного в стране и за рубежом специалиста, видного представителя научной школы по проблемам управления Института США и Канады РАН Б.З. Мильнера. Это в значительной мере обогатило научно-исследовательский потенциал управленческих исследований: в годы реформ второй половины 80-х – начала 90-х под его руководством проводили исследования формирования возникавших в то время новых организационных форм крупного производства в виде государственных концернов и холдингов, формирования прообраза будущего корпоративного сектора российской экономики. И конечно, Борис Захарович был непревзойденным знатоком в области теории и практики государственного управления, что во многом определило направления наших исследований на долгие годы вперед.

Необходимо также отметить в тот период деятельность Лаборатории теоретических проблем планового управления народным хозяйством, когда ее возглавлял В.Г. Стародубровский. Под его руководством проводились теоретические исследования комплексных проблем хозяйственного механизма, вплотную подошедшие к пониманию его как целостной системы хозяйствования и управления в народном хозяйстве, со спецификой управления экономикой в целом (планирование народного хозяйства и государственная экономическая политика, централизованное плановое распределение материальных ресурсов); отраслевого уровня хозяйствования и управления; хозяйствования и управления на уровне основного хозрасчетного звена, где наиболее выпукло проявлялись товарное производство, рынок, прямые связи товаропроизводителей, относительно обособленные хозрасчетные интересы предприятий и трудовых коллективов, роль цен, прибыли, рентабельности, материальных стимулов, право принятия самостоятельных решений в рамках того, как исполнять основные укрупненные задания народно-хозяйственных планов. Позднее, под научно-методическим руководством В.М. Иванченко была проведена научная и аналитическая работа по сопровождению сначала «крупномасштабного, а затем и широ-

комасштабного экспериментов» в промышленности по обкатке новых методов хозяйствования, в ходе которой Институт экономики АН СССР, будучи головным, осуществлял мониторинг хода эксперимента, а затем и разработку научных рекомендаций по их совершенствованию и углублению.

Важно подчеркнуть, что на рубеже 1980–1990-х годов в Институте начинает складываться школа и культура институциональных исследований. Позднее, в годы запуска радикальных рыночных реформ, Институт, осуществляя ежегодный мониторинг результатов применения теоретической модели «шокотерапии», связанных с нею типов политики финансовой стабилизации и антиинфляционных методов, сформировал понимание того, что известные издержки и экономический регресс были предопределены отсутствием соответствующих институциональных основ рыночной экономики. Это же относилось к механическим заимствованиям методологий и методов передовых зарубежных управленческих школ. Эти методы упорно не работали на нашей отечественной почве. Как, впрочем, не работали и трансплантированные институты, что выливалось в казусы имитационной модернизации [31]. Именно тогда в Институте возникли научные направления, связанные с освоением методологии теории эволюционной экономики (академик Л.И. Абалкин, академик В.И. Маевский, Б.З. Мильнер), институциональной и неинституциональной школ (А.Н. Нестеренко, Д.Е. Сорокин, Л.В. Никифоров), теории институциональной, включая организационно-управленческую трансформацию (Б.З. Мильнер, А.Е. Городецкий, Ю.М. Абахов) [32]. Сегодня развитие теории управления в тесной связи с ее институциональными основами – характерная черта научной школы управленческих исследований Института экономики РАН.

Результатами экономических (сначала «крупномасштабного», а позднее «широкомасштабного») экспериментов стали, во-первых, достаточно благополучные (по сравнению с предыдущими) итоги выполнения XII-й пятилетки (1986–1990 гг.) и, во-вторых, то, что они привели в последующем к формированию Концепции социально ориентированной рыночной экономики в ее умеренно-радикальном варианте, в разработке которой огромную роль сыграл Леонид Иванович Абалкин [33], возглавлявший тогда Институт экономики АН СССР (после распада СССР и преобразования Академии наук СССР в Российскую академию наук (РАН) – Институт экономики РАН) и Государственную комиссию Совета Министров СССР по экономической реформе, образованную постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1989 г. № 538. Первоначально отработанные в ходе экспериментов механизмы и методы предполагалось положить в основу будущих экономических реформ. Были опубликованы соответствующие

щие нормативные документы ЦК КПСС и Совета Министров СССР⁴, активно создавалась законодательная база реформ. Однако история, как показали дальнейшие события, пошла по другому пути. Но это уже «совсем другая история».

В целом можно заключить, что история управленческих исследований в Институте экономики РАН прошла большой и сложный путь, тесно взаимосвязанный с историей управленческой мысли в СССР/России – от бурного развития НОТ в 1920-е годы, через сведение ее сутогу к проблемам государственного централизованного планирования в условиях мобилизационной экономики в 1930-е и первые послевоенные годы; сочетание научного поиска в областях политической экономии социализма и прикладных крупных народно-хозяйственных проблем, отраслевых и региональных экономических исследований, а также анализа хозяйственной деятельности государственных хозрасчетных предприятий, до возрождения управленческой мысли, начиная с хозяйственных реформ 1965 г. вплоть до начала радикальных рыночных реформ в Российской Федерации, уже после распада СССР. Сегодня, пройдя через болезненный опыт радикальной ломки экономической системы социализма, утверждения новых экономических и институциональных отношений, управленческих структур, череду больших и малых кризисов, испытания глобальным экономическим кризисом и пандемией, тотальными санкциями – в стране формируется свободная и независимая управленческая мысль и новые модели управления, а также новая генерация профессиональных носителей данных теоретических и практических знаний. И это возникло несмотря и вопреки рискам и неопределенностям, сложностям и непредсказуемости современного мирового и внутреннего политического, экономического и социального развития.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1–2. Пг., 1920. [Sorokin P.A. The System of Sociology. Vol. 1–2. Pg., 1920. (In Russ.)]
2. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. М.: URSS; Ленанд; 2019. [Bogdanov A.A. Tectology: General Organizational Science. M.: URSS; Lenand; 2019. (In Russ.)]
3. Костриков С.П. Становление управленческого образования и науки управления в России и СССР (XIX в. – 1920–1930-е годы XX в.) // Вестник Университета. 2014. № 18. С. 59–68. [Kostrikov S.P. Formation of Management Education and Management Science in Russia and the USSR (19th Century - 20-30s of the 20th Century) // Bulletin of the University. 2014. No. 18. Pp. 59–68. (In Russ.)]

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 июня 1987 г. № 665 «О переводе предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозрасчет и самофинансирование» [76], а также целый ряд законов в развитие принципов новой хозяйственной реформы.

4. Чаянов А.В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства [Текст] / Проф. А. В. Чаянов; С предисл. Л. Крицмана. М.: Новая деревня, 1924. [*Chayanov A.V. Essays on the Economics of Labor Agriculture [Text] / Prof. A.V. Chayanov; with a preface by L. Kritzman. M.: Novaya Derevnya, 1924. (In Russ.).*]
5. Кондратьев Н.Д. План и предвидение: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути сельского хоз-ва. 1927. № 2. [*Kondratiev N.D. Plan and Forecasting: On the Methods of Drawing Up Long-Term Plans for the Development of the National Economy and Agriculture in Particular // Ways of Agriculture. 1927. No. 2. (In Russ.).*]
6. Струмилини, С.Г. Проблемы экономики труда: Очерки и этюды / С.Г. Струмилини. М.: Вопросы труда, 1925. [*Strumilin S.G. Problems of Labor Economics: Essays and Studies / Strumilin S.G. - Moscow: Labor Issues, 1925. (In Russ.).*]
7. Гастев А.К. Нормирование и организация труда. Ленинград: Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. [*Gastev A.K. Standardization and Organization of Labor. Leningrad: Publishing House of the All-Union Central Council of Trade Unions, 1929. (In Russ.).*]
8. Гастев А.К. Как надо работать: практическое введение в науку организации труда / Под общ. ред. Н. М. Бахраха [и др.]. М.: URSS: Librokom, 2011. [*Gastev A.K. How to Work: A Practical Introduction to the Science of Labor Organization / Under the general editorship of N.M. Bakhrakh [and others]. - Moscow: URSS: Librokom, 2011. (In Russ.).*]
9. Гастев А.К. Трудовые установки // Советский производственный менеджмент. 3-изд. М.: URSS, 2011. [*Gastev A.K. Labor installations // Soviet production management. 3rd ed. M.: URSS, 2011. (In Russ.).*]
10. Дунаевский Ф.Р. Об индустриализации в управленческой работе // Производство, труд, управление. 1925. № 4 (6). [*Dunaevsky F.R. On industrialization in management work // Production, labor, management. 1925. No. 4 (6). (In Russ.).*]
11. Витке Н.А. Научная организация техники управления. М.: Кооп. изд-во; 1924. [*Vitke N.A. Scientific organization of management technology. M.: Coop. publishing house; 1924. (In Russ.).*]
12. Керженцев П.М. НОТ. Научная организация труда и задачи партии / П.М. Керженцев. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. [*Kerzhentsev P.M. NOT. Scientific organization of labor and tasks of the party / Kerzhentsev P.M. M.; Pg.: State publishing house, 1923. (In Russ.).*]
13. Журавский А.Ф. Научная организация труда / М.; Л.: Гос. изд., 1926. [*Zhuravsky A.F. Scientific organization of labor / M.; L.: State publishing house, 1926. (In Russ.).*]
14. Ерманский О.А. Научная организация труда и производства и система Тэйлора [Текст] / 4-е изд. М.: Гос. изд., 1925. [*Ermansky O.A. Scientific organization of labor and production and the Taylor system [Text]. 4th ed. Moscow: State pub., 1925. (In Russ.).*]
15. Кравченко А.И. Социальный инженеризм в эпоху советской власти // Социология. 2017. Вып. 1. С. 3–21. [*Kravchenko A.I. Social engineering in the era of Soviet power // Sociology. 2017. Iss. 1. Pp. 3–21. (In Russ.).*]
16. Бразевич Д.С. Генезис отечественных социолого-управленческих концепций в 1920-е годы // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 284–296. [*D.S. Brazevich. 1920s // Vestnik SPbGU. Ser. 12. 2010. Iss. 3. P. 284–296. (In Russ.).*]

- Genesis of domestic sociological and managerial concepts in the 1920s // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. 2010. Iss. 3. Pp. 284–296. (In Russ.)]
17. Попов Г.Х. С точки зрения экономиста. (О романе Александра Бека «Новое назначение» // 1986. Журнал «Знамя». № 10–11). <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-g/s-tochki-zreniya-ekonomista-o-romane-aleksandra-beka-novoe-naznachenie?ysclid=mbweb9tr55873214548> (дата обращения: 14.06.2025). [Popov G.Kh. From the point of view of an economist. (On the novel by Alexander Beck “New Appointment” // Magazine “Znamya” No. 10–11, 1986.). <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-g/s-tochki-zreniya-ekonomista-o-romane-aleksandra-beka-novoe-naznachenie?ysclid=mbweb9tr55873214548> (accessed: 06.14.2025). (In Russ.)]
 18. Пашков А.И. Академия наук СССР и развитие фундаментальных исследований // Журнал № 10, 1974-го года. С. 6 (3–16). [Pashkov A.I. The USSR Academy of Sciences and the Development of Fundamental Research // Magazine No. 10. 1974. P. 6 (3–16). (In Russ.)]
 19. Алексеева Е.Д., Онопенко Я.А., Филиппов А.П. К истории Института экономики РАН: советский период (по архивным документам) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 82–94. [Alekseeva E.D., Onopenko Ya.A., Filippov A.P. On the History of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences: the Soviet Period (Based on Archival Documents) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 2. Pp. 82–94. (In Russ.)]
 20. Городецкий А.Е. Советское мобилизационно-эвакуационное планирование в годы войны и выводы для современности. // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 53–66. [Gorodetsky A.E. Soviet Mobilization and Evacuation Planning During the War Years and Conclusions for the Present Day. // Economic Revival of Russia. 2021. No. 3 (69). Pp. 53–66. (In Russ.)]
 21. Кузнецова Т.Е. К истории Института экономики РАН (АН СССР): домыслы и реалии. М.: Ин-т экономики РАН, 2005. https://web.archive.org/web/20110226013906/http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kuznetsova_institute.html (дата обращения: 13.04.2025) [Kuznetsova T.E. On the History of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (USSR Academy of Sciences): Speculation and Reality. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2005. https://web.archive.org/web/20110226013906/http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kuznetsova_institute.html (accessed: 13.04.2025). (In Russ.)]
 22. Воейков М.И. Политэкономические исследования в Институте экономики РАН за 90 лет // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 11–33. [Voikov M.I. Political economy research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences over 90 years // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 1. Pp. 11–33. (In Russ.)]
 23. Конышев Д.Н. «Догнать и перегнать» (К вопросу об аграрных экспериментах Н.С. Хрущёва) // Журнал Власть. 2014. № 03. С. 149–153. [Konyshev D.N. “Catch up and overtake” (On the issue of N.S. Khrushchev’s agrarian experiments) // Vlast Magazine. 2014. No. 03. Pp. 149–153. (In Russ.)]
 24. Раков А.А. Приоритеты советской аграрной политики в 1953–1964 гг. и попытки преодоления «сталинских перекосов» в сельском хозяйстве // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 4 (48). С. 162–183. [Rakov A.A. Priorities

- of Soviet Agrarian Policy in 1953-1964 and Attempts to Overcome "Stalinist Distortions" in Agriculture // Journal of the New Economic Association. 2020. No. 4 (48). Pp. 162–183. (In Russ.)]
25. *Зельднер А.Г., Фрумкин Б.Е.* Аграрные исследования в 90-летней истории института экономики РАН: люди и судьбы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 34–50. [*Zeldner A.G., Frumkin B.E.* Agrarian Research in the 90-Year History of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences: People and Fates // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 1. Pp. 34–50. (In Russ.)]
 26. *Кирсанов Р.* Реформа Косыгина-Либермана: как совместить план, прибыль и премии // Перспективы. Электронный журнал. 2023. № 2. С. 84–101. [*Kirsanov R.* Kosygin-Lieberman Reform: How to Combine Plan, Profit, and Bonuses // Prospects. Electronic Journal. 2023. No. 2. Pp. 84–101. (In Russ.)] <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-kosygina-libermana-kak-sovmestit-plan-pribyl-i-premiyu/viewer>. DOI: 10.32726/2411-3417-2023-2-84-101
 27. *Воейков М.И.* Роль Института экономики АН СССР в осуществлении хозяйственной реформы 1965 года // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. С. 158–171. [*Voikov M.I.* The role of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences in the implementation of the 1965 economic reform // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 2. Pp. 158–171. (In Russ.)]
 28. *Мельник М.В.* Важный этап развития российской управленческой школы // Управленческие науки. 2016. № 3. С. 1–14. [*Melnik M.V.* An important stage in the development of the Russian management school // Management Sciences. 2016. No. 3. Pp. 1–14. (In Russ.)]
 29. Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986-2005 годы (по пятилетиям). Проблемный раздел 3.1. Основные проблемы развития народного хозяйства. <https://statehistory.ru/books/Kompleksnaya-programma-nauchno-tekhnicheskogo-progressa-SSSR--na-1986-2005-gody-Osnovnie-problemy-narodnogo-khozyajstva> (дата обращения: 14.06.2025). [Comprehensive program of scientific and technological progress of the USSR for 1986-2005 (by five-year plans). Problem section 3.1. Main problems of development of the national economy. <https://statehistory.ru/books/Kompleksnaya-programma-nauchno-tekhnicheskogo-progressa-SSSR--na-1986-2005-gody-Osnovnie-problemy-narodnogo-khozyajstva> (accessed: 14.06.2025). (In Russ.)]
 30. *Ромахина М.* СССР 1983 и 2005 годов глазами Академии наук и Госплана. 07.10.2014. [*Maria Romakhina.* USSR of 1983 and 2005 through the eyes of the Academy of Sciences and the State Planning Committee. 10/07/2014. (In Russ.)] <https://statehistory.ru/4724/SSSR-1983-i-2005-godov-glazami-Akademii-nauk-i-Gosplana/?ysclid=mastkee75b682241925/>.
 31. *Мухамеджанова Н.М., Орлова Е.В.* Имитация или модернизация? Опыт неорганической модернизации // Социодинамика. 2023. № 12. С. 43–53. [*Mukhamedzhanova N.M., Orlova E.V.* Imitation or modernization? Experience of inorganic modernization // Sociodynamics. 2023. No. 12. Pp. 43–53. (In Russ.)]
 32. *Сильвестров С.Н., Городецкий А.Е.* Развитие институциональных исследований в ИЭ РАН в 2005–2010 гг. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 6. С. 86–93. [*Silvestrov S.N., Gorodetsky A.E.* Development of

institutional research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences in 2005-2010 // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 6. Pp. 86–93. (In Russ.)]

33. *Кирсанов Р.Г.* Экономические реформы. Программа Рыжкова – Абалкина. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». <https://bigenc.ru/c/программа-ryzhkova-abalkina-318998> (дата обращения: 14.06.2025). [*Kirsanov R.G.* Economic reforms. Ryzhkov-Abalkin program. Scientific and educational portal "Great Russian Encyclopedia. <https://bigenc.ru/c/программа-ryzhkova-abalkina-318998> (accessed: 14.06.2025). (In Russ.)]

Дата поступления рукописи: 19.05.2025 г.

Дата принятия к публикации: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Городецкий Андрей Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель научного направления, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
AEGorod@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey E. Gorodetsky – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of Research, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
AEGorod@mail.ru

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE DEVELOPMENT OF MANAGEMENT RESEARCH: HISTORICAL AND ECONOMIC ASPECT

The article considers a wide range of scientific researches of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences on the challenges in the management of the national economy, which made a significant contribution both to the development of theoretical issues in economic science and to the solution of practical national economic problems at various stages of the country's history. Among the problems addressed are the following.

Formation of management thought and scientific school of public administration at the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences since its foundation in 1930. Theoretical research and the search for solutions to major national economic problems as a scientific profile and prerequisites for the development of management thought. The main lines of research activity of the Institute in the post-war period, the beginning of a long wave of reformation, transition to a post-mobilization model of economics and management.

Keywords: *foreign management thought, scientific organization of labor (SOL), state planning, research of the 30-40s, long wave of reformation, experiments and reforms of the 80s, post-mobilization economy and management thought.*

JEL: B2, B4, B52, D01, P21, P31.

И.И. СМОТРИЦКАЯ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
заведующая Центром исследований проблем государственного управления
ФГБУН Институт экономики РАН

РАЗВИТИЕ НАУКИ УПРАВЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

В статье рассматривается история становления и развития школы управления, сложившаяся в Институте экономики Российской академии наук в процессе российских реформ по переходу к рыночной экономике. Выделены этапы, направления и новаторские результаты как теоретических, так и прикладных управленческих исследований в постсоветский период. Среди широкого круга вопросов, выступающих предметом исследований в сфере управления, особое внимание уделено формированию новых областей науки управления, значительный вклад в разработку которых внесли труды коллектива Института. Содержательная характеристика этапов эволюции научной школы дается в контексте происходящих трансформационных процессов в российской экономике, выдвигающих новые задачи перед сферой управления. Подробно рассмотрен институциональный аспект исследований, современные вызовы и стратегические тренды развития науки управления.

Ключевые слова: управленческие исследования, реформы управления, государственное и корпоративное управление, институты, структуры управления, управление знаниями, направления развития.

УДК: 338.24.01, 338.24.021.8, 338.242

EDN: JIIDQX

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_29_47

Будущее науки всегда связано с поиском новых подходов.
Те, кто стремятся поднять знания на новый уровень,
опираются на плечи своих предшественников¹.

Л.И. Абалкин

Введение

Теоретические и прикладные проблемы управления экономикой на макро- и микроуровне традиционно занимали значительное место в дискурсе исследований Института экономики Российской академии наук, что сформировало фундаментальную основу для создания и развития одной из ведущих современных российских научных школ управления.

¹ Абалкин Л.И. О 70-летию Института экономики и уроках его истории // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 157–165. С. 163.

Зарождение этой школы связано с углубленными исследованиями проблем организации управления народным хозяйством, проводившимися в рамках теории политической экономии социализма. Но наиболее активное развитие и расширение научного спектра управленческих исследований произошло на рубеже XX и XXI в., что было обусловлено радикальной перестройкой всей системы социально-экономических отношений в постсоветский период. Переход нашей страны к рыночным принципам хозяйствования потребовал качественных перемен в управлении как экономикой в целом, так и ее первичными звеньями. Продолжая традиции ведущего и координирующего научного центра в сфере научных и прикладных организационно-управленческих исследований, коллектив Института обосновал теоретические и практические подходы к перестройке системы управления, что нашло отражение в разработанных концепциях «реформы управления и управления реформами» [1]. Предложенные концепты, направления и институциональные принципы процесса реформирования в значительной мере сформировали векторы дальнейшего развития науки управления в ИЭ РАН.

В период активных рыночных изменений приоритетное внимание уделялось трансформации экономической роли государства и государственному управлению, что определило цели и задачи значительного пласта научных работ. Начиная с 2000-х годов одним из ключевых направлений управленческих исследований стал широкий круг институциональных и прикладных проблем разработки и реализации административных реформ, направленных на перестройку и «глубокую модернизацию государственного регулирования, выстраивание новых конфигураций пространственного развития и институтов экономического федерализма, структур государственного управления и государственной службы» [2, с. 6].

Современный этап в развитии научной школы управления непосредственно связан с поиском новых подходов, отражающих происходящие фундаментальные изменения в понимании роли и функций государства в экономике, трансформации его полномочий в условиях глобальных вызовов информационного, технологического и социального характера. Стало очевидно, что проблема повышения качества государственного управления требует теоретического осмысления последствий трансформационных процессов, их влияния на практику государственного управления.

В представленной статье дана обобщенная характеристика развития научной школы управления ИЭ РАН в постсоветский период и раскрыт современный контекст исследований, формирующих императивы для ее дальнейшего развития.

Развитие научной школы управления в контексте рыночных реформ

В условиях перехода от административно-командной к рыночной системе хозяйствования научный коллектив Института разрабатывал широкомасштабную программу по перестройке управления российской экономикой, направленную на реализацию ряда приоритетных задач как на государственном уровне, так и на уровне хозяйствующих субъектов. Прежде всего стояла задача преодоления глубокого экономического кризиса, разработки стабилизационных мер и перехода к рыночным отношениям, что требовало создания и развития новых институтов, так как формирующиеся в процессе рыночных преобразований экономические и социальные отношения вступали в противоречие со старыми институтами. Поэтому концепция реформирования предполагала реализацию институциональных реформ, целью которых было формирование новых экономических, общественных, политических и административных институтов, соответствующих структур управления.

Основные теоретические положения и концептуальные подходы к реформированию и развитию системы управления нашли отражение в разработанных Институтом экономики стратегиях долгосрочного развития российской экономики. В 1996 г. был подготовлен доклад «Стратегия реформирования экономики России» [3], в 1999 г. вышла коллективная монография «Россия 2015: оптимистический сценарий» (отв. ред. Л.И. Абалкин) [4]. Вынося на обсуждение общественности сценарий социально-экономического развития России, авторы отмечали, что основной смысл перемен состоит в «глубокой и четко организованной стратегии институциональных преобразований» в различных сферах и отраслях экономики, в формировании благоприятной институциональной среды развития, одним из центральных элементов которой являются органы государственного управления [4, с. 8].

Не ставя целью данной статьи ознакомить читателя со всеми авторами указанной монографии, работавшими в Институте, представляется важным отметить, что среди них были выдающиеся ученые, оказавшие в дальнейшем значительное влияние на развитие управленческих исследований. Это, в первую очередь, директор Института, академик РАН Л.И. Абалкин, определивший основной теоретический контур исследований, ставивший задачу разработки новых подходов, перестройки всех эшелонов теоретического знания, радикального обновления всех сфер и отраслей науки [5, с. 16–17], и замдиректора Института, член-корреспондент РАН Б.З. Мильнер, сформировавший приоритеты развития научной школы управления. Значительный вклад в развитие новой концепции управления внесли труды Д.Е. Соро-

кина, А.Е. Городецкого, А.Г. Зельднера, Ю.Г. Павленко, П.В. Савченко, Р.И. Ширяевой и др.

Новизна теоретических положений монографии для постсоветской экономической науки заключалась в использовании «институциональной методологии», рассмотрении государства и государственного управления как совокупности институтов, организационных структур управления. Через призму институционального подхода анализировались и проблемы формирования корпоративного сектора экономики, взаимоотношений между предприятиями и структурами государственного управления на микроуровне [4, с. 170–185]. В качестве новаторского направления следует также отметить изучение негосударственных институтов управления, возникающих в связи с происходящими общественными и социальными изменениями. Как отмечал академик Л.И. Абалкин, «Прежде всего мы наблюдаем, причем не только сегодня, последовательный процесс становления институтов гражданского общества, которые набирают все большую силу в регулировании социально-экономических процессов», хотя они не входят в контур сложившейся системы государственного управления [5, с. 619–620].

При обосновании нового методологического подхода использовались труды выдающихся зарубежных представителей институциональной и новой институциональной экономической теории, базовые положения которых адаптировались к сложившимся условиям, целям и задачам преобразований для достижения стабилизации российской экономики и социально-экономического развития России. На рубеже веков институциональное направление получило дальнейшее активное развитие в трудах научного коллектива специально созданного в Институте Центра институциональных и микроэкономических исследований под руководством А.Е. Городецкого. В сферу научных интересов сотрудников Центра входили вопросы: трансформации и развития государственных и рыночных институтов; регламентации системы регулирования экономических отношений между хозяйственными агентами; становления новых институтов и организационных форм управления как на макроуровне, так и на микроуровнях. Ряд научных результатов, полученных в ходе разработки теоретических основ институциональной трансформации, становления рыночных институтов организации и управления, являлись достаточно новыми для российской управленческой науки. Они нашли отражение в серии статей в ведущих научных журналах и в коллективных научных докладах Центра [6; 7; 8; 9]. В их числе: научный доклад «Теоретические основы институциональной трансформации» (2000 г.), в котором впервые было содержательно раскрыто понятие «системная институциональная трансформация», рассмотрен формирующийся

институциональный дизайн государственного управления и управления корпоративным сектором экономики [8]; доклад «Анализ корпорации и корпоративного управления в условиях трансформации организационно-управленческих систем», в котором были представлены результаты изучения и обобщения теоретических и прикладных аспектов деятельности новых корпоративных субъектов хозяйствования, получавших активное развитие в России [9].

Накопленный значительный научный задел в институциональных исследованиях позволил ИЭ РАН уже в начале 2000-х годов занять лидирующие позиции в изучении проблем трансформации и развития институциональных основ системы государственного управления.

Особо следует выделить роль выдающегося ученого, член-корреспондента РАН Б.З. Мильнера в становлении научной школы управления в ИЭ РАН, систематизации и обогащении научного знания в области управления. Опираясь на достижения отечественной и зарубежной науки и практики управления (рассматриваемой в широком смысле как целенаправленная организация совместной деятельности людей), именно он определил цели, задачи и области для управленческих исследований.

На начальном этапе рыночных реформ научным коллективом под руководством Б.З. Мильнера были разработаны основополагающие подходы и принципы широкомасштабной программы «перестройки» системы управления как на государственном уровне, так и на уровне субъектов хозяйствования, выделены идеи и факторы, которые должны лежать в основе формирования новой модели управления российской экономикой [1]. В этот период в ИЭ РАН под руководством Б.З. Мильнера работал специально созданный Отдел управления народным хозяйством, цель деятельности которого заключалась в содействии решению прикладных задач при реформировании системы управления экономикой.

В результате масштабных научных исследований был определен комплекс фундаментальных проблем в сфере управления на макро- и микроуровне, требующий теоретического осмысления и практической адаптации на каждом новом этапе реформирования и развития российской экономики, что, по сути, заложило *ключевые направления дальнейшего развития* научной школы управления. В их числе: государственное регулирование и эффективность форм государственного вмешательства; государственная собственность и приватизация; оптимизация структуры и функции органов государственного управления; система государственных заказов (контрактов); проблемы управления предприятиями и акционерным капиталом, находящимся в собственности государства; регламентация корпоративного управления [10, с. 82–104].

Также было сформировано направление, связанное с развитием *теории организации управления*, концепции интеграционных и организационных изменений, организационных форм и механизмов управления. Новые теоретические положения и разработки этой предметной области науки управления нашли отражение в фундаментальном труде Б.З. Мильнера – монографии (учебнике) «Теория организации» [11], которая неоднократно обновлялась и содержательно актуализировалась автором. Б.З. Мильнер подчеркивал, что теория организации как единое цельное знание еще не сложилась: она представляет собой совокупность различных концепций, одни из которых взаимодополняемые, другие могут противоречить друг другу. Но во всех случаях объектом исследования выступают отдельно взятая организация или сеть организаций, их целеполагание, структуры, функции, мотивация, системы контроля, лидерство, и теория организации является одной из наиболее динамично развивающихся областей науки [11, с. IX].

Научные разработки школы управления ИЭ РАН в процессе проведения рыночных реформ активно востребовались. Наиболее яркий пример тому – принятие решения о преобразовании Министерства газовой промышленности СССР в Государственный газовый концерн «Газпром» (1989 г.). В это время шел поиск оптимальной организационно-правовой формы управления отраслью для эффективной ее работы в новых условиях хозяйствования. В качестве наиболее перспективной организационной формы Институтом был предложен концерн, который позволял сочетать систему вертикальных связей с горизонтальными, при их координации, что обеспечивало интеграцию материальных и интеллектуальных ресурсов отрасли. Создание концерна требовало увязать преимущества новой структуры с накопленным практическим опытом управления отраслью, поэтому над реализацией проекта совместно работали представители Министерства и коллектив Института, выстраивая концерн, начиная от разработки концептуальных основ до конкретных рекомендаций, что привело к успешному завершению проекта. В августе 1989 г. Совет Министров СССР принял Постановление об образовании Государственного газового концерна «Газпром», ставшего затем РАО «Газпром» (1993 г.), ОАО «Газпром» (1998 г.), а с июля 2015 г. «Газпром» стал публичным акционерным обществом (ПАО). Система корпоративного управления ПАО «Газпром» до настоящего времени находится в фокусе внимания ученых ИЭ РАН.

Разработанные в постсоветский период фундаментальные теоретические концепты и управленческие решения не теряют своей актуальности для науки. Речь идет о «вечных» дискуссионных вопросах экономической теории и теории управления: роли государства в управлении экономикой; разграничении функций государственного управ-

ления и функций непосредственного хозяйствования; разных формах собственности и соответствующих институциональных, организационных принципах управления; о переходе от преимущественно вертикальных связей и структур к горизонтальным, сетевым; о роли человеческого фактора в сфере управления.

Резюмируя отметим, что исследования под руководством Б.З. Мильнера дали начало *качественно новому этапу развития науки управления* в ИЭ РАН – они расширили области исследований и повернули научные интересы к проблемам формирования институциональных основ новой модели государственного управления, «настойчиво выходящему на передний план социально-экономического развития страны» [12, с. 24]. Этот «поворот» обусловил создание в ИЭ РАН специального научного подразделения – сектора, а позднее (в 2010 г.) – Центра институтов государственного регулирования экономики (под руководством А.Г. Зельднера).

В процессе становления школы управления в ИЭ РАН сформировались принципы и особенности ее научной деятельности, которые заключаются в *сочетании фундаментальных комплексных теоретических исследований с обязательной верификацией* – проверкой на практике теоретических наработок. То есть фундаментальность изучения проблем управления в ИЭ РАН означает необходимость «пройти всю цепочку от понятий до конкретных рекомендаций» [12, с. 24].

В начале первого десятилетия текущего века в России продолжались преобразования, затрагивающие почти все институты власти и управления, – реализовывалась концепция второго этапа административной реформы, совершенствовалась законодательная основа государственного управления и власти, получали развитие некоммерческие и саморегулируемые организации. Было принято значительное количество нормативных правовых актов и реализован ряд организационных новаций. В этом контексте вектор управленческих исследований был направлен на анализ последствий реформ «второго поколения» и их влияния на базовые экономические институты государственного управления и регулирования, на изучение теоретических и практических аспектов экономической деятельности государства как собственника и субъекта рыночных отношений.

В изданной в 2006 г. знаковой коллективной монографии «Трансформация роли государства в условиях смешанной экономики» (под ред. А.Г. Зельднера, И.Ю. Ваславской) [13] были обобщены результаты процесса реформирования и предложены пути совершенствования и развития экономических институтов государства: государственной собственности; системы управления государственным акционерным капиталом; финансовой системы; контрактного института государственных закупок; институтов взаимодействия государства и бизнеса.

В дальнейшем данная проблематика стала предметом углубленного анализа и развития в трудах сотрудников «Сектора государственного регулирования экономики» [14; 15; 16; 17].

Отдельной предметной областью исследований являлось изучение *новых организационно-правовых форм компаний*, которым предполагалось передать часть функций государственного управления. В этот период Институт в очередной раз выступил в качестве первой научной организации, давшей комплексную оценку перспективам развития новой организационной формы государственного участия в экономике – государственным корпорациям. Государственные корпорации создавались как институт управления экономическими активами государства в определенных отраслях экономики для обеспечения стратегических национальных интересов. Однако институциональные принципы формирования госкорпораций, наделение их правами распоряжения государственной собственностью, при выводе деятельности госкорпораций (частичного, а в некоторых случаях полного) из-под государственного контроля, вызвало острые общественные дискуссии.

В этой связи особое внимание было уделено вопросам организации контроля за эффективностью использования государственных средств, выделяемых госкорпорациям, системе ответственности за их использование. В рамках научных исследований в полной мере проявился основополагающий принцип школы управления ИЭ РАН – проверка на практике полученных исследовательских результатов. Проблеме эффективности функционирования госкорпораций был посвящен круглый стол, проведенный в 2008 г. научным направлением «Институты современной экономики» (руководитель С.Н. Сильвестров) совместно с Государственным научно-исследовательским институтом системного анализа Счетной палаты Российской Федерации, вызвавший большой интерес в экономическом сообществе, доклады и итоги обсуждения были опубликованы [18].

К концу первого десятилетия XXI в. в нашей стране в целом сложилась концепция развития системы и структуры институтов государственного управления, но произошло замедление реформ государственного управления, что было обусловлено последствиями разразившегося в конце 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса и его влиянием на российскую экономику.

Современный период развития науки управления

Современный этап развития научной школы управления начался в посткризисный период, когда российская экономика столкнулась с очевидными признаками стагнации и исчерпанностью прежней модели экономического развития, с необходимостью формирова-

ния новой модели и соответствующей адаптации институтов, систем управления [2, с. 17–22]. Принятой Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (Стратегия-2020)² декларировался переход российской экономики на траекторию ускоренного развития – на новую модель устойчивого и динамичного роста, осуществляемого за счет модернизации и инноваций. Новые стратегические цели и задачи потребовали разработки теоретического концепта, факторов, институциональных характеристик и форм организации управления инновационной экономикой.

Работа в данном направлении на рубеже второго десятилетия текущего века потребовала проведения значительного числа как фундаментальных, так и прикладных исследований в ИЭ РАН, многие из которых внесли заметный вклад в отечественную науку.

Как известно, инновационная экономика предполагает приоритетное развитие высокотехнологичного и наукоемкого производства, информатизацию общества, внедрение организационных и управленческих инноваций, что требует превращения интеллектуального капитала (накопленного знания) в один из главных источников конкурентных преимуществ. В этот период Б.З. Мильнером закладываются фундаментальные основы новой области науки управления – «*управления знаниями*». Коллективом под его руководством были разработаны и введены новые понятия и категории, рассмотрены ключевые макроэкономические проблемы управления знаниями, обоснованы принципы формирования национальной инновационной системы, предложены организационные формы, процессы и методы управления знаниями [19; 20]. В результате проведенных исследований обогатилась теория российской науки управления, а также и ее практическое применение. «Управление знаниями» стало одним из обязательных курсов при обучении в экономических вузах, в том числе благодаря учебнику «Управление знаниями в инновационной экономике», подготовленному коллективом авторов под ред. Б.З. Мильнера [21].

Объективная необходимость перехода к инновационной модели экономики обусловила актуализацию научных исследований, направленных на разработку системы факторов, содействующих появлению инноваций. Не претендуя на полноту охвата всего спектра работ, отражающих результаты исследований научных сотрудников Института по глобальной теме «Инновационная экономика», отметим, что

² В Концепции (Стратегии-2020) декларировались цели, которых следовало достичь Правительству России до 2020 г. Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

отдельными аспектами выступали проблемы ресурсного обеспечения, формирования системы мер для стимулирования процессов инновационного обновления. В этой связи фокус научных исследований был направлен на развитие партнерства государства и бизнеса для привлечения частных инвестиций, а также на резервы повышения эффективности государственных закупок как инструмента стимулирования инновационного развития.

Труды Института в значительной степени способствовали новаторскому видению управленческих аспектов и трендов развития *института государственно-частного партнерства* (далее – ГЧП). Здесь прежде всего выделим работы А.Г. Зельднера, который поставил вопрос о становлении национальной модели развития России, основой которой является смешанная экономика на базе механизмов ГЧП [22].

Поиск резервов повышения эффективности используемых государством форм и механизмов партнерства для привлечения потенциала частного бизнеса к реализации инновационных проектов потребовал (помимо теоретических) масштабных прикладных исследований. В 2011–2013 гг. научный коллектив под руководством А.Г. Зельднера выполнил комплексный анализ результатов развития различных форм ГЧП, в том числе деятельности особых экономических зон (далее – ОЭЗ). Обобщение результатов исследований позволило определить, в какой степени методы государственного управления, предложенные налоговые и таможенные стимулы способствуют привлечению частных инвестиций, а также выявить институциональные барьеры и ограничения, препятствующие внедрению инновационных разработок резидентов ОЭЗ. По материалам исследований публиковались ежегодные аналитические доклады с пакетом разработанных предложений и рекомендаций для повышения эффективности деятельности ОЭЗ и научные монографии [23; 24].

В принятой в 2011 г. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года («Инновационная Россия – 2020») система государственных и муниципальных закупок рассматривалась в качестве одного из значимых механизмов государственного управления, реализации инновационной политики государства, создания спроса на инновации³. Отметим, что *управление закупками* является одной из областей научных исследований, получивших в Институте углубленное развитие, что, в частности, привело к созданию в 2014 г. научного подразделения – «Сектора контрактных отношений», специализировавшегося на данной проблематике. Круг вопросов,

³ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года; утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (раздел VIII, подраздел 3).

связанный с организацией и управлением закупками товаров (работ, услуг) для обеспечения общественных нужд, с повышением инновационной активности, стал предметом целого ряда различных исследований и большого количества публикаций. Среди них следует выделить коллективную монографию «Управление закупками в инновационной экономике: вопросы теории и практики» (2014 г.), которая стала одной из последних научных работ с участием Б.З. Мильнера [25].

Но главная научная цель, стоящая перед сотрудниками Сектора, заключалась в разработке нового теоретического концепта развития контрактной системы закупок как института государственного хозяйствования и механизма управления экономикой. Предложенный концептуальный подход основывался на новой «идеологии» развития контрактной системы, введении категории «публичные закупки», регламентации понятийного аппарата, выделении и разграничении отдельных сегментов на рынке закупок товаров, работ, услуг. Для формирования институционального контура новой модели контрактной системы предлагалась комплексная реформа законодательного регулирования контрактных отношений, реструктуризация и дифференциация нормативно-правовой базы отдельных сегментов в сфере публичных закупок [26; 27; 28].

Большой теоретический и практический пласт фундаментальных и прикладных разработок позволил научному коллективу Сектора занять лидирующие позиции в данной предметной области науки, стать востребованными экспертами при разработке органами власти проектов институциональных реформ в сфере закупок. Среди наиболее значимых отметим реализованный в 2017 г. совместно с Центром стратегических разработок (ЦСР) масштабный проект, имеющий целью создание эффективной модели закупок [29].

Новый импульс развитию науки управления придали организационные изменения в ИЭ РАН, в результате которых в 2016 г. был образован Центр исследований проблем государственного управления в рамках научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» (руководитель направления – А.Е. Городецкий). Коллектив Центра, наряду с творческим развитием сложившихся направлений управленческих исследований, расширил предметную область и круг изучаемых вопросов для углубленной разработки темы *повышения качества государственного управления*. Выполнение поставленной исследовательской задачи потребовало переосмысления самого понятия «качество государственного управления», категории «эффективность» управления, выделения и анализа институциональных факторов, препятствующих повышению качества управления государственным имуществом, экономическими активами государства [30; 31; 32].

Новым направлением исследований стала цифровизация системы государственного управления, внедрение цифровых и платформенных решений, анализ возникающих возможностей для повышения качества управления и соответствующих институциональных рисков цифровых преобразований. На основе результатов научной работы был подготовлен комплекс предложений как методологического, так и прикладного характера по реформированию институциональной среды государственного управления, которые нашли содержательное отражение в научных докладах и публикациях сотрудников Института. В качестве обобщающей и наиболее полно отражающей результаты исследований следует выделить монографию «Институты государственного управления в контексте стратегических вызовов российской экономики» (под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой), изданную в 2020 г. издательством «Алетейя» [33].

В целом институциональный императив научных управленческих исследований в двадцатых годах текущего века заключался в том, чтобы на основе обобщения результатов управленческих реформ и анализа накопленного опыта вносить необходимые коррективы в институциональную среду и одновременно формировать новые институты для обеспечения и регулирования инновационных процессов. По сути, речь шла о разработке концептуальных подходов и методов модернизации экономических институтов государства в целях повышения эффективности государственного управления и достижения стратегических целей развития [34, с. 305].

Навстречу новым вызовам и возможностям

В настоящее время поиск модели государственного управления, адекватной происходящим в мире глобальным трансформационным изменениям, вызовам политического, социального, экономического и технологического характера, идет во всем мире. Перед российским научным сообществом на современном этапе стоит актуальная задача по формированию нового теоретического концепта государственного управления. В рамках происходящих активных дискуссий Институт разработал и предложил свою теоретическую концепцию, обосновал необходимость перехода к *новой публичной парадигме государственного управления*, сформулировал основополагающие принципы модели публичного управления [35]. Расширение масштаба и глубины теоретических исследований стало возможным за счет развития междисциплинарного подхода, имплементации положений современной экономической теории государства, достижений политологии, социологии и правоведения. Вклад в формирование нового фундаментального направления внесли разработанные в Институте новые подходы

к построению экономической теории государства. Здесь прежде всего выделим монографию «Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма» / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга [36], а также работы сотрудников Центра исследований проблем государственного управления: И.И. Смотрицкой, С.И. Черных, С.В. Максимова, Е.С. Сазоновой [37; 38].

Новые глобальные вызовы обусловили новый фокус исследований трендов *трансформации институтов и инструментов управления* – через призму достижения национальных целей развития страны. В настоящее время проблема целеполагания является одной из наиболее актуальных, так как именно на этапе определения целей формируются предпосылки для принятия эффективных управленческих решений. В этой связи совершенно закономерно, что изучение вопросов целеполагания в государственном управлении стало одной из новых областей научных исследований. Именно целеполагание в использовании объектов государственного имущества является первоначально важным для системы стратегического управления, разработки государственных программ. Комплексному анализу основополагающих проблем, связанных с целеполаганием, изучению институциональных предпосылок их возникновения, влияния на трансформацию экономических институтов государства посвящены исследования С.В. Козловой, С.А. Братченко, П.А. Звягинцева, О.М. Грибановой, актуальные результаты которых неоднократно публиковались на страницах журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук» [39; 40].

В условиях происходящих фундаментальных перемен на всем мировом пространстве накопленный теоретический багаж и практический опыт школы управления Института становится особенно востребованным. Отметим, что научные традиции управленческих исследований находят продолжение в работах молодых ученых, которые развивают сложившиеся направления и активно содействуют возрождению «забытых». Так, изучение трансформации институциональной среды управления компаниями с государственным участием, разработка методологии измерения и оценки качества корпоративного управления, обширные эконометрические исследования позволили ИЭ РАН вновь занять лидирующие позиции в этой предметной области науки управления и возродить проблематику управления компаниями с государственным участием, что стало возможным в том числе благодаря исследованиям молодых ученых Н.Д. Фроловой и А.Ю. Яковлева.

Сегодняшнее турбулентное время – это время исканий в области управления, когда практика остро нуждается в научных рекомендациях. Отметим, что в соответствии с целями проводимого в нашей

стране «Десятилетия науки и технологий в России (2022–2031 гг.)»⁴ поставлена задача по вовлечению исследователей в решение важнейших проблем развития России. Для реализации этой задачи в рамках инициативы «Наука и бизнес» разработан комплекс мер, направленных на обеспечение взаимодействия представителей науки, образования, государственных органов и бизнес-сообщества. Институт экономики РАН, как всегда, оперативно реагирует на новые задачи и проблемы. В Институте создан и успешно действует Научно-экспертный совет по проблемам управления (НЭС), который выступает в качестве независимой площадки для сотрудничества представителей науки, различных государственных органов и бизнеса.

Партнерами в организации деятельности НЭС являются федеральные органы законодательной и исполнительной власти, представители системообразующих компаний российской экономики и ведущих научных школ страны. О высокой оценке профессионального уровня Совета свидетельствует тот факт, что одно из первых Общественных обсуждений предложений по актуализации российского Кодекса корпоративного управления было проведено Центральным банком РФ на площадке НЭС⁵.

Резюмируя, подчеркнем, что новые возможности развития науки управления в ИЭ РАН связаны с междисциплинарными исследованиями, плодотворным сотрудничеством с ведущими российскими научными школами управления, представителями бизнеса, практиками. Как и ранее, современная школа управления придерживается важнейшего принципа научной деятельности – сочетания фундаментальных комплексных теоретических исследований с практической верификацией их результатов.

Институт экономики Российской академии наук отмечает свой 95-летний юбилей в очень непростой период для нашей страны. На протяжении всей истории существования Института школа управления давала начало новым прорывным исследованиям, обеспечивала теоретическое, методологическое и научно-аналитическое сопровождение «реформ управления и управления реформами». Так происходит и сейчас, когда меняется глобальный миропорядок, происходят фундаментальные изменения в политике, экономике, социальной сфере. Наука управления в ИЭ РАН продолжает активно развиваться и решать новые стратегические задачи, связанные с выработкой оптимальных управленческих решений для реализации стратегических

⁴ Подробнее см.: <https://наука.рф/initiatives/ploshchadki-dlya-vzaimodeystviya-nauki-biznesa-gosudarstva-i-obshchestva/?tab=initiatives-objectives>.

⁵ Подробнее см.: <https://inecon.org/institut/struktura-instituta/nauchno-ekspertnyj-sovet-po-problemam-upravleniya.html>.

целей социально-экономического развития страны. В заключение процитируем слова Б.З. Мильнера, сформулировавшего базовый принцип, которому будет и далее следовать в своем развитии школа управления: «Многое с годами меняется в методах управления и в практике хозяйственной жизни. Но есть одна область, которую важно неизменно поддерживать на уровне высоких требований и стандартов, – это компетентность» [41, с. 9].

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Мильнер Б.З. Реформы управления и управление реформами. В 2-х частях. М.: ИЭ РАН, 1994. [Milner B.Z. Management Reforms and Reform Management in 2 parts. Moscow: Institute of Economics RAS. 1994. (In Russ.)]
2. Городецкий А.Е. Институты государственного управления в условиях новых вызовов социально-экономического развития: Монография. М.: Институт экономики РАН, 2018. [Gorodetsky A.E. Institutes of public administration in the context of new challenges of socio-economic development: A monograph. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. (In Russ.)]
3. Стратегия реформирования экономики России. Аналитический доклад Института экономики РАН // Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 4–73. [The strategy of reforming the Russian economy. Analytical report of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences // Voprosy ekonomiki. 1996. No. 3. Pp. 4–73. (In Russ.)]
4. Россия – 2015: оптимистический сценарий / под ред. Л.И. Абалкина. М.: ММВБ, 1999. [Russia – 2015: Optimistic Scenario / Ed. L.I. Abalkina. M.: MICEX, 1999. (In Russ.)]
5. Абалкин Л.И. Избранные труды: в 4-х томах. Т. IV / Вольное экономическое общество России; сост. О.М. Грибанова. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. [Abalkin L.I. Selected works: in 4 volumes. Vol. IV: / Free Economic Society of Russia; comp. Gribanova O.M. M.: JSC NPO Economy. 2000. (In Russ.)]
6. Городецкий А.Е. Об основах институциональной трансформации (теоретический аспект) // Вопросы экономики. 2000. № 10. С. 118–133. [Gorodetsky A.E. On the fundamentals of institutional transformation. (theoretical aspect) // Voprosy ekonomiki. 2000. No. 10. Pp. 118–133 (In Russ.)]
7. Городецкий А.Е., Павленко Ю.Г. Реформирование естественных монополий // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 137–146. [Gorodetsky A.E., Pavlenko Yu.G. Reforming natural monopolies // Voprosy ekonomiki. 2000. No. 1. Pp. 137–146. (In Russ.)]
8. Городецкий А.Е., Павленко Ю.Г., Абахов Ю.М., Дадашев А.З., Савченко П.В. и др. Теоретические основы институциональной трансформации. М.: ИЭ РАН, 2000. [Gorodetsky A.E., Pavlenko Yu.G., Abakhov Yu.M., Dadashev A.Z., Savchenko P.V. and others. Theoretical foundations of institutional transformation. Moscow: IE RAS, 2000. (In Russ.)]
9. Абахов Ю.М., Лукашенко О.В., Смотрицкая И.И. и др. Анализ корпорации и корпоративного управления в условиях трансформации организационно-управленческих систем (теоретические основы) М.: ИЭ РАН, 2001. [Abakhov Yu.M., Lukashenko O.V., Smotritskaya I.I. and others. Analysis of corporations and corporate

- governance in the context of the transformation of organizational and managerial systems (theoretical foundations) М.: IE RAS. 2001. (In Russ.)]
10. Мильнер Б.З. Реформы управления и управление реформами. Ч.1. М.: ИЭ РАН, 1994. [Milner B.Z. Management reforms and management of reforms. Part 1. Moscow: IE RAS, 1994. (In Russ.)]
 11. Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2012. [Milner B.Z. Theory of organization: Textbook. 8th ed., revised and additional М.: INFRA-M., 2012. (In Russ.)]
 12. Дерябина М.А. Современные проблемы управления в научном наследии Б.З. Мильнера // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 2. С. 21–36. [Deryabina M.A. Modern management problems in the scientific heritage of B.Z. Milner // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2015 No. 2. Pp. 21–36. (In Russ.)]
 13. Трансформация роли государства в условиях смешанной экономики: монография / отв. ред. А.Г. Зельднер, И.Ю. Ваславская. Институт экономики РАН. М.: Наука, 2006. [Transformation of the role of the state in a mixed economy: a monograph / edited by A.G. Zeldner, I.Y. Vaslavskaya. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Nauka Publ., 2006. (In Russ.)]
 14. Зельднер А.Г. Концептуальные подходы к стратегии и тактике государственного регулирования экономики. М.: ИЭ РАН, 2007. [Zeldner A.G. Conceptual approaches to the strategy and tactics of state regulation of the economy. Moscow: IE RAS, 2007. (In Russ.)]
 15. Ширяева Р.И. Государственная собственность: резервы повышения эффективности. М.: ИЭ РАН, 2010. [Shiryayeva R.I. State property: reserves for increasing efficiency. Moscow: IE RAS, 2010. (In Russ.)]
 16. Смотрицкая И.И. Экономика государственных закупок. М.: ИЭ РАН, 2008. [Smotritskaya I.I. Economics of public procurement. Moscow: IE RAS, 2008 (In Russ.)]
 17. Государственный сектор экономики: современные тенденции развития: монография / под ред. А.Г. Зельднера, С.И. Черных. М.: ИЭ РАН, 2009. [The public sector of the economy: current development trends. The monograph / edited by A.G. Zeldner, S.I. Chernykh. Moscow: IE RAS. 2009. (In Russ.)]
 18. Государственные корпорации в России: правовые и экономические проблемы / Научные редакторы сборника д.э.н. проф. С.Н. Сильвестров, д.э.н. проф. А.Г. Зельднер, к.э.н. И.Ю. Ваславская. М.: ИЭ РАН, 2008. [State corporations in Russia: legal and economic problems. / Scientific editors collection of Doctor of Economics, Professor S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor. A.G Zeldner, Ph.D. in Economics, I.Y. Vaslavskaya, Moscow: IE RAS, 2008. (In Russ.)]
 19. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями: монография / под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. [Innovative development: economics, intellectual resources, knowledge management: monograph / edited by B.Z. Milner, Moscow: INFRA-M, 2009. (In Russ.)]
 20. Мильнер Б.З. Управление знаниями в современной экономике: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2008. [Milner B.Z. Knowledge management in modern economics. Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2008. (In Russ.)]
 21. Управление знаниями в инновационной экономике: Учебник / под ред. Б.З. Мильнера. М.: «Издательство «Экономика», 2009. [Knowledge management

- in innovative Economics: Textbook / edited by B.Z. Milner, Moscow: Ekonomika Publishing House, 2009. (In Russ.)]
22. Зельднер А.Г. Партнерские отношения государства, бизнеса и общества в условиях смешанной экономики. М.: Экономические науки, 2010. [Zeldner A.G. Partnership relations between the state, business and society in a mixed economy. Moscow: Economic Sciences, 2010. (In Russ.)]
 23. Формы и механизмы взаимодействия субъектов смешанной экономики / научн. ред. С.Н. Сильвестров, А.Г. Зельднер, С.В. Козлова. М.: ИЭ РАН, 2009. [Forms and mechanisms of interaction of subjects of a mixed economy / scientific editors S.N. Silvestrov, A.G. Zeldner, S.V. Kozlova. Moscow: IE RAS, 2009. (In Russ.)]
 24. Государственно-частное партнерство в условиях инновационного развития экономики: монография / под ред. А.Г. Зельднера, И.И. Смотрицкой. М.: ИЭ РАН, 2012. [Public-private partnership in the context of innovative economic development: a monograph / edited by A.G. Zeldner, I.I. Smotritskaya. Moscow: IE RAS, 2012. (In Russ.)]
 25. Управление закупками в инновационной экономике: вопросы теории и практики: монография / под ред. И.И. Смотрицкой. М.: ИЭ РАН, 2014. [Procurement management in the innovative economy: issues of theory and practice. The monograph / edited by I.I. Smotritskaya, Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russ.)]
 26. Смотрицкая И.И., Анчишкина О.В., Черных С.И. Проблемы и стратегические задачи развития института общественных закупок // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5 (164). С. 70–78. [Smotritskaya I.I., Anchishkina O.V., Chernykh S.I. Problems and strategic objectives for the development of a public purchasing institution // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. No. 5. Pp. 514–520. (In Russ.)]
 27. Смотрицкая И.И., Шувалов С.С. Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 99–114. [Smotritskaya I.I., Shuvalov S.S. Development of the government procurement institution (toward the formation of a new model for the contract procurement system) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 5. Pp. 99–114. (In Russ.)]
 28. Смотрицкая И.И., Черных С.И. Контрактная парадигма: Нобелевская премия по экономике – 2016 // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 6. С. 91–96. [Smotritskaya I.I., Chernykh S.I. The contract paradigm. The Nobel prize in economics-2016. // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 6. Pp. 91–96. (In Russ.)]
 29. Госзакупки. Какой должна быть контрактная система? / Анчишкина О.В., Смотрицкая И.И., Бегтин И.В. и др. Доклад. М.: ЦСР, 2017. [Public procurement. What should be the contract system? / Anchishkina O.V., Smotritskaya I.I., Begtin I.V. and others. Report / Moscow, CSR, 2017 (In Russ.)]
 30. Смотрицкая И.И. Новая экономическая стратегия требует нового качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 5. С. 7–22. [Smotritskaya I.I. A new economic strategy requires a new quality of public administration. // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 5. Pp. 7–22. (In Russ.)]

31. Братченко С.А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональные аспекты: Научный доклад, М.: ИЭ РАН, 2021. [Bratchenko S.A Quality of state governance: theoretical, methodological and institutional aspects. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. (In Russ.)]
32. Козлова С.В., Братченко С.А., Звягинцев П.С. Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2019. [Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Zvyagintsev. P.S. State property administration in modern Russia: evolution of concepts, tools, mechanisms: Report. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2019. (In Russ.)]
33. Институты государственного управления в контексте стратегических вызовов российской экономики: монография / под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой. СПб.: Алетейя, 2020. [Institutes of public administration in the context of strategic challenges of the Russian economy: a monograph / edited by I.I. Smotritskaya, S.V. Kozlova. St. Petersburg: Aletheia, 2020. (In Russ.)]
34. Urbi et orbi / под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна: в 4 т. СПб.: Алетейя, 2015. Т. 4 Институты современной экономики / под ред. А.Е. Городецкого. СПб.: Алетейя, 2015. (Библиотека Новой экономической ассоциации). [Urbi et orbi/ under the general editorship of R.S. Grinberg, A.Ya. Rubinstein: in 4 volumes. St. Petersburg; Aleteya, 2015. Vol. 4 Institutes of Modern Economics / edited by A.E. Gorodetsky. St. Petersburg: Aletheia, 2015. (Library of the New Economic Association). (In Russ.)]
35. Теории и методы исследований государственного управления: современные тенденции (Круглый стол НИУ ВШЭ, 22 апреля 2024 г.) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 7–38. [Theories and methods of public administration research: current trends (HSE Round Table, April 22, 2024) // Issues of State and Municipal Administration. 2024. No. 3. Pp. 7–38. (In Russ.)]
36. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. СПб.: Алетейя, 2020. [The Economic Theory of the State: a New Paradigm of Paternalism / edited by A.Ya. Rubinstein, A.E. Gorodetsky, R.S. Grinberg. St. Peterburg: Aletheia, 2020. (In Russ.)]
37. Смотрицкая И.И., Черных С.И., Сазонова Е.С. Концепция публичного управления в контексте долгосрочных целей экономической политики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 4. С. 60–76. [Smotritskaya I.I., Chernykh S.I., Sazonova E.S. The concept of public administration in the context of long-term goals of economic policy // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 4. Pp. 60–76. (In Russ.)] EDN: QDPCPH. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_4_60_76.
38. Современные институты государственного управления: вызовы, адаптация, развитие: монография / под общей ред. И.И. Смотрицкой, С.И. Черных. М.: ИЭ РАН, 2024. [Modern institutions of public administration: challenges, adaptation, development: The monograph / under the general editorship of I.I. Smotritskaya, S.I. Chernykh. Moscow: IE RAS, 2024. (In Russ.)]
39. Козлова С.В. Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022–2024 гг. (ч. II) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 6. С. 56–69. [Kozlova S.V. Transformation of State

- property management Institutions Results of 2022–2024 (PART II) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 6. Pp. 56– 69. (In Russ.)] EDN: WCOFUS. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_6_56_69.
40. Братченко С.А. Целеполагание в государственном управлении: вопросы достижимости, релевантности и согласованности целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 1. С. 24–46. [Bratchenko S.A. Goal setting in state governance: issues of achievability, relevance and consistency of goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 1. Pp. 24–46. (In Russ.)] EDN: DTMBLL. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_24_46.
41. Мильнер Б.З. Реформы управления и управление реформами. Ч. 2. М.: ИЭ РАН, 1994. [Milner B.Z. Management reforms and management of reforms. Part 2. Moscow: IE RAS, 1994. (In Russ.)]

Дата поступления рукописи: 19.05.2025 г.

Дата принятия к публикации: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смотрецкая Ирина Ивановна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром исследований проблем государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9624-6173
irinasmot@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Smotritskaya – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Public Administration Research, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9624-6173
irinasmot@yandex.ru

DEVELOPMENT OF MANAGEMENT SCIENCE IN POST-SOVIET STUDIES AT THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article examines the history of the formation and development of the management school that emerged at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences during the period of Russia's transition to a market economy. The stages, directions and innovative results of both theoretical and applied management research in the post-Soviet period are highlighted. Among the wide range of issues that are the subject of management research, particular attention is paid to the formation of new areas of management science, a significant contribution to the development of which was made by the work of the Institute's research team. A meaningful description of the stages of the scientific school's evolution is given in the context of ongoing transformational processes in the Russian economy, which present new management challenges. The institutional aspect of research, modern challenges and strategic trends in the development of management science are considered in detail.

Keywords: *management research, management reforms, public and corporate governance, institutions, management structures, knowledge management, development directions.*

JEL: O11, O38, E60, A11.

80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

М.И. ВОЕЙКОВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
заведующий сектором политической экономии Центра методологических
и историко-экономических исследований ФГБУН Институт экономики РАН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ЖИЗНИ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АН СССР

В 1941 г. большая часть сотрудников Института экономики АН СССР пошла добровольцами в действующую армию и сражались с фашистами до полной победы. Часть сотрудников Института продолжали научную работу, в основном проводившуюся по военной тематике. Учеными Института экономики в годы Великой Отечественной войны было написано более 30 книг по острым проблемам войны и обороны. В послевоенный период ученые Института продолжали активно разрабатывать проблемы экономики Великой Отечественной войны, подготовки к войне и восстановления народного хозяйства. Об этом свидетельствуют многие публикации и, прежде всего, специальный, 5 том семитомной «Истории социалистической экономики СССР», за что авторский коллектив был удостоен Государственной премии СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная экономика, Институт экономики АН СССР, послевоенное восстановление народного хозяйства, оборонная промышленность, экономические проблемы обороны.

УДК: 330.8

EDN: OEYZAA

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_48_57

Великая Отечественная война для России и народов Советского Союза явилась очень большим испытанием во многих отношениях. И важнейшим, а возможно даже главным, было испытание экономической системы СССР. Советская экономическая система блестяще выдержала это испытание и продемонстрировала всеми миру свои преимущества в критические моменты истории. Но главным побе-

дителем в Великой Отечественной войне был все же советский народ, испытавший много трудностей и горя, все те, кто героически сражались на поле боя и понесли громадные потери, и те, кто самоотверженно работали в тылу. Институт экономики АН СССР (ныне РАН) в октябре 1941 г. был эвакуирован в Казахстан, в город Алма-Ата. Исполняющим обязанности директора Института был назначен к.э.н. А.А. Арутюнян. Некоторые сотрудники работали в других городах (Ташкенте, Свердловске, Куйбышеве и даже в Москве). Институт тогда по численности сотрудников был небольшим. Перед войной в нем работало всего 139 человек, а к началу 1942 г. осталось только 42, в том числе старших научных сотрудников – 26 человек [14, с. 158]. Возвратился Институт в Москву в 1943 г.

За военные годы сотрудники Института выпустили более 30 книг, посвященных военной тематике. В основном это были небольшие работы по очень острым проблемам войны, оборонной промышленности и сельскохозяйственного производства. Среди них можно назвать работы Ф.И. Михалевского «Звериное лицо германского фашизма» (1941) [12], М.Н. Смит «Что обещал и что дал германский фашизм трудящимся массам» (1941) [16], К.В. Островитянова «Фашизм под маской национал-социализма» (1942) [15], И.Д. Лаптева «Колхозный строй в условиях Отечественной войны» (1943) [10], З.В. Атласа «Хозяйственный расчет и его роль в условиях Отечественной войны» (1944) [1].

Примечательной была работа И.М. Бровера «Советские патриотки у станков куют победу над фашизмом», которая была выпущена Профиздатом в сентябре 1941 г. Отмечая значение труда женщин, когда многие мужчины пошли на фронт, И.М. Бровер справедливо пишет: «бесперебойная, высокопроизводительная работа промышленности является важнейшим условием победоносного сопротивления врагу и его полного разгрома» [3, с. 4]. «В выполнении огромных задач, стоящих перед нашей промышленностью, исключительно велика роль советских женщин» [3, с. 5]. И дальше: «Сотни и тысячи домохозяйек пришли на производство, чтобы заменить своих мужей, братьев, сыновей, с оружием в руках сражающихся против фашистских орд» [3, с. 12]. «Советские патриотки считают своим долгом работать за двоих, за троих, выполнять по 2–3 нормы, чтобы множить и крепить боевую мощь героической Красной Армии» [3, с. 18].

Эту же тему продолжал другой сотрудник Института экономики – Е.Л. Грановский. В своей небольшой работе под названием «Самоотверженный труд – залог победы над врагом» (1941) он писал: «Миллионы женщин Советского Союза идут работать на фабрики, заводы и шахты, железные дороги. Самоотверженным трудом на социалистических полях колхозницы обеспечивают своевременную уборку урожая без потерь» [7, с. 12]. И тут же привел конкретный пример: «В механический

корпус Горьковского завода «Красная Этна» поступила 50-летняя домохозяйка Крылова – мать троих сыновей, находящихся в рядах Красной Армии. Она заявила, что не может сидеть сложа руки, хочет трудиться для укрепления обороноспособности родины» [7, с. 12].

Привлекает внимание также работа А.И. Ноткина «Экономией сырья и топлива укрепим оборонную мощь нашей Родины», подписанную в печать в апреле 1942 г. А. Ноткин пишет: «В СССР борьба за экономию во всем есть одно из проявлений советского патриотизма. Каждый сэкономленный в нашем хозяйстве килограмм металла, нефти, угля – это увеличение силы огневой мощи нашей Красной Армии, это добавочный удар по лютому врагу нашей родины» [13, с. 4]. И далее Ноткин приводит конкретные цифры. Например, он пишет, что экономия 1% угля равна добавочной добыче миллионов тонн угля, 1% экономии нефти равносильно получению сотен тысяч тонн нефти, 1% экономии стали равен дополнительной выплавке миллионов тонн стали [13, с. 10]. Можно предположить, что сегодня экономия сырья и топлива также имеет громадное значение, но в реальной жизни мы видим большие перерасходы того и другого.

Особого внимания, конечно, заслуживают сотрудники Института экономики АН СССР, которые добровольно пошли на фронт. В самом начале войны, 6 июля 1941 г., 27 сотрудников, ставших добровольцами, собрались во дворе Института, который тогда располагался на Волхонке, 14, и оттуда отправились на фронт в составе дивизии народного ополчения Киевского района Москвы. Об этом хорошо написал в своих воспоминаниях Е.Л. Маневич. Он называет тех сотрудников, которые до конца остались в составе 21 стрелковой дивизии. Это: И.А. Анчишкин, С.И. Бессонов, Я.А. Кронрод, М.И. Куркин, Е.Л. Маневич, Б.Л. Маркус, Д.С. Телятников, Д.Т. Шепилов, Я.Г. Фейгин и аспиранты В.В. Варакин, С.М. Иванов, М.Т. Пономарев [11, с. 59].

Надо заметить, что доктор экономических наук Дмитрий Трофимович Шепилов с 1937 г. был ученым секретарем Института экономики. При этом вел активную исследовательскую работу и написал несколько монографий. Так, в 1940 г. у него в Политиздате вышла монография на тему «Социалистическая колхозная собственность». В 1941–1942 гг. Д.Т. Шепилов возглавлял политотделы Московского ополчения, в 1944–1946 гг. – политотдел 4-й Гвардейской армии, а с 1946 г. стал замначальника Управления пропаганды и агитации Главного политуправления Вооруженных сил. Закончил войну в звании генерал-майора. После войны был главным редактором газеты «Правда», секретарем ЦК КПСС, с июля 1956 г. по февраль 1957 г. – министром иностранных дел СССР. Но в июле 1957 г. на Пленуме ЦК КПСС Д.Т. Шепилов выступил против волюнтаризма Н.С. Хрущева, за что был отправлен в политическую ссылку в Киргизию [9].

В Институте экономики в разное время работали люди, которые участвовали в боевых действиях, а свою судьбу связали с Институтом уже после войны. Из таких людей в первую очередь нужно назвать Е.И. Капустина, который 15 лет был директором Института экономики АН СССР. В 1941 г., еще до начала войны, Е.И. Капустин учился в танковом училище в Белоруссии. В 1944 г. Евгений Иванович в бою под Новгородом получил тяжелое осколочное ранение в область сердца. После войны, окончив экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, он работает в Госкомтруде СССР, с 1965–1971 гг. – директор НИИ труда, а с 1971 г. по 1986 г. – директор Института экономики АН СССР.

Но вернемся к сотрудникам Института экономики, которые добровольно пошли воевать за Родину. Одним из них был Я.А. Кронрод. Сохранились фронтовые письма Якова Абрамовича, о которых Н.Ю. Ахапкин хорошо сказал: «Эти письма необычны. В них – и слова солдата, оторванного войной от дома, и человека, без иллюзий анализирующего происходящее, цепко в него вглядывающегося, и человека, который, и воюя, не мог не думать о главном для себя – своей научной работе. А человека, их прочитавшего, они могут уже и не отпустить. К ним, как к хорошей книге, будешь возвращаться» [2, с. 75].

Я.А. Кронрод пошел на фронт добровольцем, записавшись вместе с другими сотрудниками Института экономики в народное ополчение в самом начале войны. В одном из писем он пишет: «6 июля 1941 г. я надел солдатскую шинель» [18, с. 30]. В другом письме он пишет: «Зашел к санитарам – ох, батюшки: тут и филолог, и металлург, и историк, и экономист, и химик, и все это со степенями, званьями! Словом, как мы шутливо говорим иной раз, – профессорский полк!» [18, с. 31]. В 1941 г. предстояли тяжелые бои под Москвой, отступление, окружение, прорыв через линию фронта к своим и, наконец, остановка немцев на подступах к Москве. Во всех этих этапах Кронрод принимал самое непосредственное участие. Вот одна его зарисовка в письме от 6 ноября 1941 г.: «Вот тебе картина боя: мы занимаем лесную оборону. Против нас деревня. Она занята немцами, налево лощина и соседняя деревня. Только успел пообедать ... и приехать к позициям роты, немцы открыли огонь. Что говорить, он был сильным, этот огонь: автоматы, пулеметы, артиллерия, минометы, слева выскочили танки» [18, с. 34]. Но советским бойцам, среди которых были и сотрудники Института экономики, удалось отбить атаку немцев и не допустить их к Москве.

Однако Кронрода все время тянуло к книгам и к научным проблемам. Читал он всегда и очень много. Всегда жаловался – «читать решительно нечего». И в следующем письме: «Напропалую читаю – Шекспир, Боевой Устав, психологию, физиологию и все прочее, что придет под руку» [18, с. 64]. С непреодолимой силой его тянуло к науке.

Уже в марте 1945 г., находясь в действующей армии в Восточной Пруссии, Кронрод садится за книгу о деньгах. В письме от 8 марта он пишет: «Меня приковывает к столу всякую свободную от войны минуту». И несколько дальше: «Какая скверная доля - ощущать в себе хоть сколько-нибудь живой мозг и чувствовать, как он излучается в ничто» [18, с. 79]. Действительно, живой мозг ученого требовал не войны, а науки.

Я.А. Кронрод уже в 1947 г. пишет серию статей по актуальным вопросам экономической теории. В декабре 1947 г. в журнале «Партийная жизнь» он публикует (без подписи) хвалебную рецензию на книгу Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». В конце рецензии он пишет: «Книга Н. Вознесенского – ценный вклад в советскую экономическую науку. В ней не только приведен и освещен большой материал о военной экономике СССР в годы Отечественной войны, но дана и характеристика особенностей социалистической экономики, ее внутренних пружин и решающей роли большевистской партии в развитии советской экономики, в укреплении могущества советского государства» [5, с. 66].

Книга Н.А. Вознесенского действительно была весьма хорошей, она не потеряла своего значения и сегодня. Но в 1950 г. Н.А. Вознесенский был репрессирован в связи с так называемым «Ленинградским делом». Я.А. Кронроду пришлось отречься от своей рецензии, и на сессии Отделения экономики и права АН СССР в январе 1952 г. он сказал: «Я должен заявить со всей определенностью, что считаю своей глубокой ошибкой написание и опубликование, хотя и без подписи, в журнале «Партийная жизнь» хвалебной рецензии на антимарксистскую книгу Вознесенского» [8, с. 147]. Вот такие были тогда времена.

Сотрудники Института экономики и в дальнейшем продолжали разрабатывать вопросы, связанные с Великой Отечественной войной. Так, в 1985 г., к 40-летию Победы, журнал Института экономики АН СССР «Вопросы экономики» публикует ряд статей сотрудников Института, посвященных экономическим проблемам Великой Отечественной войны. Член-корреспондент АН СССР Л.М. Гатовский в своей статье «Экономические основы победы СССР в Великой Отечественной войне» приводит ряд интересных фактов и цифр. Л.М. Гатовский пишет: «Плановый перевод народного хозяйства СССР на рельсы военной экономики, начавшийся с первых дней войны, позволил уже в декабре 1941 г. прекратить сокращение производства военной техники, а с начала 1942 г. – развернуть высокими темпами ее расширенное воспроизводство. В декабре 1942 г. по сравнению с декабрем 1941 г. выпуск самолетов возрос в 3,3 раза, авиамоторов – в 5,4 раза, танков – почти в 2, артиллерийских систем – в 1,8 раза, крупных минометов – в 5 раз, мин к ним – в 16 раз» [6, с. 21]. И автор делает такой вывод: «Военно-хозяйственный механизм, его социально-экономические основы оказались у гитлеров-

ской Германии гораздо слабее, чем у Советского Союза с его социалистической плановой системой хозяйства» [6, с. 25].

Важным событием в работе ученых Института экономики стала подготовка и издание в середине 1970-х годов «Истории социалистической экономики СССР» в 7-ми томах, за что коллектив авторов получил тогда Государственную премию СССР. В этом издании 5-й том целиком был посвящен советской экономике в период Великой Отечественной войны [17]. Конечно, нет возможности пересказать основное содержание этого тома (объем которого составляет почти 50 п. л.), но перечислим названия некоторых основных глав: Организация социалистического хозяйства в условиях войны (гл. 4), Работа советской промышленности в годы войны (гл. 6), Сельское хозяйство и его роль в военной экономике (гл. 8), Транспорт в условиях войны (гл. 9), Торговля и снабжение населения в период Великой Отечественной войны (гл. 10), Финансы в системе военной экономики (гл. 11). Это был поистине великий труд, который содержал исчерпывающее описание экономических проблем Великой Отечественной войны.

Сегодня Институт экономики РАН продолжает и развивает эту традицию. В 2010 г., к 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне, Институт совместно с Российским Государственным архивом экономики (РГАЭ) организовали первую конференцию, ориентированную на современную оценку экономического развития нашей страны в предвоенные и военные годы. Именно тогда появилось название «Экономика Победы». Эта конференция сопровождалась интересной выставкой военных документов и фотографий военных лет, организованной РГАЭ. Тогда же вышел первый сборник научных статей ученых ИЭ РАН, сотрудников РГАЭ, вузовских ученых «Экономика Победы: к 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне» [19]. Этот сборник научных статей был замечен научным академическим сообществом и получил признание (подробнее см. [4]).

Участники конференции в своих выступлениях сосредоточились на характеристике экономических источников Победы СССР в Великой Отечественной войне, на их современной оценке и трактовке, выделив следующий круг вопросов:

- характеристика колоссальных затрат и оценки эффективности методов формирования индустриальной основы российской экономики в предвоенный период;
- феномен мобилизационной экономики, обеспечившей форсированное перебазирование на значительные расстояния крупных промышленных предприятий;
- уникальный опыт практически мгновенной, даже по современным меркам, организации и быстрого развертывания значительных объемов передового для тех лет военного производства;

- быстрое восстановление высококвалифицированных трудовых ресурсов, их профессионального роста и социального обеспечения в условиях тыла;
- участие советской экономической науки в разработке и реализации инновационных методов управления мобилизационной экономикой.

В мае 2015 г. в Институте экономики РАН состоялась научная конференция «Экономика Победы», посвященная 70-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. Конференция была организована Институтом экономики РАН, Российским Государственным архивом экономики и Новой экономической ассоциацией. Была издана монография «Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне» [22]. В 2020 г. опубликован сборник научных трудов «Экономика Победы: уроки истории и современность. К 75-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне» [21]. В 2025 г. Институт выпустил монографию «Экономика Победы: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне» [20]. Она объединила результаты исследований ученых разных поколений Института экономики РАН и их коллег из других организаций, включая участников Великой Отечественной войны и представителей военного поколения.

Сегодня особенно важно понимать непреходящую значимость сохранения и возрождения исторической памяти военных лет. Сохранение памяти об этом переломном рубеже в российской и мировой истории формирует нравственные факторы развития современной экономической науки, обеспечивает достоверность экономического мышления, вызывает гордость за нашу страну, прошедшую через тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Атлас З.В.* Хозяйственный расчет и его роль в условиях Отечественной войны. М.: ОГИЗ «Госполитиздат», 1944. [*Atlas Z.V.* Economic calculation and its role in the conditions of the Patriotic War. M.: OGIZ «Gospolizdat», 1944. (In Russ.)]
2. *Ахипкин Н.Ю.* О фронтовых письмах Я.А. Кронрода / Я.А. Кронрод в прошлом и настоящем / Под ред. Т.Е. Кузнецовой. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 75-83. [*Akhapkin N. Yu.* On the front letters of Ya.A. Kronrod / Ya.A. Kronrod in the past and present / Ed. T.E. Kuznetsova. M.: IE RAS, 2014. Pp. 75–83. (In Russ.)]
3. *Бровер И.М.* Советские патриотки у станков куют победу над фашизмом. М.: Профиздат, 1941. [*Brover I.M.* Soviet patriots at their machines forge victory over fascism. M.: Profizdat, 1941. (In Russ.)]
4. *Воейков М.И.* Экономика Победы: Научная конференция в Институте экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 3. С. 193–198. [*Voikov M.I.* Economy of Victory: Scientific conference at the Institute of Economics // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 3. Pp. 193–198. (In Russ.)]

5. Военная экономика СССР в период Отечественной войны // Партийная жизнь. 1947, декабрь. № 24. С. 55–66. [The military economy of the USSR during the Great Patriotic War // Party Life. 1947, December. No. 24. Pp. 55–66. (In Russ.).]
6. *Гатовский Л.М.* Экономические основы победы СССР в Великой Отечественной войне // Вопросы экономики. 1985. № 5. С. 15–25. [Gatovsky L.M. Economic foundations of the USSR's victory in the Great Patriotic War // Voprosy ekonomiki. 1985. No. 5. Pp. 15–25. (In Russ.).]
7. *Грановский Е.Л.* Самоотверженный труд – залог победы над врагом. М.: ОГИЗ «Госполитиздат», 1941. [Granovsky E.L. Selfless labor is the key to victory over the enemy. М.: OGIZ «Gospolitizdat», 1941. (In Russ.).]
8. *Кронрод Я.А.* Из неопубликованного. Вып. 1. М.: Институт экономики РАН, 2002. [Kronrod Ya.A. From the unpublished. Issue 1. М.: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2002. (In Russ.).]
9. *Кузнецова Т.Е.* «...И примкнувший к ним...» – непримкнувший (к столетию со дня рождения Дмитрия Трофимовича Шепилова). М.: Ин-т экономики РАН, 2005. [Kuznetsova T.E. "...And those who joined them..." – those who did not join (on the centenary of the birth of Dmitry Trofimovich Shepilov). М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2005. (In Russ.).]
10. *Лаптев И.Д.* Колхозный строй в условиях Отечественной войны. М.: ОГИЗ «Госполитиздат», 1943. [Laptev I.D. Collective farm system in the conditions of the Patriotic War. М.: OGIZ «Gospolitizdat», 1943.]
11. *Маневич Е.Л.* Воспоминания о Родине, войне и мире / Под ред. Т.Е. Кузнецовой. М.: Институт экономики РАН, 2016. [Manevich E.L. Memories of the Motherland, war and peace / Ed. T.E. Kuznetsova. М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2016. (In Russ.).]
12. *Михалевский Ф.И.* Зверье лица германского фашизма. М.: ОГИЗ «Госполитиздат», 1941. [Mikhalevsky F.I. The beastly face of German fascism. М.: OGIZ «Gospolitizdat», 1941. (In Russ.).]
13. *Ноткин А.И.* Экономией сырья и топлива укрепим оборонную мощь нашей Родины. М.: Госполитиздат, 1942. [Notkin A.I. By saving raw materials and fuel, we will strengthen the defensive power of our Motherland. М.: Gospolitizdat, 1942. (In Russ.).]
14. *Орешкин В.* Деятельность Института экономики АН СССР в период Великой Отечественной войны // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 158–159. [Oreshkin V. Activities of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War // Voprosy ekonomiki. 1995. No. 5. P. 158–159. (In Russ.).]
15. *Островитянов К.В.* Фашизм под маской национал-социализма. АН СССР, Институт экономики. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1942. [Ostrovityanov K.V. Fascism under the guise of National Socialism. USSR Academy of Sciences, Institute of Economics. Alma-Ata: KazOGIZ, 1942. (In Russ.).]
16. *Смит М.Н.* Что обещал и что дал германский фашизм трудящимся массам. АН СССР, Институт экономики. М.: ОГИЗ «Госполитиздат», 1941. [Smith M.N. What German fascism promised and gave to the workers. USSR Academy of Sciences, Institute of Economics. М.: OGIZ «Gospolitizdat», 1941. (In Russ.).]
17. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. / История социалистической экономики СССР: в 7 томах. Т. 5 / АН СССР, Ин-т экономики/ отв. ред. И. А. Гладков. М.: Изд-во «Наука», 1978.

- [Soviet economy on the eve of and during the Great Patriotic War. 1938-1945 / History of the socialist economy of the USSR: in 7 volumes. Vol. 5. / USSR Academy of Sciences, Institute of Economics/ ed. I.A. Gladkov. M.: Nauka Publishing House, 1978. (In Russ.).]
18. Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М.: Наука, 1992. [The Fate of a Scientist and the Tragedy of Science (On the 80th Anniversary of Ya. A. Kronrod's Birth). M.: Nauka, 1992. (In Russ.).]
 19. Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне / Отв. ред. И.В. Караваева. М.: ИЭ РАН, 2010. [The Economy of Victory. On the 65th Anniversary of the USSR Victory in the Great Patriotic War / Ed. I. V. Karavaeva. M.: IE RAS, 2010. (In Russ.).]
 20. Экономика Победы: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне / Под общ. ред. М.Ю. Головнина, В.Ю. Музычук, И.В. Караваевой. М.: ИЭ РАН, 2025. [The Economy of Victory: On the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War / Under the general editorship of M.Yu. Golovnin, V.Yu. Muzychuk, I.V. Karavaeva. M.: IE RAS, 2025. (In Russ.).]
 21. Экономика Победы: уроки истории и современность. К 75-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне / Отв. ред. М.И. Воейков. М.: ИЭ РАН, 2020. [The Economy of Victory: Lessons of History and Modernity. On the 75th Anniversary of the USSR Victory in the Great Patriotic War / Ed. M.I. Voeikov. M.: IE RAS, 2020. (In Russ.).]
 22. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. И.В. Караваева. М.: ИЭ РАН, 2015. [The Economic Foundation of Victory: Parallels of History and Modernity. On the 70th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War" / Ed. I.V. Karavaeva. M.: IE RAS, 2015. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: 04.05.2025 г.

Дата принятия к печати: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Института экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3873-8276
mvok1943@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail I. Voeikov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3873-8276
mvok1943@mail.ru

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORK AND LIVES OF THE STAFF
OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE USSR ACADEMY
OF SCIENCES

In 1941, most of the employees of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences volunteered to join the active army and fought the fascists until complete victory. Some of the Institute's employees continued their scientific work, but mainly on military topics. During the Great Patriotic War scientists of the Institute wrote more than 30 books on pressing issues of war and defense. In the post-war period, they actively developed the problems of the economy of the Great Patriotic War, preparation for war, and the restoration of the national economy. This is evidenced by many publications and, above all, a special 5th volume of the seven-volume "History of the Socialist Economy of the USSR", for which the authors were awarded the USSR State Prize.

Keywords: *Great Patriotic War, military economy, Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences, post-war restoration of the national economy, defense industry development, economic problems of defense.*

JEL: B29, B31.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

С.Н. МИТЯКОВ

доктор физико-математических наук, профессор,
директор Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Нижегородский
государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева»

МЕТОД АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

Целью данной работы выступает разработка нового метода анализа экономических кризисов, позволяющего своевременно обнаруживать признаки возникновения угроз. Даны дефиниции понятий, определены основные параметры кризиса и параметры диффузии кризиса. Приведена модель распространения кризиса в виде суммы двух логистических кривых. Разработана многоуровневая система индикаторов мониторинга экономических кризисов с периодом обновления информации один месяц. Предложен алгоритм мониторинга экономического кризиса, который включает шесть этапов: предварительный этап, связанный с анализом возможных первопричины и пусковых механизмов кризиса; мониторинг опережающих индикаторов; многоуровневый оперативный мониторинг экономических кризисов; обработка, обобщение и анализ информации; прогнозирование; выработка рекомендаций по своевременному обнаружению кризисов. Проведена верификация нового метода анализа кризисов на примере развития экономического кризиса 2008–2009 гг.

Ключевые слова: *экономические кризисы, предвестники, диффузия, оперативный мониторинг экономических кризисов, индикаторы и пороговые значения, прогнозирование.*

УДК: 338.124.4

EDN: PBCGBO

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_58_83

Введение

В последнее время частота экономических кризисов существенно возросла. Все большее распространение получили рукотворные кризисы, связанные, в том числе с нерациональным поведением отдельных стран, корпораций, и даже частных лиц.

Знание о приближающихся кризисах позволяет принимать меры заранее, например, корректировать денежно-кредитную политику, регулировать рынки или внедрять антикризисные программы, что помогает снизить негативные последствия критических явлений. Предсказание кризиса помогает снизить масштабы его удара по экономике, бизнесу и населению, сохранив рабочие места, инвестиции и социальные гарантии, предотвратить социальную или политическую нестабильность. Чем раньше удастся спрогнозировать кризис, тем больше шансов его избежать или снизить его последствия.

Целью данного исследования является разработка нового метода анализа экономических кризисов, который включает дефиниции понятий «экономический кризис», «диффузия экономического кризиса», «мониторинг экономического кризиса», определение параметров кризиса и его диффузии. Метод позволяет своевременно обнаруживать признаки возникновения угроз и предлагать рекомендации по их нейтрализации. В отличие от существующих ранее, предлагаемый метод базируется на экспертном анализе возможных первопричин возникновения и пусковых механизмов развития кризисов. Параллельно проводится анализ динамики опережающих индикаторов как возможных предвестников кризиса, а также динамики ключевых социально-экономических показателей различных уровней с определением их позиции в пространстве зон риска. На заключительных этапах проводится обобщение и анализ информации, прогнозирование и подготовка рекомендаций по антикризисному управлению.

1. Предпосылки разработки нового метода

1.1. Экономические кризисы

Мировая экономика, также, как и экономика любой страны, испытывает подъемы и спады деловой активности. В периоды подъема происходит улучшение макроэкономических показателей, отрасли экономики бурно развиваются. Напротив, в периоды спада деловой активности социально-экономические показатели снижаются. Политика государства заключается в управлении такими бизнес-циклами с точки зрения целью их сглаживания.

Причины деловых циклов трактуются различными экономистами по-разному. Дж. Кейнс полагал, что с ростом потребительского спроса фирмы начинают выпускать больше товаров для его удовлетворения, и, наоборот, если спрос падает, снижается деловая активность [1]. М. Туган-Барановский одной из главных причин циклов деловой активности считал изменение объемов инвестиций [2]. По мнению М. Фридмана, циклические колебания деловой активности

может вызвать недальновидная кредитно-денежная политика государства [3]. Й. Шумпетер связывает бизнес-циклы с инновациями [4], которые стимулируют экономику, вызывая новые инвестиции, увеличение занятости и, следовательно, более высокие доходы и прибыль. Н.Д. Кондратьев в своей теории больших циклов экономической конъюнктуры описал долгосрочные волны продолжительностью примерно 50–60 лет, связанные с технологическими инновациями и структурными изменениями в экономике [5].

В настоящее время классические причины экономических циклов, такие как перепроизводство и несоответствие предложения спросу, меняются на другие, более современные. К ним можно отнести нерациональное поведение элит (санкции, порой в ущерб собственным экономикам); финансовые антиинновации, природные и техногенные катастрофы и пандемии и др. Они и раньше имели место, но не имели таких критичных последствий в мировом масштабе: последнее стало возможным благодаря глобализации. В связи с этим, наряду с аналитикой, связанной с поиском новых возможных причин возникновения экономических кризисов, представляется целесообразным усилить исследования их предвестников и внедрения новых методов их прогнозирования.

1.2. Опережающие индикаторы

Обзор научных результатов, связанных с прогнозированием экономических кризисов, дан в работе В.Л. Поздеева [6]. Оценка деловой активности с целью прогнозирования будущих кризисов была положена в основу формирования экономических барометров. Наиболее известным из ранних барометров считается экономический барометр Гарвардской экономической службы, опубликованный в 1919 г. Он представлял собой совокупность кривых фондового, товарного и денежного рынков, которые, согласно гипотезе, имели одинаковые периоды колебаний со сдвигами во времени. Это давало возможность предсказывать поведение одного рынка, например, товарного, на основе поведения другого, например, фондового [7]. Экономический барометр Гарварда дискредитировал себя в тот момент, когда он не смог предсказать Великую депрессию 1929 г. Вместе с тем, Гарвардский экономический барометр дал толчок развитию барометров в разных странах (британский, французский, итальянский). В 1930-е гг. с созданием Национального бюро экономических исследований (NBER) была активизирована работа в области анализа деловых циклов с публикацией исследований Митчелла, Кузнеца и Миллса, документирующих характеристики циклов и интерпретирующих их поворотные моменты. В дальнейшем из работ Бернса и Митчелла [8] и Мура [9] была разработана классификация показателей с выделением трех типов индикаторов делового цикла:

- опережающие индикаторы – показатели экономической активности, которые заранее могут предсказать изменение траектории делового цикла: с подъема на спад и наоборот;
- совпадающие индикаторы – показатели экономической активности, которые совпадают с траекторией делового цикла;
- запаздывающие индикаторы – показатели, которые меняются после того, как деловой цикл поменял свою траекторию.

Индикаторы делового цикла публикуются ежемесячно и могут использоваться для подтверждения или прогнозирования пиков и падений делового цикла для стран Америки, Австралии, Азии и Европы, включая Россию [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Наиболее значимыми для прогнозирования кризисных явлений в экономике выступают опережающие индикаторы. Они разрабатываются для отражения экономической конъюнктуры отдельных стран, отраслей экономики и регионов. Среди отраслевых индексов можно выделить CECE Business Barometer, который позволяет получить информацию о деловой тенденции европейской промышленности строительного оборудования. Для разработки данного индекса производится опрос более 200 высокопоставленных европейских представителей строительной техники. Индекс содержит информацию об ожиданиях продаж на следующие шесть месяцев¹. В качестве примера страновых опережающих индикаторов можно привести экономический барометр Швейцарии от центра экономических исследований (KOF) Университета в Цюрихе. Он рассчитывается на основе динамики 12-ти ведущих экономических индикаторов, отражающих перспективы развития экономики Швейцарии на ближайшие шесть месяцев, в числе которых индикаторы доверия в банковском секторе, деловой активности в производственной сфере и на рынке недвижимости, индексы новых заказов и потребительского доверия².

Рассмотрим некоторые опережающие индикаторы, используемые в США в настоящее время, которые более успешно, чем их предшественники зарекомендовали себя как предвестники мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. *Опережающий экономический индекс* Conference Board – это прогнозирующая переменная, которая предвосхищает поворотные моменты делового цикла примерно на семь месяцев. Индекс включает 10 компонентов: среднее количество часов в неделю на производстве; средние еженедельные первоначаль-

¹ Индекс деловой активности производителей строительной техники. <https://www.cece.eu/our-sector-in-figures/cece-business-barometer> (дата обращения: 22.04.2025).

² «Экономический барометр» Швейцарии от KOF. <https://kof.ethz.ch/en/news-and-events/media/press-releases/2020/02/kof-economic-barometer-third-increase-in-a-row.html> (дата обращения: 22.04.2025).

ные заявки на страхование по безработице; новые заказы производителей на потребительские товары и материалы; индекс новых заказов ISM; новые заказы производителей на средства производства, не требующие защиты, за исключением заказов на самолеты; разрешения на строительство новых частных домов; индекс цен на акции S&P 500; индекс опережающих кредитов; разброс процентных ставок; средние ожидания потребителей относительно условий ведения бизнеса³.

Индекс потребительских ожиданий фокусируется на трех областях, оцениваемых потребителями: перспективы своего собственного финансового положения, перспективы экономики в целом в краткосрочном периоде и перспективы экономики в долгосрочном периоде. Ежемесячный опрос содержит около 50 вопросов, каждый из которых отслеживает различные аспекты ожиданий потребителей⁴.

Индекс деловой активности формируется на основе отчета о бизнесе в производственном секторе на базе данных, собранных руководителями отделов закупок и снабжения по всей стране. Ответы на опрос отражают изменения в текущем месяце по сравнению с предыдущим. Для каждого из измеряемых показателей в отчете отображается процентное соотношение по каждому ответу, далее вычисляется разница между количеством ответов в положительном экономическом направлении и отрицательном экономическом направлении. Значение индекса деловой активности выше 50% указывает на то, что экономика обрабатывающей промышленности в целом расширяется; ниже 50% указывает на то, что она в целом снижается⁵.

В России подобные индексы введены в статистическую отчетность сравнительно недавно. Например, *Индекс предпринимательской уверенности* в обрабатывающей промышленности рассчитывается как среднее арифметическое значение балансов по фактически сложившимся уровням спроса и запасам готовой продукции (с обратным знаком) и ожидаемой тенденции выпуска продукции; в процентах. Публикуется ежемесячно на сайте Росстата.

В качестве опережающих индикаторов могут использоваться биржевые индексы. В США, например, большое распространение получил *Индекс Доу Джонса (US30)*. Это – старейший из существующих американских рыночных индексов. Он был создан для отслеживания развития промышленной составляющей американских фондовых рынков.

³ Опережающий индекс США. <https://tradingeconomics.com/united-states/leading-economic-index> (дата обращения: 22.04.2025).

⁴ Соединенные Штаты – Доверие потребителей. <https://ru.tradingeconomics.com/united-states/consumer-confidence> (дата обращения: 22.04.2025).

⁵ Соединенные Штаты – Деловое доверие. <https://ru.tradingeconomics.com/united-states/business-confidence> (дата обращения: 22.04.2025).

Индекс охватывает 30 крупнейших компаний США. Первоначально индекс рассчитывался как среднее арифметическое цен на акции охваченных компаний. Сейчас для расчета применяют масштабируемое среднее: сумма цен делится на делитель, который изменяется всякий раз, когда входящие в индекс акции подвергаются дроблению (сплиту) или объединению (консолидации). Это позволяет сохранить сопоставимость индекса с учетом изменений во внутренней структуре входящих в него акций⁶.

В России в качестве биржевых опережающих индикаторов может использоваться Индекс МосБиржи, включающий 50 наиболее ликвидных акций крупнейших и динамично развивающихся российских эмитентов. Он рассчитывается как отношение суммарной рыночной капитализации акций, включенных в базу расчета индекса, к суммарной рыночной капитализации этих акций на начальную дату, умноженное на значение индекса на начальную дату. Основные индексы Московской биржи – индекс МОЕХ, измеряемый в рублях и индекс РТС, измеряемый в долларах США⁷.

1.3. Диффузия экономических кризисов

Интернет и сетевые структуры способствуют быстрому распространению кризиса между странами, регионами и отдельными отраслями экономики. Аналогичные эффекты наблюдаются при распространении социально-экономических инноваций, о чем в свое время писал Т. Хегерstrand [16]. С тех пор диффузия инноваций нашла свое отражение в многочисленных исследованиях. В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий стали распространяться цифровые инновации [17], а в работе В.И. Балунцы приводятся исследования пространственной диффузии цифровых инноваций [18]. В статье Ю.Д Шмидта и О.Н. Лободиной рассмотрен опыт моделирования пространственной диффузии инноваций с помощью логистической функции [19].

В работе А.Г. Щербакова ряд инноваций финансового сектора были названы антиинновациями и представлены в качестве фактора формирования кризисов [20]. К таким антиинновациям можно, например, отнести финансовые деривативы в США, рост доходности которых привел к кризису 2008–2009 гг. Обобщив данное утверждение, выдвинем гипотезу о том, что любой кризис после зарождения в результате определенной причины и спускового механизма, в дальнейшем может

⁶ Промышленный индекс Доу Джонса. <https://ru.tradingview.com/symbols/DJ-DJI> (дата обращения: 22.04.2025).

⁷ Индекс МосБиржи и Индекс РТС. <https://www.moex.com/ru/index/IMOEX/about> (дата обращения: 22.04.2025).

распространяться как во времени, так и в пространстве. Этот процесс мы назовем *диффузией кризиса*. В данной работе выдвинута гипотеза о том, что экономические кризисы возникают, развиваются и распространяются в пространстве и времени согласно законам диффузии. Это позволяет, с одной стороны, использовать для математического моделирования кризисов известные решения, в частности, логистические функции. С другой стороны, это позволяет выделить не только параметры самого кризиса, но и параметры его диффузии.

1.4. Мониторинг экономических кризисов

Мониторингу экономических кризисов посвящено значительное число публикаций. Среди них следует выделить работы В.К. Сенчагова и С.Н. Митякова [21; 22], С.Н. Митякова и Е.С. Митякова [23], посвященные анализу кризисов с использованием краткосрочных индикаторов, а также работы Е.А. Назаровой [24; 25], посвященные развитию методологии оперативного мониторинга экономической безопасности. Несмотря на значительный аналитический материал, полученный в данных работах, все они в большей степени посвящены процедуре оперативного мониторинга экономической динамики, в то время как вопросам анализа причин возникновения кризисов и их предвестников уделено меньше внимания. В статье С.Н. Митякова и Е.С. Митякова, посвященной развитию теории рисков и пороговых значений экономической безопасности [26], анонсирована целесообразность данного исследования: «Если в качестве цели выступает анализ кризисов в экономике, то здесь требуется своя система индикаторов, система пороговых уровней, а также задействование вспомогательных показателей, которые можно рассматривать в роли опережающих индикаторов или предвестников кризиса» [26, с. 106].

2. Описание метода анализа и прогнозирования экономических кризисов

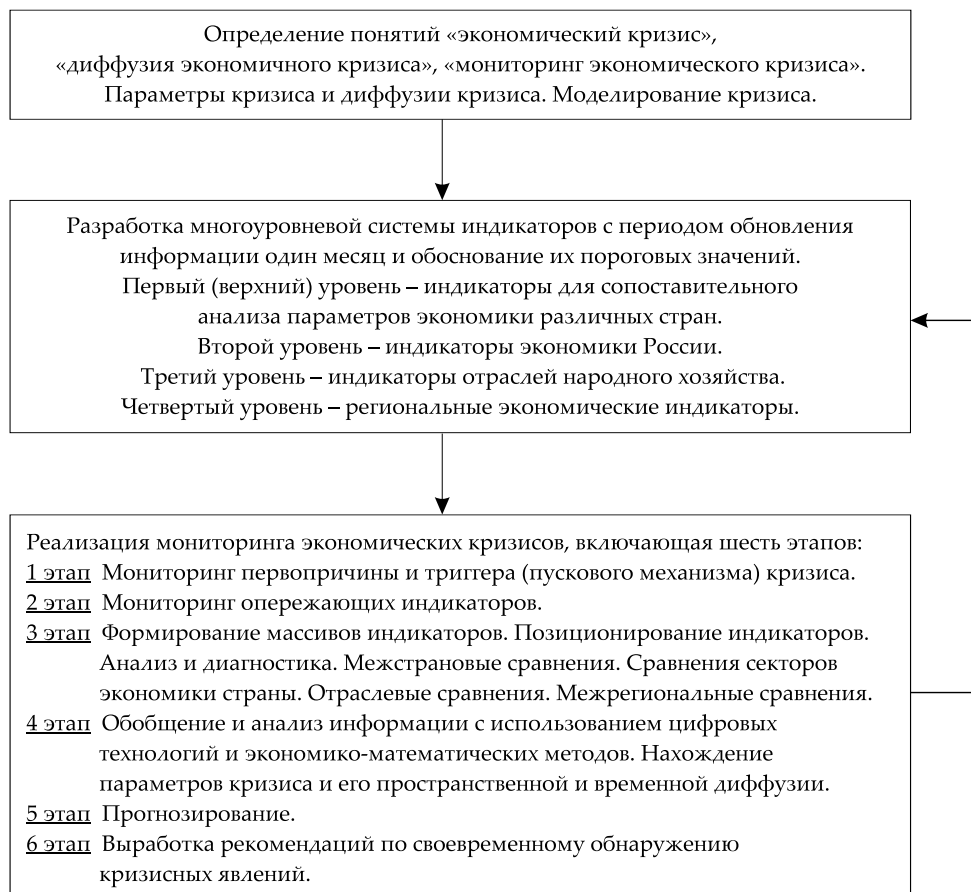
Схема реализации метода представлена на рис. 1.

Рассмотрим более подробно элементы представленной схемы.

2.1. Дефиниции понятий

Прежде всего, определим необходимый для описания метода понятийный аппарат.

Под экономическим кризисом мы будем понимать значительное ухудшение состояния реального сектора экономики социально-экономических систем различных уровней (мир, страна, отрасль, регион), проявляющееся, прежде всего в значительном спаде промышленного производства. Кризисы различаются по масштабам охвата и уровням задействования финан-

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Метод анализа и прогнозирования экономических кризисов

сового, внешнеэкономического и социального секторов народного хозяйства. В большинстве случаев они приводят к снижению жизненного уровня и благосостояния населения.

В табл. 1 представлены наиболее распространенные параметры кризисов, которые мы будем учитывать в процессе их эмпирического анализа.

Прежде всего следует выбрать ключевую характеристику, которую мы будем отождествлять с кризисом и относительно которой проводить сравнительный анализ. Чаще всего к такой характеристике следует отнести годовой темп роста промышленного производства. Он рассчитывается как разность между отношением объема промышленного производства в текущем месяце к объему производства в соответствующем месяце предыдущего года с учетом дефлятора и единицей, умноженная на 100, и измеряется в процентах. Может также

Параметры кризисов

№	Параметр	Определение
1	Начало кризиса	Месяц и год начала кризиса t_0 , мес.
2	Момент наибольшего падения	Месяц и год наибольшего падения (дна) кризиса t_1 , мес.
3	Окончание кризиса	Месяц и год окончания кризиса t_2 , мес.
4	Продолжительность спада	Период между моментами дна и начала кризиса $t_1 - t_0$, мес.
5	Продолжительность подъема	Период между моментами окончания и дна кризиса $t_2 - t_1$, мес.
6	Продолжительность кризиса	Период между моментами конца и начала кризиса $t_2 - t_0$, мес.
7	Глубина падения	Разница значений X в моменты t_0 и t_1 : $X(t_0) - X(t_1)$, %.
8	Глубина восстановления	Разница значений X в моменты t_2 и t_1 : $X(t_2) - X(t_1)$, %.
9	Средняя скорость падения	$(X(t_1) - X(t_0))/(t_1 - t_0)$, %/мес.
10	Средняя скорость восстановления	$(X(t_2) - X(t_1))/(t_2 - t_1)$, %/мес.
11	Среднее значение за период	Среднее значение X за период $t_1 - t_0$, %.

Источник: составлено автором.

быть выбран и темп изменения ВВП, но дискретность его измерения в большинстве случаев составляет один квартал, а методика вычисления достаточно сложна, что обуславливает его более позднюю публикацию в официальных источниках информации. Итак, в табл. 1 все параметры представлены относительно индикатора «Темп роста промышленного производства», обозначенного буквой X . Представленные параметры позволяют моделировать кризисы и вводить их типологию.

Вслед за Э. Роджерсом, который определил понятие «диффузии инноваций» [27], определим понятие диффузия кризиса как процесс, в ходе которого кризисные явления передаются с течением времени между странами, отраслями экономики или регионами, ухудшая в той или иной степени параметры экономической безопасности.

В табл. 2 представлены параметры диффузии кризисов, которые мы будем использовать в процессе анализа. В качестве Y мы определим некоторый индикатор, который сравнивается с индикатором X . Это может быть тот же индикатор для другой страны или иной, в частности, опережающий индикатор, а также темп роста производства в другой отрасли народного хозяйства или темп роста промышленного производства какого-либо субъекта РФ.

Параметры диффузии кризисов

№	Параметр	Определение
1	Время диффузии, механизм запаздывания	Разность между началом падения индикаторов Y и X (в случае выбора Y в качестве опережающего индикатора может иметь отрицательные значения), мес.
2	Уровень диффузии (измеряется с помощью теории эластичности)	Коэффициент эластичности диффузии Y по X определяется как отношение глубины падения индикатора Y к глубине падения индикатора X
3	Механизм усиления	Совокупность действий или факторов, которые приводят к росту эластичности диффузии кризиса
4	Механизм запираания	Совокупность действий или факторов, которые приводят к снижению эластичности диффузии кризиса
5	Диффузия предвестника	Разница во времени между предвестником и кризисом
6	Страновая диффузия	Перенос кризиса из одной страны в другую
7	Отраслевая диффузия	Перенос кризиса между отраслями
8	Региональная диффузия	Перенос кризиса между регионами

Источник: составлено автором.

В табл. 2 вводится понятие эластичности диффузии кризиса. Если коэффициент эластичности равен единице, то это свидетельствует о пропорциональном переносе кризиса с объекта, определяемого индикатором X , на объект, определяемый индикатором Y . Если коэффициент эластичности больше единицы, то работают механизмы усиления, снижение значений индикатора Y становится более выраженным, чем индикатора X . Например, в период кризиса 2008–2009 гг. глубина падения темпа роста промышленного производства составила 20,3%. При этом глубина падения темпа роста экспорта составила 59,7%, а коэффициент эластичности 2,94. Механизмы усиления здесь могли быть связаны со спецификой внешнеэкономической деятельности, изменением валютных курсов и таможенных пошлин. Если коэффициент эластичности меньше единицы, то работают механизмы запираания, которые могут быть связаны, в том числе, с эффективной государственной антикризисной политикой в отдельных направлениях.

Еще одним важным понятием является понятие «мониторинг экономического кризиса», под которым мы будем понимать процесс непрерывного анализа информации о возможных причинах и предпосылках кризиса, его предвестниках, анализ динамики краткосрочных индикато-

ров, выявление тенденций дальнейшего развития и прогнозирование угроз. Объекты мониторинга – экономические кризисы различной природы, масштабов и продолжительности. Субъекты мониторинга – органы управления различных иерархических уровней, организации и отдельные исследователи экономических кризисов.

2.2. Модель распространения кризиса

Поскольку для инновации действуют законы диффузии, распространение инноваций многие авторы описывают в виде S-образной логистической кривой [19; 28]. Развитие кризиса, как антиинновация, также может осуществляться по законам диффузии. Так, в статье А.Д. Смирнова [29] рассматриваются результаты эмпирической апробации логистической модели на данных МВФ о глобальных финансах, включая кризис 2008 г.

При моделировании кризиса мы будем предполагать, что он может быть описан в виде комбинации двух последовательных логистических кривых. Первая его половина, от начала спада до «дна» описывается перевернутой логистической кривой антиинновации. Выход из кризиса может быть связан либо с саморегулированием экономики, либо с антикризисными мерами государства, среди которых – использование инновационных методов. Таким образом будем предполагать, что вторая половина кризиса, от «дна» до точки восстановления, описывается прямой логистической кривой.

2.3. Многоуровневая система краткосрочных индикаторов

В статье Е.А. Назаровой разработана многоуровневая система индикаторов для оперативного мониторинга экономической безопасности [25], которая послужила прототипом для разработки системы индикаторов, адаптированной для анализа экономических кризисов (см. табл. 3). Для обеспечения глубокого и всестороннего мониторинга, что особенно полезно при анализе экономических кризисов различной природы, целесообразно использовать четыре уровня мониторинга: международные сравнения, Россия, отрасли экономики и субъекты РФ.

Для международных сравнений предложена система, включающая четыре индикатора (темп роста ВВП, темп роста промышленного производства, уровень инфляции, уровень безработицы). В качестве источника информации предлагается база данных Trading Economics⁸.

Система индикаторов для оперативного анализа экономической безопасности России включает 14 индикаторов. Первые четыре из них повторяют индикаторы, используемые для межстрановых сравнений.

⁸ Trading Economics. <https://ru.tradingeconomics.com>.

Многоуровневая система краткосрочных индикаторов мониторинга экономических кризисов

Уровень	№	Индикатор
Международные сравнения, %	1	Темп роста ВВП,
	2	Темп роста промышленного производства,
	3	Уровень инфляции,
	4	Уровень безработицы,
Россия, %	1	Темп роста ВВП,
	2	Темп роста промышленного производства,
	3	Уровень инфляции,
	4	Уровень безработицы,
	5	Темп роста инвестиций в основной капитал,
	6	Темп роста продукции сельского хозяйства,
	7	Темп роста производства в строительстве,
	8	Темп роста грузооборота транспорта,
	8	Темп роста физического объема экспорта,
	9	Темп роста физического объема импорта,
	11	Темп роста объема платных услуг населению,
	12	Темп роста размера реальной заработной платы,
	13	Темп роста размера реальной начисленной пенсии,
	14	Темп роста реальных денежных доходов,
Отрасли народного хозяйства, %	1–4	Темпы роста промышленного производства по видам деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений,
	5–7	Темпы роста продукции животноводства в хозяйствах всех категорий: скот и птица на убой в живом весе; молоко; яйца,
	8–13	Темпы роста грузооборота по видам транспорта: железнодорожный; автомобильный; морской; внутренний водный; воздушный; трубопроводный,
	14	Темпы роста ввода в действие жилых домов,
	15	Темпы роста оборота розничной торговли,

Уровень	№	Индикатор
Субъекты Российской Федерации, %	1	Темп роста промышленного производства,
	2	Темп роста продукции сельского хозяйства,
	3	Темп роста производства в строительстве,
	4	Темп роста грузооборота транспорта,
	5	Темпы роста оборота розничной торговли,
	6	Темп роста физического объема экспорта,
	7	Темп роста физического объема импорта,
	8	Темп роста объема платных услуг населению,
	9	Темп роста реальных денежных доходов,
	10	Темп роста инвестиций в основной капитал,
Опережающие индикаторы	1	Индекс РТС (RTSI)
	2	Индекс МосБиржи (IMOEX)
	3	Индекс Доу Джонса (DJI)
	4	Индекс предпринимательской уверенности

Источник: составлено автором.

Кроме этого, система содержит темпы роста инвестиций в основной капитал, продукции сельского хозяйства, производства в строительстве, грузооборота транспорта, объемов экспорта и импорта, объема платных услуг населению, а также реальных размеров заработной платы, начисленных пенсий и располагаемых доходов населения. В качестве источников информации выступают краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, публикуемые на сайте Росстата⁹.

Отраслевая система содержит 15 индикаторов, представляющих собой годовые индексы темпов роста промышленного производства по видам деятельности (4); темпов роста продукции животноводства по категориям (3), темпов роста грузооборота по видам транспорта (6), темпов роста ввода в действие жилых домов и темпов роста оборота розничной торговли. Источник информации тот же.

Региональная система включает 10 индикаторов, представляющими собой годовые индексы темпов роста по разным видам деятельности, и использует информацию для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, публикуемую на сайте Росстата¹⁰.

⁹ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. <https://gks.ru>.

¹⁰ Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. <https://gks.ru>.

В качестве опережающих индикаторов предлагается использовать четыре описанных ранее индекса: индексы РТС и МосБиржи, а также индекс Доу Джонса и индекс предпринимательской уверенности. Именно эти опережающие индикаторы, как показал эмпирический анализ автора ретроспективных данных по экономическим кризисам за 30 лет, наиболее часто выступали предвестниками кризисных явлений.

Представленная в табл. 3 система индикаторов для анализа и прогнозирования экономических кризисов является открытой и может пополняться по мере возникновения новых угроз.

2.4. Реализация мониторинга экономических кризисов

Мониторинг экономического кризиса включает шесть этапов: анализ возможных первопричин и пусковых механизмов кризиса; мониторинг опережающих индикаторов; многоуровневый оперативный мониторинг экономических кризисов; обработка, обобщение и анализ информации; прогнозирование: выработка рекомендаций по своевременному обнаружению кризисов.

На первом этапе мониторинга экономического кризиса проводится *анализ причин кризиса и его триггера*. В качестве примера рассмотрим кризис 2022 г., связанный с влиянием санкций на экономику России. К началу 2022 г. произошел беспрецедентный рост экономических санкций против России со стороны стран Запада, который создал предкризисную ситуацию для экономики нашей страны. Начало специальной военной операции послужило триггером данного кризиса, в результате которого коллективный Запад намеривался «разрушить экономику России в клочья». Несомненно, в первые месяцы этого кризиса наблюдалось падение значений индикаторов социально-экономического развития страны, причем в наибольшей степени пострадал сектор реальной экономики (особенно, обрабатывающие отрасли), а также внешнеэкономических сектор. Вместе с тем довольно быстро произошло частичное или полное восстановление и последующим экономическим ростом. России удалось возобновить рост промышленного производства. Предельно низкие цифры демонстрирует безработица. Потребительский спрос и располагаемые доходы населения находится на весьма приемлемом уровне. К сожалению, темп инфляции остается пока выше запланированных показателей.

Таким образом, вопреки ожиданиям Запада, экономика России в целом справилась с кризисом 2022 г. Однако следует отметить, что планировавшийся нашими оппонентами локальный кризис превратился в «кошмар» для отдельных стран Европы. Например, в Германии из-за прекращения поставок Россией энергоносителей, закрываются промышленные предприятия и, как следствие, растет безработица. Это – классический пример пространственной диффузии кри-

зиса, которая в данном случае, была обусловлена иррациональными моделями поведения правительства стран Евросоюза.

Отметим, что даже в отсутствии кризисов необходим постоянный анализ и мониторинг, связанный с определением возможных причин возникновения нового кризиса, его предполагаемых объемов, уровней распространения, влияния на отдельные сектора экономики страны. В настоящее время, например, одной из возможных причин кризиса рассматриваются значительные сложности у США в обслуживании своего государственного долга. Россия, несмотря на значительную дедолларизацию, по-прежнему вовлечена в мировую экономику и торговлю. Поэтому такой кризис может быть весьма чувствительным для нашей страны. Для снижения его вероятности ФРС США может пойти на снижение ключевой процентной ставки, однако высокие показатели инфляции тормозят осуществление такого решения.

Второй этап мониторинга, который может проводиться параллельно с первым, – *мониторинг «опережающих индикаторов»*. Это систематический сбор и анализ специальных показателей, которые заранее сигнализируют о возможных изменениях в экономической ситуации и помогают предсказать развитие кризисных процессов. В широком смысле опережающими индикаторами могут являться такие экономические показатели, как уровень безработицы, инфляция, объемы инвестиций, потребительский спрос, кредитные ставки и другие экономические показатели, которые меняются раньше, чем проявляются основные признаки кризиса. Их своевременное выявление позволяет экспертам и аналитикам заблаговременно реагировать и принимать меры по предупреждению или минимизации последствий кризиса. В узком смысле под опережающими индикаторами мы будем понимать описанные ранее биржевые и композитные индексы, резкие колебания которых дают нам своевременный сигнал о том, что вероятность кризиса весьма высока.

Третий этап реализации мониторинга экономических кризисов, который также может проводиться параллельно с двумя описанными выше этапами, представляет собой *формирование массивов индикаторов* с периодом обновления информации один месяц. На базе открытых данных формируются массивы индикаторов на четырех уровнях: международные сравнения, Россия, отрасли и регионы. Если требуется сравнить индикаторы, имеющие разную размерность, то их предварительно преобразуют к безразмерному виду. Далее осуществляется *позиционирование* исходных или преобразованных индикаторов относительно пороговых уровней в пространстве зон риска. Попадание значения индикатора в одну из таких зон свидетельствует об определенной вероятности развития кризиса. В работе [27] показано, что в зависимости от целей исследования, число зон риска может варь-

роваться от двух до семи. При этом число пороговых уровней на единицу меньше количества зон риска. Выбор пороговых уровней производится с использованием данных ретроспективного анализа кризисов, международных сопоставлений, экспертных оценок.

На четвертом этапе мониторинга осуществляется *обобщение и анализ информации* с использованием цифровых технологий и экономико-математических методов, нахождение параметров кризиса, его пространственной и временной диффузии. Проводится динамический и сравнительный анализ индикаторов оперативного мониторинга для различных экономических систем.

Пятый этап содержит *элементы прогнозирования* на основе использования методов искусственного интеллекта, которые будут все больше использоваться в процессе накопления информации о кризисах. Обратная связь позволяет проводить коррекцию угроз, критериев, индикаторов и их пороговых значений в зависимости от результатов мониторинга.

На шестом этапе мониторинга выполняется подготовка рекомендаций для руководства систем различных уровней. По результатам проведенного мониторинга готовятся государственные решения, которые содержат перечень мер по недопущению кризисных явлений или снижению ущерба от их последствий.

3. Результаты апробации метода

В качестве сквозного примера рассмотрим характерный пример одного из наиболее значительных экономических кризисов последних лет – кризиса 2008–2009 гг.

3.1. Моделирование кризиса

Представим распространение кризиса в виде суммы двух логистических кривых, описываемых формулами (1) – понижающая фаза, и (2) – повышающая фаза:

$$y_1 = q + 2p_1 \left(1 - \frac{1}{1 + e^{-r_1(t-t_1)}} \right), \quad (1)$$

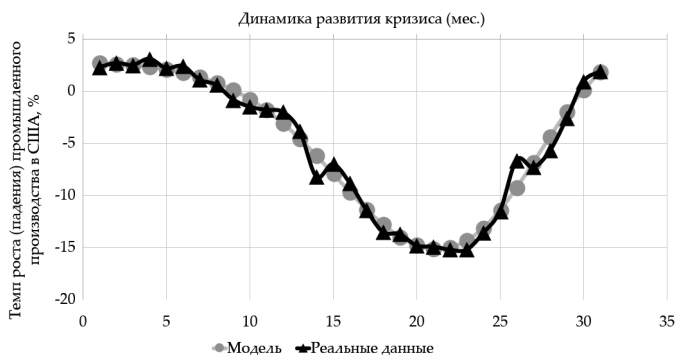
$$y_2 = q + 2p_2 \frac{1}{1 + e^{-r_2(t-t_2)}}. \quad (2)$$

В этих формулах параметр q является константой, определяющей сдвиг кривой по оси ординат; параметры p_1 и p_2 определяют, соответственно, глубину падения и глубину восстановления; параметры r_1 и r_2 демонстрируют скорости падения и восстановления; t – текущее время в месяцах от начала кризиса; t_1 – временной интервал от начала кризиса до точки наибольшего градиента падения; t_2 – временной интервал от начала кризиса до точки наибольшего градиента восстановления.

Изменяя параметры p_1, p_2, r_1, r_2, t_1 и t_2 , решаем задачу минимизации целевой функции – суммы квадратов отклонений исторических $x(t)$ и модельных $y_1(t) + y_2(t)$ значений темпа роста промышленного производства в США:

$$S = \sum (x - (y_1 + y_2))^2 \rightarrow \min. \quad (3)$$

Решение задачи: $p_1 = 12,52, p_2 = 14,44, r_1 = 0,302, r_2 = 0,377, t_1 = 15,67, t_2 = 27,02$. Динамика развития кризиса (реальные данные и модель приведены на рис. 2).

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Модель кризиса 2008–2009 гг. в сравнении с реальными данными

3.2. Первопричина кризиса

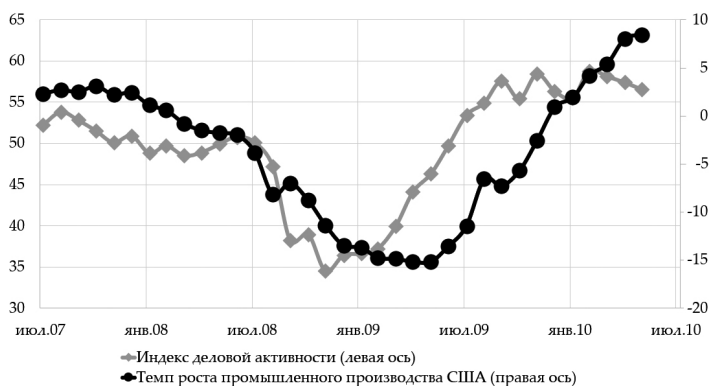
Для каждого кризиса есть свой уникальный показатель, резкое изменение которого привело к причине развития кризисных явлений. Например, для кризиса 1998–1999 гг. – это доходность ГКО, резкий рост которой привел к дефолту. Непосредственными причинами развития кризиса 2008–2009 гг. стали ошибки ипотечного кредитования в США, что видно из динамики индекса Кейса-Шиллера, отражающего цены на жилье по 20-и крупнейшим городам США¹¹.

3.3. Предвестники

На рис. 3–5 представлен динамический анализ темпа роста промышленного производства США в сравнении с двумя опережающими индикаторами.

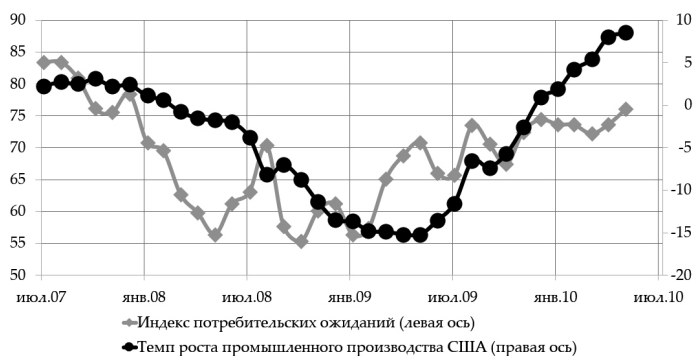
Из рисунков видно, что как композитные опережающие индикаторы (индекс деловой активности и индекс потребительских ожиданий), так и индекс Доу Джонса могут служить предвестником кризиса

¹¹ Национальный индекс цен на жилье в США. <https://www.tradingview.com/symbols/FRED-CSUSHPINSA/>.

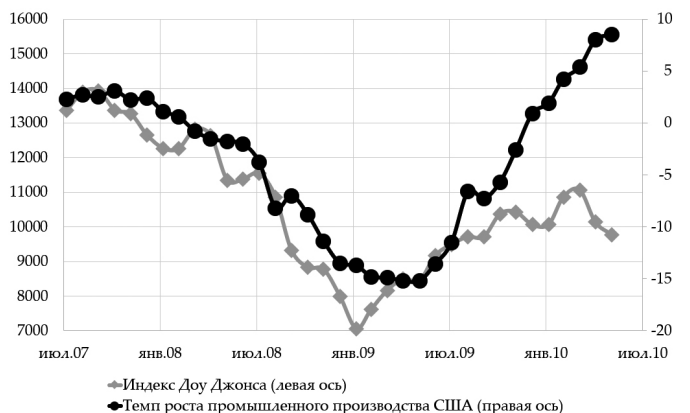
Источник: составлено автором.

Рис. 3. Сравнительный анализ темпа роста промышленного производства США и индекса деловой активности

Источник: составлено автором.

Рис. 4. Сравнительный анализ темпа роста промышленного производства США и индекса потребительских ожиданий

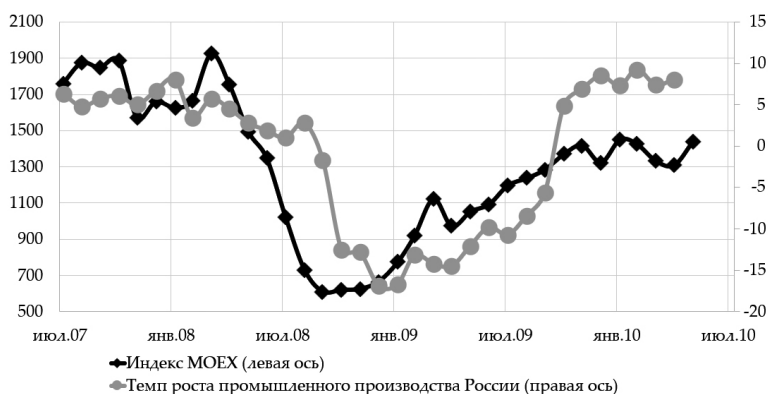

Источник: составлено автором.

Рис. 5. Сравнительный анализ темпа роста промышленного производства США и индекса Доу Джонса

2008–2009 гг. При этом отмечаются различные времена опережения для фаз падения и восстановления в различных случаях.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе темпа роста промышленного производства России в сравнении с биржевым индексом МОЕХ (см. рис. 6). Видно, что падение индекса началось в мае 2008 г. за 4 месяца до начала обрушения промышленного производства.

Источник: составлено автором.

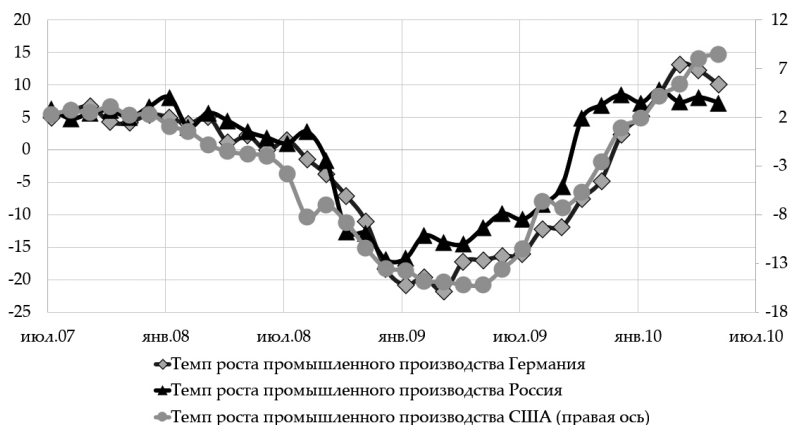
Рис. 6. Сравнительный анализ темпа роста промышленного производства России и индекса МОЕХ

3.4. Диффузия кризиса

На рис. 7 приведен пример иллюстрации пространственной межстрановой диффузии кризиса 2008–2009 гг. Начавшись в США падением темпа роста промышленного производства, кризис дошел до Германии и России спустя примерно 2 месяца. При этом темпы роста промышленного производства России восстановились первыми, а восстановление соответствующих индексов в Германии и США произошло спустя 2 месяца.

На рис. 8 приведен пример иллюстрации пространственной отраслевой диффузии кризиса 2008–2009 гг. Для уменьшения шумов использовалась скользящая средняя за 3 месяца.

Из рисунка видно, что темпы роста промышленного производства и грузооборота транспорта в России начинают падать самыми первыми. Затем, через 2 месяца наблюдается падение темпов роста продукции строительства и, в меньшей степени, сельского хозяйства. Что касается темпов роста объемов платных услуг населению, то данный показатель показал отрицательные значения лишь в январе 2009 г., то есть через 4 месяца с момента начала кризиса. Его падение было незначительным, а восстановление завершилось в начале 2010 г. Восстановление значений других индикаторов также производилось с разными временами.

Источник: составлено автором.

Рис. 7. Пример межстрановой пространственной диффузии экономического кризиса

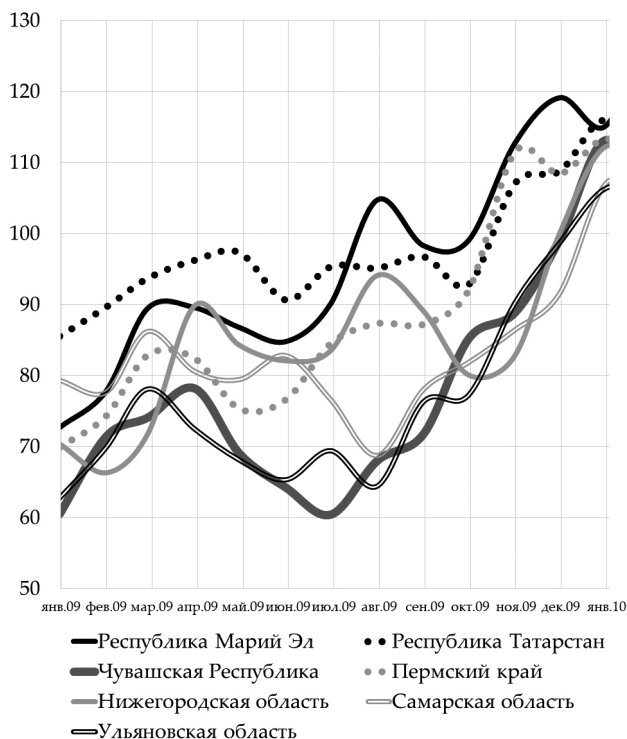

Источник: составлено автором.

Рис. 8. Пример отраслевой пространственной диффузии экономического кризиса

Региональная база краткосрочных индикаторов экономической динамики появилась в 2009 г., поэтому полного анализа региональной диффузии кризиса провести не удалось. На рис. 9 представлена информация о распространении кризиса в регионах Приволжского федерального округа (ПФО). Выбраны 7 регионов ПФО, для которых построена динамика выхода из кризиса 2008–2009 гг.

Анализ данных показал значительный разброс значений индексов для регионов ПФО. Глубина падения индекса была разной. Кроме того, выход из кризиса вначале наблюдался у республик Марий Эл и Татарстан и Пермского края, а затем, через 2 месяца, – у Чувашской республики, а также Нижегородской, Самарской и Ульяновской областей.

Источник: составлено автором.

Рис. 9. Пример региональной пространственной диффузии экономического кризиса по темпу роста промышленного производства регионов ПФО

Анализ причин столь разной реакции на кризис у различных отраслей и субъектов РФ не входит в задачи нашего исследования, однако представляет отдельный научный интерес.

Приведенный пример продемонстрировал, что всесторонний анализ с использованием многоуровневой системы индикаторов представляет более точные и достоверные данные о состоянии объекта, что позволяет более обоснованно реализовать последующие этапы прогнозирования и подготовки рекомендаций для принятия управленческих решений.

Выводы

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть важность проведения мониторинга экономических циклов на всех его этапах. Г.М. Агаян, А.А. Григорян и Е.В. Шикин рассматривают аналогию кризиса с болезнью человека [30]. При этом наиболее интересной с прогностической точки зрения является первая, скрытая форма кризиса, когда, хотя и присутствуют симптомы, они не препятствуют жизнеде-

тельности, не создают явный дискомфорт. Эти симптомы есть почти всегда, но определить их весьма сложно. В любом случае разработка типологии таких симптомов, составляющих суть первопричин развития кризисов, является весьма важной задачей, поскольку сравнение схожих историй даст возможность использовать нейронные сети и искусственный интеллект для научно-обоснованного прогнозирования вероятности возникновения кризиса на скрытой стадии.

Методы искусственного интеллекта могут быть полезными и на втором этапе мониторинга экономических циклов, когда необходимо проводить динамический анализ данных по всем возможным предвестникам кризиса, в результате которого будет с большой долей вероятности определено время начала, тип и размер кризиса, что позволит незамедлительно принять соответствующие меры защиты. Делая выбор в пользу принятия или непринятия предварительных антикризисных мер, необходимо соизмерять затраты, которые будут сделаны в случае ошибочного прогноза и издержки, связанные с убытками в случае правильного прогноза, но отсутствия антикризисных мер.

Третий этап мониторинга имеет особое значение, поскольку при его проведении происходит постоянное отслеживание динамики развития кризиса, его пространственной и временной диффузии, что позволяет принимать оперативные решения по разработке и контролю антикризисных мероприятий. В методологическом плане здесь требуется дальнейшее развитие системы индикаторов в части актуализации индикаторов и их пороговых значений в связи с появлением новых угроз. Четвертый этап мониторинга связан с обобщением и анализом полученной информации. Здесь выявляются основные параметры кризиса, включая параметры временной и пространственной диффузии.

На пятом и шестом этапах проводится прогнозирование и вырабатываются рекомендации для органов управления различных уровней по своевременному обнаружению кризисов. Фактически эти этапы обобщают данные о современном кризисе и плавно переходят в первый этап, давая новые знания в базу первопричин развития кризисов.

Разработанный метод анализа и прогнозирования кризисов дает возможность своевременно обнаруживать признаки возникновения угроз, таких как снижение ключевых экономических показателей, рост уровня задолженности, инфляция или падение инвестиций. Благодаря постоянному анализу данных можно принимать профилактические меры до того, как кризис достигнет критической стадии, минимизируя негативные последствия. Использование современных методов обработки позволяет повысить точность оценки текущего состояния экономики и прогнозировать возможные сценарии развития кризисов. Для органов управления различных иерархических уровней

представляется важной возможность создания системы раннего предупреждения, которая автоматически сигнализирует о возникновении опасных тенденций.

Перспективы развития метода:

1. Интеграция с искусственным интеллектом и машинным обучением. Современные технологии позволяют автоматизировать анализ огромных объемов данных, выявлять сложные взаимосвязи и строить более точные прогнозы.

2. Развитие систем межотраслевого и межрегионального мониторинга. В будущем возможно создание объединенных платформ, объединяющих данные различных секторов экономики и субъектов Российской Федерации, что повысит эффективность прогнозирования.

3. Гибкое реагирование и адаптация стратегий. Развитием метода является дополнение анализа и прогнозирования кризисов оперативными мерами антикризисного управления, что повысит устойчивость экономики.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. [Keynes J.M. General Theory of Employment, Interest and Money. Moscow: Progress Publishing House, 1978. (In Russ.).]
2. Туган-Барановский М. Промышленные кризисы в современной Англии. СПб.: Экономика, 1894. [Tugan-Baranovsky M. Industrial Crises in Modern England. SPb.: Economica, 1894. (In Russ.).]
3. Фридмен М. Количественная теория денег. М.: Эльф-пресс, 1996. [Friedman M. Quantitative Theory of Money. M.: Elf-press, 1996. (In Russ.).]
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. [Schumpeter J. Theory of Economic Development. M.: Progress, 1982. (In Russ.).]
5. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1-е изд. М., 1928. [Kondratiev N. D., Oparin D. I. Large Cycles of the Economy: Reports and Their Discussion at the Institute of Economics. –1st ed. M., 1928. (In Russ.).]
6. Поздеев В.Л. Завершение 2020 года – подъем или рецессия? // Развитие и безопасность. 2020. № 4. С. 55–67. DOI: 10.46960/2713-2633_2020_4_55. [Pozdeev V.L. The End of 2020 – Recovery or Recession? // Development and Security. 2020. No. 4. P. 55–67. (In Russ.).] DOI: 10.46960/2713-2633_2020_4_55.
7. Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н. Экономическая наука и экономико-математическое моделирование // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 57. С. 287–307. [Veduta E.N., Dzhakubova T.N. Economic Science and Economic-Mathematical Modeling // Public Administration. Electronic Bulletin. Iss. No. 57. August 2016. P. 287–307 (In Russ.).] . EDN: WMGFJF.
8. Burns A.F., Mitchel, W.C. Measuring Business Cycles. N.Y. National Bureau of Economic Research, 1946.
9. Moore G. Business Cycles Indicators: Contributions to the analysis of current business conditions. Published by Princeton University Press, Princeton, 1961.

10. *Andersson Eva, David Bock and Marianne Frisén.* Detection of Turning Points in Business Cycles // Journal of Business Cycle Measurement and Analysis. 2004. Vol. 1. No. 1. Pp. 93–108.
11. *Boldin Michael D.* Dating Turning Points in the Business Cycle // The Journal of Business. Jan. 1994. Vol. 67. No. 1. Pp. 97–131.
12. *Chaffin, Wilkie W. and Wayne K. Talley.* Diffusion indexes and a statistical test for predicting turning points in business cycles // International Journal of Forecasting. 1989. Vol. 5. Pp. 29–36.
13. *Chauvet Marcelle, Jeremy M. Piger.* Identifying Business Cycle Turning Points in Real Time // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. March–April 2003. Pp. 47–62. DOI: 10.20955/r.85.47-61.
14. *Chen Max.* The Use of the Composite Leading Index for Forecasting Business Cycle Turning Points // American Statistical Association. Proceedings of the 2002 Joint Statistical Meetings. Business & Economic Statistics Section. 2002. Pp. 509–518.
15. *Koskinen, Lasse and Lars-Erik Öller.* A Classifying Procedure for Signalling Turning Points // Journal of Forecasting. 2004. Vol. 23. Pp. 197–214.
16. *Hagerstrand T.* Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago: The University of Chicago Press, 1967.
17. *Haefner L., Sternberg R.* Spatial Implications of Digitization: State of the Field and Research Agenda // Geography Compass. 2020. Vol. 14. Iss. 12. e12544. DOI: 10.1111/gec3.12544.
18. *Блануца В.И.* Пространственная диффузия цифровых инноваций: тренды, проблемы и перспективы эмпирических исследований // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 4. С. 118–142. [*Blanutsa V.I.* Spatial Diffusion of Digital Innovations: Trends, Problems, and Prospects for Empirical Research // Spatial Economics. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 118–142. (In Russ.)] DOI: 10.14530/se.2021.4.118-142.
19. *Шмидт Ю.Д., Лободина О.Н.* О некоторых подходах к моделированию пространственной диффузии инноваций // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 103–115. [*Schmidt Yu.D., Lobodina O.N.* On Some Approaches to Modeling the Spatial Diffusion of Innovations // Spatial Economics. 2015. No. 2. Pp. 103–115. (In Russ.)] DOI: 10.14530/se.2015.2.103-115.
20. *Щербakov Г.А.* Антиинновации финансового сектора как фактор формирования кризисов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 3. № 8 (104). С. 4–10. [*Shcherbakov G.A.* Anti-innovations of the financial sector as a factor in the formation of crises // Economy and Management: Problems, Solutions. 2020. Vol. 3. No. 8 (104). P. 4–10. (In Russ.)] DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.08.03.001.
21. *Сенчагов В.К., Митяков С.Н.* Сравнительный анализ влияния финансово-экономических кризисов 1998 года и 2008–2009 годов на индикаторы экономической безопасности России // Вестник Финансового университета. 2013. № 6 (78). С. 71–88. [*Senchagov V.K., Mityakov S.N.* Comparative analysis of the impact of the financial and economic crises of 1998 and 2008–2009 on the indicators of economic security of Russia // Bulletin of the Financial University. 2013. No. 6 (78). Pp. 71–88. (In Russ.)] EDN: TGFGML.
22. *Сенчагов В.К., Митяков С.Н.* Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2 (155). С. 44–58. [*Senchagov V.K., Mityakov S.N.* Assessment of crises in the economy using short-term indicators and

- average indices of economic security of Russia // *Problems of Forecasting*. 2016. No. 2 (155). Pp. 44–58. (In Russ.)] EDN: WFMKJV.
23. Митяков С.Н., Митяков Е.С. Анализ кризисных явлений в экономике России с использованием быстрых индикаторов экономической безопасности // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 3 (186). С. 29–40. [Mityakov S.N., Mityakov E.S. Analysis of crisis phenomena in the Russian economy using fast indicators of economic security // *Problems of Forecasting*. 2021. No. 3 (186). P. 29–40. (In Russ.)] DOI: 10.47711/0868-6351-186-29-40.
 24. Назарова Е.А. Концептуальные основы оперативного мониторинга экономической безопасности страны // *Развитие и безопасность*. 2022. № 3 (15). С. 42–50. [Nazarova E.A. Conceptual Foundations of Operational Monitoring of the Country's Economic Security // *Development and Security*. 2022. No. 3 (15). P. 42–50. (In Russ.)] DOI: 10.46960/2713-2633_2022_3_42.
 25. Назарова Е.А. Многоуровневая система быстрых индикаторов и процедура проведения оперативного мониторинга экономической безопасности // *Финансовые банки и рынки*. 2024. № 6. С. 303–309. [Nazarova E.A. Multilevel System of Fast Indicators and the Procedure for Conducting Operational Monitoring of Economic Security // *Financial Banks and Markets*. 2024. No. 6. P. 303–309. (In Russ.)] EDN: FRJVSM.
 26. Митяков С.Н., Митяков Е.С. Развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2023. № 5. С. 83–113. [Mityakov S.N., Mityakov E.S. Development of the Theory of Risks and Threshold Values of Economic Security // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 5. P. 83–113. (In Russ.)] DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_83_113.
 27. Rogers E.M. *Diffusion of Innovation*. New York: The Free Press, 2003.
 28. Dhakal T., Lim D.-E. Understanding ICT Adoption in SAARC Member Countries // *Letters in Spatial and Resource Sciences*. 2020. Vol. 13. Pp. 67–80. DOI: 10.1007/s12076-020-00245-2.
 29. Смирнов А.Д. Обеспечение активов макрофинансовой системы и стохастическая динамика рычага // *Экономический журнал ВШЭ*. 2014. № 2. С. 183–215. [Smirnov A.D. Asset Collateral of the Macrofinancial System and Stochastic Dynamics of Leverage // *HSE Economic Journal*. 2014. No. 2. Pp. 183–215. (In Russ.)]
 30. Агаян Г.М., Григорян А.А., Шикин Е.В. Кризисы: комплексный управленческий анализ // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2016. № 57. С. 69–114. [Agayan G.M., Grigoryan A.A., Shikin E.V. Crises: comprehensive management analysis // *Public administration. Electronic Bulletin*. 2016. No. 57. Pp. 69–114. (In Russ.)] EDN: WMGFFJ.

Дата поступления рукописи: 20.04.2025 г.

Дата принятия к печати: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Митяков Сергей Николаевич – доктор физико-математических наук, профессор, директор Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева», Нижний Новгород, Россия

ORCID: 0000-0002-7086-7457

snmit@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Mytyakov – Dr. Sci. (Phys.-Math.), Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: 0000-0002-7086-7457

snmit@mail.ru

METHOD OF ANALYSIS AND FORECASTING ECONOMIC CRISES

The purpose of this work is to develop a new method for analyzing economic crises that allows for timely detection of signs of emerging threats. Definitions of concepts are given, the main parameters of a crisis and parameters of crisis diffusion are determined. A model of crisis propagation as a sum of two logistic curves is presented. A multi-level system of indicators for monitoring economic crises with an information update period of one month has been developed. An algorithm for monitoring an economic crisis is proposed that includes six stages: a preliminary stage associated with the analysis of possible root causes and triggers of a crisis; monitoring of leading indicators; multi-level operational monitoring of economic crises; processing, generalization and analysis of information; forecasting; development of recommendations for the timely detection of crises. The new method for analyzing crises has been verified using the example of the development of the economic crisis of 2008–2009.

Keywords: *economic crises, precursors, diffusion, operational monitoring of economic crises, indicators and threshold values, forecasting.*

JEL: G01, F44.

В.Н. БОБКОВ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, главный научный сотрудник,
заведующий Сектором социально-экономических исследований качества
и уровня жизни ФГБУН Институт экономики РАН

Е.В. ОДИНЦОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни
ФГБУН Институт экономики РАН

И.Б. КОЛМАКОВ

доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук,
независимый исследователь

**НОРМАТИВНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ
И ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ МЕДИАННЫЙ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
ПО УРОВНЮ ЖИЗНИ**

Дифференциация населения по уровню жизни рассматривается путем сравнения результатов применения двух подходов к ее идентификации. Осуществлена актуализация авторской теоретико-методологической «рамки» выявления социально-экономической структуры российского населения по уровню жизни. Проведена идентификация покупательной способности по душевым денежным доходам социально-экономических групп населения в соответствии с авторским нормативно-статистическим подходом и альтернативным – относительным медианным подходом. В рамках двух подходов представлены количественные оценки масштабов групп населения, выявленных на основе душевых денежных доходов и различающихся критериальными границами покупательной способности. Полученные результаты рассмотрены в ракурсе возможностей для актуализации социальной политики.

Ключевые слова: *уровень жизни, социально-экономические группы населения, душевые денежные доходы, покупательная способность населения, критериальные границы уровня жизни, показатели распределения, социальная политика.*

УДК: 330.564.2, 330.59

EDN: RXGWDH

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105

Введение

Снижение экономического неравенства россиян является одним из важных направлений национальной повестки, для которого закреплены целевые показатели на перспективу до 2030 г. и 2036 г. Так, согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ (далее – Указ 2024 г.), коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) должен быть снижен до 0,37 к 2030 г. и 0,33 к 2036 г. Отметим, что необходимость решения проблемы неравенства ставилась государством и ранее – в утвержденной в 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (далее – Концепция 2020 г.), но целевой ориентир был формализован через отслеживание снижения соотношения доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных². Кроме того, в Концепции 2020 г. были обозначены еще два важных целевых ориентира социальной политики, которые отсутствуют в Указе 2024 г., – снижение относительной бедности и увеличение доли среднего класса. Вместе с тем они являются важными индикаторами динамики неравенства в обществе, а последний раскрывает ее в ракурсе разной представленности в обществе групп, различающихся стандартами жизни, включая потребление материальных и нематериальных благ, и обеспечивающими их ресурсами.

Выявление таких групп является сложной теоретико-методологической задачей, предполагающей необходимость выбора концептуальных основ измерения (объективное/субъективное, монетарное/немонетарное), обоснования пороговых границ перехода от одной группы к другой. Решение данной задачи имеет практические следствия, т. к. «конфигурация» инструментария измерения определяет эмпирические оценки. «На выходе» могут иметь место разные, в том числе слабо пересекающиеся, композиции распределения населения. Так, доля бедных в структуре российского населения в 2023 г. при абсолютном монетарном измерении (доходы менее прожиточного минимума) составляла 9,9% [11], при относительном – от 11,1%

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 17.02.2025).

² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134 (дата обращения: 17.02.2025).

(доходы менее 40% медианного среднедушевого денежного дохода) до 24,8% (доходы менее 60% медианного среднедушевого денежного дохода)³. Так называемый средний класс в зависимости от методики измерения может составлять более 50% населения при использовании абсолютного подхода в версии Всемирного банка (доход/потребление более 10\$ в день) или сжиматься до четверти населения при относительном подходе (доходы в пределах 1,25–2 медианы) (2015 г.) [28]. Разнообразие научно обоснованных методологических подходов способствует получению комплексной оценки социально-экономического неравенства. Вместе с тем полученные на основе разных подходов эмпирические оценки требуют осмысления в контексте применения при реализации социальной политики.

Теоретико-методологические вопросы идентификации групп населения по уровню жизни на основе оценивания их покупательной способности по душевым денежным доходам

На современном этапе сложились разные подходы к проведению идентификации социально-экономической структуры населения, различающегося по уровню жизни. Такие исследования могут осуществляться с использованием монетарных и немонетарных индикаторов. При опоре на монетарные индикаторы анализу подвергаются доходы, расходы и др. индикаторы (см., например, [17; 20; 25; 29; 30]). Немонетарное измерение может фокусироваться, например, на оценивании жилищной обеспеченности [3; 7; и др.], нефинансовых активов (движимого и недвижимого имущества) [5; 16], наличия и концентрации деприваций (лишений) [6; 9; 19].

В данном исследовании авторы концентрируют свое внимание на денежных доходах, представляющих собой ресурсы для формирования уровня жизни, и идентификации групп населения, различающихся по уровню жизни, на основе оценивания покупательной способности. Идентификация таких групп (отдельных групп или социально-экономической структуры в целом) может осуществляться в рамках, во-первых, абсолютного подхода, при котором группы идентифицируются в пределах фиксированных границ (пороговых значений) доходов, во-вторых, относительного подхода, предполагающего выявление групп с учетом их позиционирования на шкале распре-

³ Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границы медианного среднедушевого денежного дохода населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723#> (дата обращения: 10.02.2025).

ления доходов, и, в-третьих, комбинированного подхода, сочетающего абсолютное и относительное измерение при установлении границ идентификации групп [1; 12].

Применяемые в исследованиях идентифицирующие группы границы (пороговые значения) денежных доходов имеют разную методологическую основу. При абсолютном подходе пороговые значения выявляемых групп устанавливаются на основе линий бедности [32], увязанного с вероятностью попадания в бедность дохода [27], потребительских бюджетов разного уровня достатка [8] и др. При относительном подходе пороговые значения доходов устанавливаются на шкале распределения доходов по процентилям/децилям/квинтилям (например, [21; 33]) или относительно медианного (например, [23; 26]) или среднего⁴ значения. Они могут применяться для выявления на шкале распределения доходов отдельных групп населения (например, среднедоходных [31]) или в целом структуры населения по доходам (например, [22]). Причем пороговые значения доходов, определяющие аналогичные группы населения, в исследованиях могут различаться. Например, так называемый средний класс могут определять доходы в интервале 0,67–2,0 медианы [23] или 0,75–1,25 медианы [18]. Разнообразие методологических решений в данном вопросе дает различные вариации социально-экономической структуры населения. При этом одной из центральных проблем является обоснованность и аргументированность применяемых границ доходов [1; 10].

В российской практике для научно-исследовательских целей, статистических наблюдений и в сфере социальной политики применение находят и абсолютный, и относительный подходы. Так, официальные статистические разработки предполагают мониторинг абсолютной и относительной монетарной бедности. Также отслеживается численность групп работников, различающихся по уровню заработной платы, границы которой определяются кратно величине прожиточного минимума трудоспособного населения⁵. Для выявления групп с уровнем жизни, требующим оказания материальной помощи со стороны государства, применяется абсолютный подход⁶. Выполнены

⁴ См., например: EU statistics on income and living conditions (EU-SILC) methodology - monetary poverty. [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_\(EU-SILC\)_methodology_-_monetary_poverty](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_(EU-SILC)_methodology_-_monetary_poverty) (дата обращения: 25.01.2025).

⁵ Неравенство и бедность. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 10.02.2025).

⁶ См., например: Ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка. Социальный фонд России. https://sfr.gov.ru/grazhdanam/families_with_children/firstchild/ (дата обращения: 26.01.2025).

и продолжают разработки, которые характеризуют социально-экономическую структуру в терминах доходов, границы которых задаются в рамках абсолютного и относительных подходов – кратно прожиточному минимуму, медиане или по децилям/квинтилям (подробнее см., например, [10]).

В исследованиях, посвященных выявлению социально-экономической структуры и неравенства распределения денежных доходов, выполненных с участием авторов (см., например, [2; 4]), последовательно развивается методология, в рамках которой абсолютный подход к установлению границ идентификации социально-экономических групп по уровню жизни дополняется относительным. Данная методология базируется на системе потребительских бюджетов разного уровня достатка – нормативная составляющая (см. табл. 1) и показателях распределения доходов населения – статистическая составляющая. При этом используются показатели двух видов – распределения населения по уровню среднедушевых денежных доходов (СДД) и распределения объема денежных доходов по доходным показателям населения (см. табл. 2).

Таблица 1

Система потребительских бюджетов и их сравнительная характеристика

Тип потребительского бюджета		Характеристика потребительского бюджета
Бюджет прожиточного минимума (БПМ) (величина ПМ)	Минимальные потребительские бюджеты	Обеспечивает минимально необходимый для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности уровень потребления ^{а)} . Обеспеченность жильем учитывается в соответствии с установленным законодательством Российской Федерации федеральным стандартом социальной нормы площади жилья на одного члена семьи из трех и более человек ^{б)} . Идентифицирует верхнюю границу наиболее низкого уровня жизни.
Минимальный потребительский бюджет (МПБ) (величина МПБ)		Обеспечивает удовлетворение основных материальных и духовных потребностей ^{в)} . Идентифицирует верхнюю границу низкого уровня жизни.

Тип потребительского бюджета		Характеристика потребительского бюджета
Социально-приемлемый потребительский бюджет (СППБ) (величина СППБ)	Средние потребительские бюджеты	Обеспечивает социально-приемлемый уровень потребления. В отличие от БПМ и МПБ включает более широкий перечень социально значимых потребностей; учитывает принцип самообеспечения, финансовое самострахование (финансовый резерв), накопления для приобретения пассажирского транспорта и улучшения жилищных условий. Идентифицирует нижнюю границу среднего уровня жизни, определяющую «базовый» (начальный) уровень экономической устойчивости.
Бюджет среднего достатка (БСД) (величина БСД)		Обеспечивает развивающийся уровень потребления. Включает более качественный и разнообразный набор товаров и услуг, более высокий уровень жилищной обеспеченности. Идентифицирует границу среднего уровня жизни, «открывающую» на шкале доходов позиционирование групп с более высоким уровнем экономической устойчивости (ядро).
Бюджет высокого достатка (БВД) (величина БВД)	Высокие потребительские бюджеты	Обеспечивает высокий уровень потребления, расширенное воспроизводство и полное удовлетворение разумных потребностей. Учитывает более широкий перечень товаров и услуг высокого качества, высокое качество жилищной обеспеченности. Идентифицирует нижнюю границу высокого уровня жизни.

а) Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049769&rdk=0> (дата обращения: 06.03.2025).

б) Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 1999 г. № 192 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 16.03.2000 № 232, от 12.08.2005 № 511, от 04.06.2007 №342). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22083/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 06.03.2025).

в) Указ Президента Российской Федерации от 02.03.1992 № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации». <http://pravo>.

Источник: составлено авторами по: [8, с. 191–199; 13; 14, с. 208–210; 24].

Теоретико-методологическая «рамка», базирующаяся на нормативных и статистических (информативных) показателях, является динамичной, поскольку конкретные значения границ среднедушевых доходов населения и стоимости жизни постоянно актуализируются.

Так, за время, прошедшее с начала разработки авторами данного подхода (2016 г.), значения показателей распределения по среднедушевым денежным доходам в пересчете на определяемую на их основе покупательную способность населения выросли (см. табл. 2). Соответственно передвинулась по шкале доходов и «рамка» для выявления социально-экономической структуры населения по уровню жизни.

Таблица 2

**Значения нормативных и статистических показателей,
используемых для построения социально-экономической
структуры населения по уровню жизни**

Показатель	Значение показателя в пересчете на величину прожиточного минимума в среднем на душу населения	
	2016 г.	2023 г.
Величина прожиточного минимума (П1)	1,0	1,0
Величина двух прожиточных минимумов (П2)	2,0	2,0
Медианное значение в логнормальном распределении населения по уровню среднедушевых денежных доходов (X_{fmed}) (П3)	2,3	2,6
Среднее значение в логнормальном распределении населения по уровню среднедушевых денежных доходов (X_{fc}) (П4)	3,1	3,5
Медианное значение в логнормальном распределении объема денежных доходов по уровню среднедушевых денежных доходов (X_{fmed}) (П5)	4,2	4,7
Среднее значение в логнормальном распределении объема денежных доходов по уровню среднедушевых денежных доходов (X_{fc}) (П6)	5,6	6,3
Величина восьми прожиточных минимумов (П7)	8,0	8,0
Величина одиннадцати прожиточных минимумов (П8)	11,0	11,0

Источник: составлено авторами.

Для построения социально-экономической структуры населения по уровню жизни (стандартам покупательной способности населения по СДД) применены следующие показатели из табл. 2.

Первый показатель (П1) является нормативным. Он соответствует величине бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения (БПМ; см. табл. 1) и корреспондируется с границей идентификации бедного по денежным доходам населения в рамках абсолютного подхода. Для проведения количественных оценок авторы в дальнейшем при-

меняют величину прожиточного минимума (ВПМ), определенную по методологии 2013–2020 гг. (базируется на потребительской корзине [11]). Второй показатель (П2) также нормативный. Он соответствует 2 ВПМ и представляет одно из возможных значений МПБ (см. табл. 1), величина которого может находиться в диапазоне от 1 до 3 ВПМ [14, с. 208–210, 267]. П2 представляет собой ближайшее целое более низкое значение покупательной способности по среднедушевым денежным доходам к третьему показателю (П3) в статистической точке X_{fmed} ряда распределения населения по среднедушевым денежным доходам, значение которого в 2016 г. составляло 2,3 ПМ, в 2023 г. – 2,6 ПМ (см. табл. 2). Показатель П2 = 2 ВПМ зафиксирован авторами, чтобы избежать попадания в «ловушку» бедности и низкой обеспеченности, в которой группы населения с соответствующей покупательной способностью вместе всегда составляли бы 50% от общей численности населения [2; 4, с. 1064].

Четвертый–седьмой показатели (П4–П7) являются статистическими. П4 идентифицирует среднедушевой денежный доход и соответствует статистической точке X_{fc} ряда распределения населения по среднедушевым денежным доходам, составляя в 2016 г. 3,1 ВПМ, в 2023 г. – 3,5 ВПМ. Этот показатель сопоставим с величиной нормативного показателя социально приемлемого потребительского бюджета населения [24] (СППБ, см. табл. 1) (2016 г. – 3,5 ВПМ, 2023 г. – 3,5 ВПМ). П5 представляет собой медианное значение среднедушевого денежного дохода и соответствует статистической точке X_{fmed} в ряде распределения объема денежных доходов населения по среднедушевым денежным доходам (2016 г. – 4,2 ВПМ, 2023 г. – 4,7 ВПМ). П6 – это среднее значение среднедушевого денежного дохода. Он соответствует точке X_{fc} в ряде распределения объема денежных доходов по среднедушевым денежным доходам (2016 г. – 5,6 ВПМ, 2023 г. – 6,3 ВПМ). П7 соответствует ближайшему целому значению величины, рассчитанной с учетом дисперсии σ^2 по отношению к трансформированному размеру среднего денежного дохода (X_{fc}) [2, с. 977].

Восьмой показатель (П8) является нормативным. Он основывается на величине бюджета высокого достатка (БВД, см. табл. 1) [14, с. 208]. Показатель П8 = 11 ВПМ является ближайшим целым значением расчетного показателя: средневзвешенное значение покупательной способности по душевым денежным доходам домохозяйств, где доходы работников от занятости составляют не менее уровня, начиная с которого применяется повышенная ставка (15%) налогообложения доходов физических лиц (НДФЛ)⁷.

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 03.02.2025).

Данные и методы

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, включая данные о среднем, медианном и модальном среднедушевом денежном доходе⁸. Также были использованы микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата⁹, данные Мониторинга доходов и уровня жизни населения России [11]. Обработка данных проводилась с использованием программных средств MS Excel и IBM SPSS.

Актуализация статистических (информативных) показателей теоретико-методологической «рамки» проводилась на основе лог-нормального распределения населения по уровню среднемесячных среднедушевых денежных доходов и распределения объема денежных доходов населения (подробнее см. [2]). Нормативная составляющая теоретико-методологической «рамки» (потребительские бюджеты) опирается на ранее выполненные разработки с участием авторов (см., например, [8; 24]).

Результаты исследования

На основе показателей П1–П8, располагающихся на возрастающей шкале доходов, в соответствии с авторским подходом проведена группировка населения по уровню жизни (см. табл. 3, в которой критериальные границы групп населения представлены для 2023 г.). Так, показатель П1 идентифицирует группы населения с самым низким уровнем жизни. Эту часть населения отличает наиболее низкая покупательная способность по среднедушевым денежным доходам (далее – покупательная способность), которые позволяют обеспечить потребление на уровне менее 1,0 ВПМ (наименее обеспеченное население, бедные по покупательной способности).

Группа с низким уровнем жизни, формируемым покупательной способностью на уровне от 1,0 до 2,0 ВПМ, идентифицируется на шкале среднедушевых денежных доходов между значением показателей П1 и П2. В интервале СДД между показателями П2 и П4 локализуется группа с уровнем жизни ниже среднего. Ее характеризуют СДД, обеспечивающие покупательную способность в пределах 2,0–3,5 ВПМ.

⁸ Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 09.02.2025).

⁹ Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2022 году. Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 03.02.2025).

Показатель П4 «открывает» позиционирование групп населения на возрастающей шкале СДД со средним уровнем жизни. Нижняя средняя группа располагается между показателями П4 и П5 и имеет покупательную способность от 3,5 до 4,7 ВПМ. Ядро средних групп по уровню жизни находится между показателями П5 и П7 с покупательной способностью от 4,7 до 8,0 ВПМ. Показатель П6 в статистической точке X_{fc} также характеризует принадлежность к ядру среднего слоя. По своему смыслу он идентифицирует среднее значение СДД в ряде распределения объема денежных доходов по СДД. Верхняя средняя группа позиционируется между показателями П7 и П8 с покупательной способностью от 8,0 до 11,0 ВПМ.

Население с высоким уровнем жизни, формируемым покупательной способностью не менее 11,0 ВПМ, располагается на возрастающей шкале СДД выше показателя П8.

Таблица 3

Идентификация групп населения по уровню жизни, 2023 г.

Группы по уровню жизни		Идентификация групп на шкале среднедушевых денежных доходов (СДД) на основе нормативных и статистических показателей (П)	Покупательная способность населения, составляющего группу, по СДД*
С высоким уровнем жизни		$СДД \geq П8$	11,0 ВПМ и более
Со средним уровнем жизни	верхняя группа	$П7 \leq СДД < П8$	От 8,0 до 11,0 ВПМ
	ядро	$П5 \leq СДД < П7$	От 4,7 до 8,0 ВПМ
	нижняя группа	$П4 \leq СДД < П5$	От 3,5 до 4,7 ВПМ
С ниже среднего уровнем жизни		$П2 \leq СДД < П4$	От 2,0 до 3,5 ВПМ
С низким уровнем жизни		$П1 \leq СДД < П2$	От 1,0 до 2,0 ВПМ
С наиболее низким уровнем жизни		$СДД < П1$	Менее 1,0 ВПМ

* В соотношении с величиной прожиточного минимума в среднем на душу населения (ВПМ).

Источник: составлено авторами по: [2; 11].

В табл. 4 и 5 приведены данные, позволяющие сравнить результаты двух подходов к выявлению покупательной способности и удельного веса социально-экономических групп населения по уровню жизни. Первый подход – авторский, нормативно-статистический (далее – НС-подход), основанный на системе потребительских

Таблица 4

Группировка населения по уровню жизни (по покупательной способности населения по среднедушевым денежным доходам), 2023 г.

Нормативно-статистический подход (НС)		Относительный медианный подход (ОМ)			
наименования групп		покупательная способность населения*	наименования групп** [10]	покупательная способность населения*	
С высоким уровнем жизни		11,0 и более	Высоко-доходные	состоятельные (более 4 Ме)	более 10,5
Со средним уровнем жизни	верхняя группа	от 8,0 до 11,0		обеспеченные (2–4 Ме)	5,3–10,5
	нижняя группа	от 3,5 до 4,7	Среднедоходные (1,25–2 Ме)		3,3–5,3
С ниже среднего уровнем жизни		от 2,0 до 3,5	Медианная группа (0,75–1,25 Ме)		2,0–3,3
С низким уровнем жизни		от 1,0 до 2,0	Уязвимые (0,5–0,75 Ме)		1,3–2,0
С наиболее низким уровнем жизни		менее 1,0	Бедные	нуждающиеся (0,25–0,5 Ме)	0,7–1,3
				нищие (менее 0,25 Ме)	менее 0,7

* Покупательная способность по среднедушевым денежным доходам в соотношении с величиной прожиточного минимума в среднем на душу населения (ВПМ). Расчеты авторов. В расчетах использовалась величина ПМ, определенного по методологии 2013–2020 гг.

** Границы идентификации групп по доходам указаны в соотношении с медианным среднедушевым денежным доходом (Ме) [10, с. 65, 67].

Источник: составлено авторами.

бюджетов и информативных статистических показателей. Вторым подходом, основанным на выявлении социально-экономических групп по интервалам СДД, кратным величине медианного СДД, и получивший распространение в российских социологических исследованиях (см., например, [10; 28]), назовем относительным медианным (далее – ОМ-подход). Согласно распространенной интерпретации, в рамках ОМ-подхода границы идентификации социально-экономических групп населения «привязаны» к медианному значению СДД следующим образом: менее 0,25 медианы (Ме) – нищие, 0,25–0,5 Ме – нуждающиеся, 0,5–0,75 Ме – уязвимые, 0,75–1,25 Ме – медианная группа, 1,25–2 Ме – среднедоходные, 2–4 Ме – обеспеченные, более 4 Ме – состоятельные [10, с. 67].

Данные табл. 4 показывают, что покупательная способность населения в группе высокодоходного (более 11,0 ВПМ; НС-подход) и состоятельного (более 10,5 ВПМ; ОМ-подход) населения практически совпа-

**Удельный вес населения с различным уровнем жизни
(по покупательной способности населения по среднедушевым
денежным доходам), 2023 г.**

Нормативно-статистический подход (НС)			Относительный медианный подход (ОМ)		
наименования групп	доля населения, %		наименования групп [10]	доля населения, %	
С высоким уровнем жизни	3,0		Высоко-доходные	состоятельные	3,4
Со средним уровнем жизни	верхняя группа	4,2		обеспеченные	14,7
	ядро	15,2			
	нижняя группа	12,8		Среднедоходные	20,4
С ниже среднего уровнем жизни	28,8		Медианная группа		26,3
С низким уровнем жизни	25,8		Уязвимые		17,2
С наиболее низким уровнем жизни	10,2		Бедные	нуждающиеся	14,7
				нищие	3,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата (Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 09.02.2025)) и [11].

дают. ОМ-подход относит к высокодоходным группам также обеспеченное население с покупательной способностью от 5,3 до 10,5 ВПМ, тогда как в рамках НС-подхода, развиваемого авторами, близкий диапазон покупательной способности населения от 4,7 до 11,0 ВПМ отнесен к ядру и верхней группе населения со средним уровнем жизни. В то же время границы покупательной способности нижней группы со средним уровнем жизни (3,5–4,7 ВПМ) в рамках НС-подхода близко соотносятся с границами покупательной способности среднедоходной группы, выделяемой при ОМ-подходе (3,3–5,3 ВПМ). Это означает, что в социально-экономической структуре при ОМ-подходе шире представлены верхние, а при НС-подходе – средние группы по уровню жизни. Границы покупательной способности населения в медианной группе (ОМ-подход) и ниже среднего уровня жизни (НС-подход) также близки (2,0–3,3 ВПМ и 2,0–3,5 ВПМ соответственно).

Что касается выделения двух нижних групп населения (с низким и наиболее низким уровнем жизни, согласно НС-подходу, и уязвимых и бедных, согласно ОМ-подходу), то в рамках рассматриваемых подходов установлена одинаковая граница покупательной способности, ниже которой их рекомендуется идентифицировать (2,0 ВПМ). Далее различия состоят в том, что при ОМ-подходе нижняя группа отсекается как относительно бедные (0,5 Ме) с покупательной способностью

менее 1,3 ВПМ, а при НС-подходе применяется абсолютная граница бедности (1,0 ВПМ, покупательная способность менее 1,0 ВПМ). В рамках ОМ-подхода дополнительно выделена подгруппа, названная «нищие» (покупательная способность менее 0,7 ВПМ).

Количественные оценки групп населения, идентифицированных на основе СДД и различающихся покупательной способностью, в ОМ- и НС-подходах, по состоянию на 2023 г. представлены в табл. 5.

Из-за различий НС- и ОМ-подходов к идентификации социально-экономической структуры населения выявлена следующая представленность групп с разным уровнем жизни. Верхние группы в НС-структуре (с высоким уровнем жизни) составляли 3,0% населения. В ОМ-структуре они (состоятельные и обеспеченные группы) составляли 18,1% населения. Средние по уровню жизни группы в НС-структуре составляли 32,2%, а в ОМ-структуре – 20,4% населения. Вместе удельный вес верхних и средних групп по покупательной способности населения близок в НС- и ОМ-структурах. Он составлял соответственно 35,2% и 38,5%. Промежуточные группы по уровню жизни в НС-структуре (с ниже среднего уровнем жизни) составляли 28,8%, а в ОМ-структуре (медианная группа) – 26,3% населения. Две группы с низким уровнем жизни были представлены в НС-структуре (с низким и наиболее низким уровнем жизни) 36% населения, а в ОМ-структуре (уязвимые и бедные) – 35,3% населения. Нижняя группа в НС-структуре (наименее обеспеченные) составляла 10,2%, а в ОМ-структуре она охватывала 18,1%.

В целом сравнение удельного веса верхних и средних, промежуточных и нижних групп по уровню жизни в общей численности населения при НС- и ОМ-подходах свидетельствуют об их сопоставимости. Из сравнения представленных данных вытекает, что основные различия в социально-экономических структурах по уровню жизни состоят в том, что в ОМ-структуре значительно выше доли верхней и нижней групп по уровню жизни по сравнению с НС-структурой: соответственно в 6 раз (18,1% : 3,0%) и 1,8 раза (18,1% : 10,2%). Наоборот, группы со средним уровнем жизни в ОМ-структуре (среднедоходные группы) составляли 20,4%, что в 1,6 раза меньше, чем в НС-структуре (группы со средним уровнем жизни) – 32,2%.

Обсуждение полученных результатов

Проведенный анализ выявил различия в критериальных границах позиционирования социально-экономических групп по уровню жизни. Прежде всего это граница отсечения на шкале покупательной способности по СДД бедного/наименее обеспеченного населения. При использовании ОМ-подхода граница доходов в 0,5 Ме (является одной

из рекомендуемого диапазона от 0,4 до 0,7 Ме¹⁰) составляла в 2023 г. 0,9 модального, т. е. наиболее часто встречающегося среднедушевого денежного дохода (23 059,7 руб. в 2023 г.¹¹) в ряде распределения населения по СДД. Авторами НС-подхода использовалась более низкая граница – ВПМ (15 258 руб. в 2023 г. [11]), что в 2023 г. составляло 0,7 модального СДД и соответствовало 0,4 Ме (минимальная из рекомендуемых в международной практике границ определения относительной монетарной бедности). Официальная граница российской абсолютной монетарной бедности (14 339 руб. в 2023 г. [11]) была еще ниже. Она составляла 0,6 модального значения СДД и более низкую долю от медианного СДД. Соответственно, верхняя граница покупательной способности нижней группы населения для этих трех идентификационных границ составляла, 1,3 ВПМ, 1,0 ВПМ и 0,9 ВПМ.

Считаем необходимым продолжение исследований по обоснованию границ абсолютной монетарной бедности в целях недопущения/сокращения ее отставания от границ относительной монетарной бедности и снижения социально-экономического неравенства. Кроме того, границы относительной монетарной бедности (ОМ-подход), наряду с ее традиционным применением для мониторинга и международных сопоставлений уровня и динамики бедности, могли бы быть ориентиром для установления более высоких границ абсолютной монетарной бедности для отдельных категорий домохозяйств (например, малоимущих домохозяйств с детьми) и предоставления им приоритетных прав на получение государственной социальной помощи. Соотнесение границ абсолютной и относительной монетарной бедности и модального душевого денежного дохода является важным инструментарием для оценки результативности государственной политики в области повышения уровня жизни и снижения неравенства.

Что касается расхождений авторского и альтернативного подхода к критериальным границам выявления верхних и средних групп по уровню жизни, обратим внимание на следующее.

Полагаем, что переход в ОМ-подходе к верхней группе по уровню жизни при доходах в 5,3 ВПМ (2 Ме) является слишком быстрым, и вот почему. Ранее разработанный авторами потребительский бюджет среднего достатка для работников, которые по своему положению в сфере занятости и уровню образования должны составлять так назы-

¹⁰ См., например: Руководство по измерению бедности / ЕИК ООН. – Женева: ООН, 2018; EU statistics on income and living conditions (EU-SILC) methodology – monetary poverty. [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_\(EU-SILC\)_methodology_-_monetary_poverty](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_(EU-SILC)_methodology_-_monetary_poverty) (дата обращения: 09.02.2025).

¹¹ Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 09.02.2025).

ваемые средние классы [15] (заняты умственным трудом, требующим наличия высшего профессионального образования, без опыта работы), позволил определить минимально необходимый для вхождения в их состав размер заработной платы работников из домохозяйств разного состава. По оценкам авторов, в условиях 2023 г. он обеспечивает в домохозяйствах душевые доходы, формирующие их покупательную способность в 5,9–6,6 ВПМ и которые располагаются вокруг точки X_{fc} в ряду распределения объема денежных доходов по среднедушевым денежным доходам. Эти границы соответствуют, как было показано выше, ядру групп со средним уровнем жизни.

Кроме того, выполненные авторами дополнительные оценки на микроданных Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (2022 г.) среди населения с доходами 2–4 Ме, обозначаемого в рамках ОМ-подхода как обеспеченного, показали, что почти 60% его численности имеют социально приемлемые (31,8%) или хорошие (27,9%) жилищные условия¹². В то же время в группе населения с более высокими доходами (более 4 Ме; состоятельные) распределение по качеству жилищных условий значительно отличается в лучшую сторону: доля имеющих хорошие жилищные условия (41,1%) в 1,6 раза превышает долю имеющих социально приемлемые жилищные условия (26,3%). Это может быть дополнительным аргументом для отнесения населения с доходами 2–4 Ме (обеспеченные группы) не к верхним, а к средним группам по уровню жизни, т. к. это больше соответствует фактической ситуации имеющихся у них ограничений в размерах денежных доходов для обеспечения высокого качества жилищной обеспеченности.

Представленная аргументация теоретико-методологических «рамок» перехода от одной модели уровня жизни к другой имеет значение с точки зрения актуализации информационно-аналитического инструментария комплексного подхода к социальной политике, которая на данном этапе концентрирует внимание преимущественно на населении, располагающемся в нижней части шкалы доходов¹³.

Для повышения результативности и адресности мер в области повышения покупательной способности по доходам и уровня жизни

¹² В соответствии с авторскими разработками данное качество жилищных условий идентифицируется при удовлетворении жилищных требованиям стандартов, выявляющих на шкале жилищной обеспеченности две верхние группы по уровню жизни – со средним и высоким уровнем жизни. Данные стандарты комплексно учитывают требования к площади жилища (не менее 23 и 40 кв. м на человека), его благоустроенности, просторности и др. (подробнее см., например, [3; 7]).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 12.02.2025).

населения важно отслеживать перемещения населения по всей шкале покупательной способности. Необходимо наряду с динамикой бедности также фиксировать изменения масштабов групп со средним уровнем жизни. Аналогичная практика ранее уже имела место. В частности, в числе целевых ориентиров социальной политики до 2020 г., согласно Концепции 2020 г., было определено увеличение доли среднего класса до 52–55% населения к 2020 г.¹⁴. По критерию доходов он определялся границей в 6,0 ВПМ. Указанный ориентир не был достигнут. Как следует из таблицы 5, по состоянию на 2023 г. доля группы, которая характеризовалась бы сопоставимым уровнем жизни, не достигает в настоящее время 25%. Также целесообразен мониторинг представленности и динамики промежуточных социально-экономических групп, находящихся на шкале доходов между границами бедности и среднего уровня жизни, характеризующихся уязвимым, неустойчивым положением, рисками бедности, или находящихся на периферии относительно населения со средним уровнем жизни.

Полученные результаты классификации населения по уровню жизни позволяют:

- определять индикаторы для достижения стратегических задач в области социальной политики;
- оценивать обоснованность критериальных границ покупательной способности населения по СДД;
- проводить мониторинг уровня жизни населения, повышения его покупательной способности, изменения социально-экономической структуры, выявлять и оценивать социально-экономическое неравенство;
- обосновывать и оценивать достаточность/недостаточность размеров покупательной способности работников по заработной плате для вхождения их домохозяйств в разные группы по уровню жизни;
- проводить актуализацию шкалы налогообложения доходов физических лиц и др.

Заключение

Представленные в статье сравнительные оценки нормативно-статистического и относительного медианного подходов к выявлению социально-экономической структуры населения по уровню жизни вносят вклад в продвижение к согласованным научно обоснованным

¹⁴ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. <http://government.ru/info/6217/> (дата обращения: 12.02.2025).

границам идентификации социально-экономических групп. Вместе с тем полученные результаты позволяют определить ограничения и возможности этих исследовательских парадигм, наметить направления дальнейших обоснований возрастающих границ доходов, разграничивающих переходы между группами по уровню жизни.

Вариативность научных решений при отсутствии осмысления применяемых в них критериев и ограничений затрудняет их применение в сфере национальной социальной политики. Аргументированные расхождения, наоборот, свидетельствуют как о необходимости продолжения исследований, их обсуждения и согласования научных позиций, так и позволяют органам государственного управления повышать обоснованность практических решений при формировании социальной политики.

Комплексный и аргументированный взгляд на дифференциацию уровня жизни населения должен стать частью национальной повестки, способствовать формированию условий для развития человеческого и трудового потенциала страны. Сравнение представленных в статье нормативно-статистического и относительного медианного подходов к изучению и оцениванию уровня жизни населения с другими методологическими подходами позволит дополнить и уточнить полученные результаты, в том числе с учетом расширения перечня формирующих уровень жизни параметров и их критериальных оценок (например, покупательной способности потребительских расходов или располагаемых ресурсов домашних хозяйств, а также с привлечением оценивания нематериальных активов). Это будет способствовать формированию комплексного подхода к выявлению социально-экономических структур по уровню жизни населения и оцениванию его дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Аникин В.А., Лежнина Ю.П. Экономическая стратификация: к вопросу об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–273. [Anikin V.A., Lezhnina Y.P. Income Stratification: Putting a Spotlight on the Boundaries // The Russian Sociological Review. Vol. 17. No 1. Pp. 237–273. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-237-273.
2. Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 971–984. [Bobkov V.N., Kolmakov I.B. Identifying the social structure and the inequality of monetary incomes of the population of the Russian Federation // Economy of Region. 2017. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 971–984. (In Russ.)] DOI: 10.17059/2017-4-1.
3. Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики //

- Уровень жизни населения регионов России. 2018. Том 14. № 2. С. 8–23.
[Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Odintsova E.V. Social Structure of Russian Society in Terms of Housing Security: Criterion and Quantitative Identification, the Guide-lines for State Policy // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 8–23. (In Russ.)] DOI: 10.19181/1999-9836-2018-10011.
4. Бобков В.Н., Херрманн П., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1061–1075.
[Bobkov V.N., Herrmann P., Kolmakov I.B., Odintsova E.V. Two-Criterion Model of the Russian Society Stratification by Income and Housing Security // Economy of Region. 2018. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 1061–1075. (In Russ.)] DOI: 10.17059/2018–4–1.
 5. Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. 2020. Т. 29. № 4. С. 6–33. [Bogomolova T.Y., Cherkashina T.Y. The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates // Mir Rossii. 2020. Vol. 29. No 4. Pp. 6–33. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-6-33.
 6. Гришина Е.Е. Различные аспекты бедности семей с детьми // ЭКО. 2018. № 3. С. 7–26. [Grishina E. Different Aspects of Poverty Among Families with Children // ECO. 2018. No 3. Pp. 7–26. (In Russ.)] DOI: 10.30680/ECO0131-7652- 2018-3-7-26.
 7. Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Особенности имущественной обеспеченности семей с детьми в городе и на селе // АПК: Экономика, управление. 2023. № 9. С. 107–116. [Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. Features of Property Security of Families with Children in Urban and Rural Areas // AIC: economics, management. 2023. No. 9. Pp. 107–116. (In Russ.)] DOI: 10.33305/239-107.
 8. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.). М.: ВЦУЖ, 2007. [The Quality and Standard of Living of the Population in New Russia (1991–2005). Moscow: All-Russian centre of living standard. 2007. (In Russ.)]
 9. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. 2019. Том 22. № 2. С. 51–63. [Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. Material deprivations in poverty estimations // Population. 2019. Vol. 22. No. 2. Pp. 51–63. (In Russ.)] DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00015.
 10. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. [The model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, and cross-country comparisons / N.E. Tikhonova, Y.P. Lezhnina, S.V. Mareeva, V.A. Anikin, A.V. Karavai, E.D. Slobodenyuk; edited by Doctor of Sociological Sciences N.E. Tikhonova. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 2018. (In Russ.)]
 11. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2 (203) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. [Monitoring of incomes and living standards of the Russian population – 2023 god. Yearbook. Iss. 2 (203) / V.N. Bobkov, A.A. Gulyugina, E.V. Odintsova [et al.]; edited by V.N. Bobkov, A.A. Gulyugina. Moscow: Institute of Economics of the RAS. 2024. (In Russ.)]

12. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. [Ovcharova L.N. Theoretical and practical approaches to assessing the level, profile and factors of poverty: Russian and international experience. Moscow: M-Studio. 2009. (In Russ.).]
13. Прожиточный минимум в Российской Федерации: нормативные документы, методические рекомендации, комментарии. М.: ВЦУЖ, 2000. [Subsistence minimum in the Russian Federation: normative documents, methodological recommendations, comments. Moscow: All-Russian centre of living standard, 2000. (In Russ.).]
14. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / под общ. ред. В.Н. Бобкова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ВЦУЖ, «РусакИ», 2014. [Social policy, standard and quality of life: dictionary / under the general editorship of V.N. Bobkov. 2nd ed., add. and reprint. Moscow: All-Russian centre of living standard, "Rusaki". 2014. (In Russ.).]
15. Средние классы в капиталистической России: научная монография / под ред. В.Н. Бобкова. М.: КноРус, 2018. [Middle Classes in the Capitalist Russia: Scientific monograph / edited by V.N. Bobkov. Moscow: KnoRus, 2018. (In Russ.).]
16. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65. [Tikhonova N.Ye. Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society // Sociological Studies. 2018. No 6. Pp. 53–65. (In Russ.).] DOI: 10.7868/S0132162518060053.
17. Banerjee A.V., Duflo E. What is middle class about the middle classes around the world? // The Journal of Economic Perspectives: A Journal of the American Economic Association. 2008. Vol. 22. No. 2. Pp. 3–28. DOI: 10.1257/jep.22.2.3.
18. Birdsall N., Graham C., Pettinato S. Stuck in Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle? / Center on Social and Economic Dynamics. Working paper № 14. 2000.
19. Calegari E., Fabrizi E., Mussida C. State Dependence in Material and Social Deprivation in European Single-Parent Households // Social Indicators Research. 2024. Vol. 172. Pp. 481–498. DOI: 10.1007/s11205-024-03317-8.
20. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al. World Inequality Report 2022 / World Inequality Lab. https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2021/12/WorldInequalityReport2022_Full_Report.pdf (дата обращения: 19.02.2025). [Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al. World Inequality Report 2022 / World Inequality Lab. https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2021/12/WorldInequalityReport2022_Full_Report.pdf (accessed: 19.02.2025).]
21. Dallinger U. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // Journal of European Social Policy. 2013. Vol. 23. No. 1. Pp. 83–101. DOI: 10.1177/0958928712456573.
22. Grabka M.M., Frick J.R. The Shrinking German Middle Class: Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? // Weekly Report. 2008. Vol. 4. № 4. Pp. 21–27.
23. Grabka M.M., Goebel J., Schroder C., Schupp J. Shrinking Share of Middle-Income Group in Germany and the US // DIW Economic Bulletin. 2016. No. 18. Pp. 199–210.
24. Gulyugina A., Odintsova E. On the economic sustainability of Russian households at a socially acceptable level // Stanovništvo. 2024. Vol. 62. No. 2. Pp. 267–291. DOI: 10.59954/stnv.646.

25. *Kharas H.* The Emerging Middle Class in Developing Countries / OECD Development Centre Working Papers, No. 285. Paris: OECD Publishing, 2010. DOI: 10.1787/5kmp8lncrns-en.
26. *Kochhar R.* The State of the American Middle Class. Who is in it and key trends from 1970 to 2023 / Pew Research Center. 2024. https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2024/05/RE_2024.05.31_American-Middle-Class_FINAL.pdf (дата обращения: 19.02.2025). [*Kochhar R.* The State of the American Middle Class. Who is in it and key trends from 1970 to 2023 / Pew Research Center. 2024. https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2024/05/RE_2024.05.31_American-Middle-Class_FINAL.pdf (accessed: 19.02.2025)]
27. *López-Calva L.F., Ortiz-Juarez E.* A vulnerability approach to the definition of the middle class // The Journal of Economic Inequality. 2014. Vol. 12. Pp. 23–47. DOI: 10.1007/s10888-012-9240-5.
28. *Mareeva S.V., Lezhnina Y.P.* Income stratification in Russia: what do different approaches demonstrate? // Studies of Transition States and Societies. 2019. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 23–46.
29. *Milanovic B.* Global income inequality: time to revise the elephant // Social Europe, 5.12.2022. <https://www.socialeurope.eu/global-income-inequality-time-to-revise-the-elephant> (дата обращения: 20.02.2025). [*Milanovic B.* Global income inequality: time to revise the elephant // Social Europe, 5.12.2022. <https://www.socialeurope.eu/global-income-inequality-time-to-revise-the-elephant> (accessed: 20.02.2025).]
30. *Milanovic B., Yitzhaki S.* Decomposing world income distribution: Does the world have a middle class? // Review of Income and Wealth. 2002. Vol. 48. No. 2. Pp. 155–178.
31. *Pressman S.* The Decline of the Middle Class: An International Perspective // Journal of Economic Issues. 2007. Vol. 41. № 1. Pp. 181–200.
32. *Ravallion M.* The developing world's bulging (but vulnerable) middle class // World development. 2010. Vol. 38. No. 4. Pp. 445–454. DOI: 10.1016/j.worlddev.2009.11.007.
33. *Solimano A.* The Middle Class and the Development Process / CEPAL. Serie Macroeconomía del desarrollo, No. 65. Santiago, 2008.

Дата поступления рукописи: 25.03.2025 г.

Дата принятия к публикации: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7364-5297
bobkovvn@mail.ru

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7906-8520
odin_ev@mail.ru

Колмаков Игорь Борисович – доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, независимый исследователь, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0582-6795
kolibor@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vyacheslav N. Bobkov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Researcher, Head of the Department of Socioeconomic Research of Quality of Live and Living Standards of Center for Human Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7364-5297
bobkovvn@mail.ru

Elena V. Odintsova – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Department of Socioeconomic Research of Quality of Live and Living Standards of Center for Human Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7906-8520
odin_ev@mail.ru

Igor B. Kolmakov – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Phys.-Math.), independent researcher, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0582-6795
kolibor@rambler.ru

ЗАЯВЛЕННЫЙ ВКЛАД АВТОРОВ:

Бобков В.Н. – концепция статьи, обоснование нормативно-статистических стандартов покупательной способности населения по душевым денежным доходам (уровню жизни), верификация групп по уровню жизни на основе нормативно-статистического подхода, дискуссия, заключение.

Одинцова Е.В. – обзор подходов к идентификации социально-экономической структуры населения, обоснование нормативных стандартов покупательной способности населения по душевым денежным доходам (уровню жизни), сравнительная характеристика верификации групп по уровню жизни в нормативно-статистическом и относительном медианном подходах, дискуссия, заключение.

Колмаков И.Б. – построение рядов распределения населения по среднедушевым денежным доходам и распределения объема денежных доходов по среднедушевым денежным доходам, расчет значений нормативных и статистических границ и масштабов групп по уровню жизни.

AUTHORS DECLARED CONTRIBUTION:

Bobkov V.N. – the concept of the article, substantiation of normative and statistical standards of purchasing power of the population by per capita monetary income (standard of living), verification of groups by standard of living based on a normative and statistical approach, discussion, conclusion.

Odintsova E.V. – review of approaches to the identification of the socio-economic structure of the population, substantiation of normative standards of purchasing power of the population by per capita monetary income (standard of living), comparative characteristics of

verification of groups by standard of living in the normative statistical and relative median approaches, discussion, conclusion.

Kolmakov I.B. – the construction of a ranges of distribution of the population by per capita monetary income and distribution of monetary income by per capita monetary income, the calculation of the values of normative and statistical boundaries and the scale of groups by standard of living.

NORMATIVE-STATISTICAL AND RELATIVE MEDIAN APPROACHES TO THE STUDY OF POPULATION DIFFERENTIATION BY STANDARD OF LIVING

The paper is devoted to the problem of population differentiation by standard of living, which is considered in comparison of the results of applying two approaches to its identification. The author's theoretical and methodological "framework" for identifying the socio-economic structure of the Russian population by standard of living has been updated. The identification of purchasing power by per capita monetary income of socio-economic groups of the Russian population has been carried out in accordance with the author's normative statistical approach and an alternative relative median approach. Quantitative estimates of the scale of population groups identified on the basis of per capita monetary incomes and differing in the criteria of purchasing power are presented within the framework of two approaches. The results obtained are considered from the perspective of opportunities for updating social policy.

Keywords: *standard of living, socio-economic groups of the population, monetary incomes, purchasing power of the population, criteria boundaries for the standard of living, distribution indicators, social policy.*

JEL: E21, E64, I3.

В.Н. ВАСИЛЕНКО

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки
и техники Украины, профессор кафедры банковского дела
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики
и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

КОНФИГУРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В настоящее время становится востребованным пространственный подход, пронизывающий всю вертикаль разрабатываемых документов, направленных на реализацию государственной политики территориального развития. Пространственный подход предполагает исследование сосуществования и взаимодействия разноуровневых и одноуровневых объектов (элементов), формирующих экономическое пространство. В связи с этим возникает настоятельная потребность в выявлении особенностей методологии пространственного экономического анализа. В статье рассмотрены особенности формирования методологии пространственного экономического анализа, среди которых: логика построения схемы исследования, выявленные закономерности сосуществования и взаимодействия объектов, принципы формирования, системный подход к использованию пространственного экономического анализа, методы и способы проведения пространственного экономического анализа, информационная база пространственных данных, инструментальные приемы пространственного экономического анализа и т.п. Сделан вывод о том, что методология пространственного экономического анализа приобретает более завершённый вид и обеспечивает взаимосвязь между теоретическими и практическими компетентностями по применению пространственного подхода при разработке нормативных документов государственной политики территориального развития.

Ключевые слова: методология, экономическое пространство, пространственный подход, пространственный экономический анализ, государственная политика территориального развития.

УДК: 303.5.01, 332.143

EDN: TYVRPC

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_106_122

Введение

В настоящее время весьма активно при разработке и реализации государственной политики территориального развития используется пространственный подход. Так, на федеральном уровне принята «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»¹, для которой подготовлен План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года², а также Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года³ и План мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года⁴. Также следует учитывать наличие аналогичных документов на региональном и местном уровнях. Например, только в Ростовской области на текущий момент, создавая возможности «для обеспечения пространственного развития Российской Федерации в 2019 г. была разработана и принята Стратегия пространственного развития Ростовской области на период до 2025 года. Кроме того, в Ростовской области в Стратегии социально-экономического развития, принятой в 2018 г., отдельным разделом выделена политика пространственного развития региона» [1, с. 90–98], это не считая аналогичных документов на местном (муниципальном) уровне [2, с. 171–174]. Тем самым пространственный подход пронизывает всю вертикаль разрабатываемых документов, призванных обеспечивать реализацию государственной политики территориального развития, и обеспечивает условия для достижения перспектив развития территориальных образований.

Казалось бы, все хорошо, и пространственный подход к обеспечению развития как самого субъекта федерации, так и муниципальных образований (городских и муниципальных округов) становится важным элементом в повседневной работе органов государственной и муниципальной власти и органов управления. Но обращает на себя внимание такой

¹ Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

² Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 3227-р (ред. от 23 января 2023 г.) «Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (с изменениями и дополнениями)».

³ Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

⁴ Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 1166-р (ред. от 18 декабря 2020 г.) «О плане мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

аспект в разработке и обосновании указанных документов, как использование исходной статистической информации и интерпретация ее. В большинстве случаев использование и толкование статистических данных обеспечивается посредством стандартных процедур экономического анализа, без выделения в них каких-либо не только специальных (особенных) исходных данных, но и приемов пространственного экономического анализа. В связи с этим возникает настоятельная потребность в выявлении особенностей (специфики) как методологии пространственного экономического анализа, так и его методов (приемов), а также в формировании отдельного массива статистических данных, способствующих адекватному восприятию не только самого пространственного подхода, но и конечных результатов его применения.

В наши дни учеными и специалистами на практике широко применяются различные виды экономического анализа, где сам «экономический анализ можно охарактеризовать как совокупность приемов формирования и обработки информации об изучаемом объекте, позволяющих дать достоверную оценку его деятельности и выявить тенденции развития» [3, с. 7]. Вместе с тем «особенностью экономического анализа в современных условиях является существенное изменение его задач и функций, так как ... необходимо учитывать неравномерность динамики развития субъектов хозяйствования» [4, с. 9]. Собственно «перспективы развития экономического анализа определяются процессами, происходящими в реальном секторе экономики России и в мировом сообществе» [5, с. 8]. Что свидетельствует о непрерывном развитии как теории, так и практики использования отдельных элементов экономического анализа.

Установлено, что решающим условием применимости экономического анализа является то, что «теория, методология, методики, способы и приемы экономического анализа складывались постепенно, проходя сложные и противоречивые этапы развития. Когда функции экономического анализа были не такими весомыми, они рассматривались в рамках существовавших в то время дисциплин: балансоведение, статистика, экономика» [5, с. 2]. Как итог «методология экономического анализа, являющегося одним из важнейших прикладных направлений экономической науки, находится в непосредственной зависимости от уровня развития макро- и микроэкономики, форм собственности, полноты и качества информационного обеспечения» [6, с. 51]. При этом «методологической основой экономического анализа выступает совокупность методов, подходов, способов исследования экономических законов и категорий, процессов и явлений» [7, с. 32]. Следует заметить, что методология экономического анализа с течением времени, не только видоизменяется, но и дополняется новыми формами.

Важно подчеркнуть, что методология экономического анализа, хотя и проработана достаточно глубоко и всесторонне, тем не менее, исходя из логики выполнения любых экономических исследований, «отдельная концепция не в состоянии охватить и отразить экономическую реальность во всей полноте. Процесс познания многообразных противоречивых явлений экономики и общества основывается на принципе взаимной дополняемости методов, любая новая теория является продуктом интегративного взаимодействия ряда методов» [8, с. 39]. Поэтому на практике применяются многие виды экономического анализа, каждый из которых выбирается с учетом конкретной ситуации и в зависимости от преследуемых целей или решаемых задач. Достаточно полно отдельные виды экономического анализа, отличающиеся по определенным признакам, среди которых задекларирован и такой признак, как пространственный или признак масштаба, изложены в работе [9, с. 136–137].

Применительно к использованию пространственного признака в экономическом анализе приходится констатировать, что до настоящего времени не существует строгой системы построения методологии пространственного экономического анализа. Обусловлено это тем, что преобладает его понимание как составной части общей методологии экономического анализа. Тем не менее «развитие концепции пространственного анализа связано с обоснованием реорганизации регионального экономического пространства, что имеет важное значение для развития теории региональной экономики и пространственного развития страны» [10, с. 63], исходя из чего «пространственный анализ базируется на объединении теории и методологии пространственной экономики, экономической географии и региональной науки на позициях территориальной парадигмы» [10, с. 61].

При этом пространственный экономический анализ исходных данных, характеризующих экономическое пространство, представляет собой не что иное, как совокупность методов, приемов и операций, обеспечивающих поиск возможных тенденций, выявление отклонений или несоответствий в динамике интерпретации пространственных данных или проверку предположений и утверждений на основе этих данных.

Элементы методологии пространственного экономического анализа

Пространственный подход предполагает исследование сосуществования и взаимодействия разноуровневых и одноуровневых объектов (элементов), формирующих пространство (в том числе экономическое). По сути дела «методология пространственного подхода стала признаваться в качестве эффективного способа познания в самых раз-

личных науках» [11, с. 52]. Действенным механизмом реализации пространственного подхода в экономике становится ее пространственный экономический анализ. При этом практически сама методология пространственного экономического анализа тесно переплетается с методологией пространственного подхода. Представляется, что отличительными особенностями конфигурации методологии пространственного экономического анализа в экономике могут выступать: логика построения схемы исследования, выявленные закономерности сосуществования и взаимодействия объектов, принципы формирования, системный подход к использованию пространственного экономического анализа, методы и способы проведения пространственного экономического анализа, информационная база пространственных данных, инструментальные приемы пространственного экономического анализа и т. п.

Логика построения схемы исследования экономического пространства должна обеспечиваться таким построением структуры научного знания, чтобы «при наполнении его определенным содержанием не возникали логические противоречия» [12, с. 20]. При этом основными параметрами исследования будут выступать цели, задачи, методы, результаты и выводы, на основании оценки которых будут обеспечиваться определенность, тождественность, строгость и однозначность понимания как сути экономического пространства, так и решения возможных проблем в его развитии. Можно полагать, что достигаться такое состояние будет при помощи познания экономического пространства с помощью оценки отдельных качеств, позволяющих в цифровом отображении (или формализованном виде) визуализировать его как объект исследования. Цифровое отображение исследования отдельных сторон экономического пространства позволяет: а) уточнять и прояснять смысл анализируемого содержания; б) обнаруживать подразумеваемое содержание в некоторых научных контекстах; в) выяснять формальную структуру анализируемого; г) выявлять существенное, релевантное для решаемой познавательной задачи; д) обеспечивать сведение сложного к более простому, сложных построений – к их упрощенным логико-математическим моделям; е) вносить некоторую строгость в содержательные научные фрагменты и построения» [13, с. 6].

Именно цифровое отображение и формализация позволяют упорядочить научный аппарат относительно получения возможных результатов оценивания экономического пространства с применением пространственного экономического анализа. Особенно в свете утверждения о том, что «целый ряд проблем до сих пор не получил однозначного решения: до конца не обозначены концептуальные основы пространственной экономики, не разработаны механизмы экономических преобразований, базирующиеся на пространственных

трансформациях, что (в совокупности с постоянным обновлением тенденций и угроз развитию экономики) обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования теории экономического пространства как в части углубления уже наметившихся идей, так и с точки зрения постановки новых вопросов и активизации новых методологических подходов (в том числе основанных на использовании наработок междисциплинарных исследований)» [14, с. 638].

Важным элементом конфигурации методологии пространственного экономического анализа является *выявление закономерностей* сосуществования и взаимодействия объектов, формирующих экономическое пространство. Если исходить из утверждения, что «экономическим пространством является ...некоторая форма организации и позиционирования материальных объектов или элементов производительных сил, проявляющаяся в порядке их вовлечения и взаимодействия в общественном производстве и в обеспечении закономерностей движения во времени» [15, с. 76], тогда его основными элементами выступают: территория, население, хозяйство (экономика), хозяйственные (экономические) связи. Именно между этими элементами экономического пространства необходимо находить закономерности сосуществования и взаимодействия.

Выявление таких закономерностей позволяет обнаруживать схожие признаки и черты в развитии и сопряжении элементов экономического пространства, по отношению к которым может применяться пространственный экономический анализ. «Экономическому пространству присущи специфические закономерности, характерные только ему» [16]. Можно предположить, что такими закономерностями сосуществования и взаимодействия объектов, формирующих пространственный экономический анализ, могут служить:

- придание упорядоченности размещения элементов (проявляющееся в равномерном или неравномерном их расположении на конкретной территории);
- сохранение целостности экономического пространства (проявляющееся в беспрепятственном перемещении элементов производительных сил на данной территории);
- наличие качественной определенности экономического пространства (проявляющейся в сохранении основных его характеристик и свойств как в динамике, так и в статике);
- усложнение связей и отношений между элементами (проявляющихся в интеграционных процессах и дальнейшей структуризации экономического пространства);
- возникновение деградации при ограничении имеющихся ресурсов или невозможности их эффективно использовать (проявляющейся в потере организованности и управления).

Названные закономерности проявляются в качестве результата сопряжения всех элементов экономического пространства между собой. В качестве показателей, посредством которых могут выделяться специфические закономерности сосуществования и взаимодействия, могут использоваться: а) между территорией и населением – уровень освоенности территории (или степень ее использования в хозяйственной деятельности человека, наличие там населенных пунктов, дорог), уровень плотности проживающего на данной территории населения, а также производные от этих показателей; б) между территорией и хозяйством (экономикой) – уровень промышленной освоенности территории (или уровень фондооснащенности промышленности), уровень плотности валовой добавленной стоимости (или уровень плотности валового регионального продукта), а также производные от этих показателей; в) между территорией и хозяйственными (экономическими) связями – уровень плотности железных и автомобильных дорог, уровень грузооборота железного и автомобильного транспорта, а также производные от этих показателей; г) между населением и хозяйством (экономикой) – отраслевая структура по численности занятых, уровень трудоемкости произведенной продукции, уровень производительности труда, а также производные от этих показателей; д) населением и хозяйственными (экономическими) связями – эффективность структурной трансформации экономики на данной территории, уровень производственной специализации и кооперации, а также производные от этих показателей; е) хозяйством (экономикой) и хозяйственными (экономическими) связями – уровень эффективности хозяйства (экономики) на данной территории, коэффициент (соотношение) производимой и потребляемой продукции на данной территории, а также производные от этих показателей. Закономерности сосуществования и взаимодействия объектов, формирующих экономическое пространство, должны выявляться посредством оценки динамики (выявления тренда) названных показателей за определенный период времени (желательно не менее пяти лет).

Следующим элементом конфигурации методологии пространственного экономического анализа можно назвать *принципы* его формирования. Принято считать, что «в основе теорий эффективного формирования систем экономического пространства лежат базисные свойства форм территориального расселения и размещения производства: различных сельских и городских поселений, агломераций, территориально-производственных комплексов, транспортных и промышленных узлов» [17, с. 26]. В этой связи особенные (специфические) принципы формирования пространственного экономического анализа могут быть обозначены следующим образом:

- относительно освоенности территории: соблюдение принципов разделения общественного труда – территориального [18] и отраслевого [19];
- относительно населенности территории: соблюдение принципа наличия и сохранения благоприятных природно-климатических условий для совместного проживания [20];
- относительно функционирования хозяйства (экономики): соблюдение принципа сохранения энергии [21], преодоление неравномерности экономического роста (возникновение ядра и периферии в экономике) [22];
- относительно хозяйственных (экономических) связей и отношений: соблюдение принципа единства экономического пространства [23].

Не менее важным элементом конфигурации методологии пространственного экономического анализа выступает *системный подход*. Дело в том, что научный подход к пониманию того, что «в основе новой системной методологии лежит системная парадигма – концепция видения объекта и предмета исследований, согласно которой социально-экономическое пространство рассматривается как единая система, заключающая в себе множество относительно самостоятельных подсистем, состав и структура которых определяется в соответствии с позицией наблюдателя или группы наблюдателей» [24], предполагает необходимость использования собственного системного подхода при исследовании особенностей формирования пространственного экономического анализа. Следует заметить, что в современных условиях «циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла – В.В.) накладывает отличительные, специфические черты, обуславливающие особенности развития регионального пространства» [25, с. 589], учитывать которые необходимо при выборе приоритетов и разработке соответствующих нормативных документов. Представляется, что системный подход к формированию пространственного экономического анализа должен в полной мере соответствовать не только сущности экономического пространства и обеспечиваться наличием некоторой определенности при его формировании, но и обеспечивать соблюдение следующей логической схемы его исследования: *структура = основные свойства = признаки = черты = мера*.

Предлагаемый системный подход к формированию пространственного экономического анализа в полной мере направлен на выявление особенностей, характеризующих, во-первых, что по своей структуре экономическое пространство состоит из некоторой совокупности материальных объектов или элементов производительных сил, которая (совокупность) не носит застывшего характера, а непрерывно видоизменяется; во-вторых, что в качестве основного свойства

экономического пространства проявляется установление определенного порядка, направленного на сохранение характера вовлечения материальных объектов или элементов производительных сил в общественное производство на протяжении достаточно продолжительного периода времени; в-третьих, что в качестве признака выступает некоторая форма координации (организации) материальных объектов или элементов производительных сил, учитывающая сложившиеся результаты территориальной и отраслевой специализации соответствующего хозяйственного комплекса; в-четвертых, что в качестве основной черты становится соблюдение закономерностей перемещения (развития) территориального хозяйственного комплекса во времени; в-пятых, что в качестве меры экономического пространства или его отдельных составляющих могут использоваться количественная и качественная его определенность, выражаемые посредством использования отдельных показателей (индикаторов), характеризующих соответствующие процессы и тенденции их протекания.

Благодаря этому будет обеспечиваться и исполняться системный подход и к пространственному экономическому анализу, так как предлагаемая последовательность может касаться в равной степени оценивания как всего экономического пространства, так и отдельных его элементов. Для этого должны использоваться соответствующие показатели (индикаторы).

Инструментарий пространственного экономического анализа

Учитывая положение вещей, что экономическое пространство представляет собой достаточно сложную форму взаимодействия природных и искусственных объектов, можно полагать, что и методы пространственного экономического анализа отдельных его параметров могут быть весьма разнообразными. Каждый из методов пространственного экономического анализа должен предполагать оценивание собственных, присущих только конкретному параметру, характеристик. Среди *методов проведения пространственного экономического анализа* можно выделить такие: пространственный системный экономический анализ, пространственный факторный экономический анализ, пространственный сравнительный экономический анализ, отличающиеся между собой не только целями, но и приемами оценивания происходящих изменений в формах экономического пространства.

Наиболее действенным методом пространственного экономического анализа можно считать его *пространственный системный экономический анализ*, который касается не только описания в целом экономического пространства с позиции существующей теории, но и коли-

качественного и количественного оценивания всех характеристик с точки зрения практических изменений его формы (структуры). Инструментарий системного анализа экономического пространства обеспечивает такое его исследование, при котором учитывается широкий перечень взаимосвязанных факторов, влияющих на особенности его состояния или изменения. При этом конечный результат применения системного анализа в пространственном измерении будет достигаться за счет учета количественных и качественных оценок сосуществования и взаимодействия объектов, формирующих экономическое пространство. Собственно, основываясь на этом, на практике будет реализовываться рассмотренная выше логическая схема соответствия и обеспечения задаваемой определенности при формировании экономического пространства.

Следующим методом пространственного экономического анализа выступает *пространственный факторный экономический анализ*, который позволяет отслеживать влияние отдельных факторов, влияющих на фактическое состояние и характер изменения экономического пространства. Пространственный факторный экономический анализ, основанный на изучении внутренних связей между отдельными его элементами, предоставляет возможность сформировать целостный образ состояния экономического пространства без большого количества данных. Можно полагать, что знание особенностей исследуемого объекта, выявление закономерностей его развития, оценка качественных характеристик отдельных факторов, способствуют объективному восприятию экономического пространства как научного феномена. Достигнутая таким образом аргументированная оценка позволяет получать развернутую, визуализированную картину состояния и изменения экономического пространства.

Еще одним методом пространственного экономического анализа является *пространственный сравнительный экономический анализ*, позволяющий в ходе исследования фактического состояния экономического пространства получать данные, характеризующие сходства и различия в одноуровневых объектах. Особенностью данного вида пространственного экономического анализа является его систематический характер и наглядность его результатов, получаемых посредством сопоставимости оценок нового состояния объекта со старым, или нескольких пространственных объектов.

Не менее важным элементом общей конфигурации методологии пространственного экономического анализа является *формирование информационной базы* пространственных данных, характеризующих экономическое пространство с разных сторон. Формирование информационной базы пространственных данных является важным этапом в обеспечении реализации пространственного подхода посредством

применения пространственного экономического анализа. Что собой могут и должны представлять пространственные данные в пространственном экономическом анализе? Дело в том, что «термин «пространственные данные» широко используется при синтезе геопространственной информации, данных о местоположении или фактических наборах пространственных данных, таких как информация ГИС. «С помощью пространственных данных мы можем создавать изображения, которые дают нам представление об окружающем мире – его плотности населения, природных ресурсах и землепользовании» [26, с. 84]. В данном случае речь идет о географических (физических) объектах и способах их визуализации: о координатах и атрибутивных характеристиках, о смысловом содержании таких объектов.

Однако для экономического пространства, этого не вполне достаточно. Сопряжено это с тем, что под экономическим пространством понимается «некоторая форма организации и позиционирования материальных объектов или элементов производительных сил, проявляющаяся в порядке их вовлечения и взаимодействия в общественном производстве и в обеспечении закономерностей движения во времени» [15, с. 76]. Поэтому понимания существа пространственных данных, заимствованного из географии, из географических информационных систем (ГИС) применительно к экономическому пространству, не достаточно. Необходим более тщательный отбор специальных статистических показателей, в полной мере обеспечивающих всестороннюю характеристику как отдельным элементам, так и всему экономическому пространству в целом.

Представляется, что основой формирования информационной базы, включающей в себя систему показателей (индикаторов), предназначенных для пространственного экономического анализа, могут быть:

- общность оценки, которая предполагает не тождественность, а определенную дифференциацию показателей, обусловленную наличием разных целей;
- определенная преемственность, при помощи которой обеспечивается выбор перспективных и текущих целей;
- единство и сравнимость показателей (индикаторов);
- комплексный характер – обуславливает рассмотрение каждого из них во взаимосвязи и взаимозависимости.

Среди *основных показателей, используемых в качестве информационной базы пространственного экономического анализа*, можно выделить некоторые из них:

- коэффициент локализации производства отдельной отрасли на территории региона;
- индекс человеческого потенциала;
- коэффициент транспортной освоенности–обеспеченности;

- коэффициент асимметрии;
- индекс относительной конвергенции;
- интегральные темпы развития экономического пространства;
- индекс территориального размещения;
- коэффициент равномерности (неравномерности) распределения экономической деятельности по территории;
- коэффициент освоенности территории;
- индекс соотношения ввоза и вывоза продукции и др.

Названные показатели можно охарактеризовать как разноплановые, призванные обеспечивать пространственный подход в практическом исследовании экономического пространства.

В качестве особенностей пространственного экономического анализа можно выделить два обстоятельства: с одной стороны, присутствует горизонтальная обусловленность (когда свойства одних объектов связаны с положением других объектов в пространстве); с другой стороны, присутствует вертикальная обусловленность (когда свойства объекта зависят от его положения в пространстве). В качестве *инструментальных приемов* пространственного экономического анализа могут использоваться приемы анализа временных рядов (т. н. горизонтальный анализ) и приемы структурного анализа (т. н. вертикальный анализ).

Под анализом временных рядов понимается отслеживание динамики путем сравнения одних и тех же показателей в разные периоды. Мерой (мерилом) оценивания показателей (индикаторов) при применении приемов анализа временных рядов, которые могут использоваться для проведения пространственного анализа, можно назвать индексы, коэффициенты, тренды (динамику). Так, индексы представляют собой относительные показатели, характеризующие соотношения экономических явлений во времени и пространстве; коэффициенты – определяют относительные показатели интенсивности протекания экономического процесса; тренды – отражают направления или тенденции в изменении динамики экономических данных. Результаты анализа временных рядов позволяют отслеживать тенденции и закономерности во взаимодействии отдельных элементов экономического пространства между собой.

В свою очередь под структурным анализом понимается определение влияния изменения структуры показателей на состояние объекта на определенное время. Мерой (мерилом) оценивания показателей (индикаторов) при применении приемов структурного анализа, которые могут использоваться для проведения пространственного анализа, можно назвать удельные веса, доли, пропорции. Так, удельные веса и доли представляют собой количественные соотношения части и целого или долю отдельного элемента в экономическом пространстве; пропорции – количественные соотношения отдельных частей в преде-

лах всего экономического пространства. Результаты структурного анализа упрощают понимание взаимосвязи между отдельными элементами экономического пространства.

Заключение

Таким образом, в настоящее время одним из драйверов реализации государственной политики территориального развития становится пространственный подход, активно применяемый при разработке федеральных, региональных и местных нормативных документов: стратегий, программ, планов и т. п. Становится все более очевидным, что эффективное использование пространственного подхода во многом начинает зависеть от методического обеспечения сбора, систематизации, обработки и интерпретации исходной статистической информации, а также от того, насколько такая информация отвечает сути и назначению пространственного подхода. Выборочное применение различных видов и методов экономического анализа при формировании информационной базы, обеспечивающей научно обоснованный характер при разработке нормативных документов, направленных на реализацию государственной политики территориального развития, не способствует адекватному восприятию самого пространственного подхода. Очень часто упрощенный подход к использованию методов экономического анализа не отвечает заявленным целям и не способствует успешному решению поставленных задач в пространственном развитии отдельных административно-территориальных образований.

В этой связи возникает насущная потребность в более глубокой проработке методологии пространственного экономического анализа, призванного повысить эффективность применения пространственного подхода. Результаты выполненного исследования позволяют утверждать, что:

- особенностями методологии пространственного экономического анализа могут выступать: логика построения схемы исследования, выявленные закономерности сосуществования и взаимодействия объектов, принципы формирования, системный подход к использованию пространственного анализа, методы и способы проведения пространственного анализа, информационная база пространственных данных, инструментальные приемы пространственного анализа и т. п.;
- особенностью отбора специальных статистических показателей, характеризующих как отдельные элементы, так и все экономическое пространство в целом, является необходимость объективного оценивания сопряжения всех элементов экономического пространства между собой;

– особенностями практического применения пространственного экономического анализа можно назвать два обстоятельства: с одной стороны, наличие горизонтальной обусловленности (когда свойства одних объектов связаны с положением других объектов в пространстве); с другой стороны, присутствие вертикальной обусловленности (когда свойства объекта зависят от его положения в пространстве).

Тем самым методология пространственного экономического анализа приобретает более завершённый вид и призвана обеспечивать взаимосвязь между теоретическими и практическими компетентностями по применению пространственного подхода при разработке нормативных документов, направленных на реализацию государственной политики территориального развития.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Хаванский А.Д., Латун В.В., Бессмертный И.В.* Комплексная оценка пространственного развития Ростовской области // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2022. № 4–2 (216–2). С. 90–98. [Khovansky A.D., Latun V.V., Bessmertny I.V. Comprehensive assessment of the spatial development of the Rostov region // Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Series: Natural Sciences. 2022. No. 4–2 (216–2). Pp. 90–98. (In Russ.)] DOI: 10.18522/1026-2237-2022-4-2-90-98.
2. *Василенко Д.В.* Стратегические приоритеты территориального развития: от поиска до воплощения: моногр. / Д.В. Василенко. М.: Буки Веди, 2019. [Vasilenko D.V. Strategic priorities of territorial development: from search to implementation: monograph / D.V. Vasilenko. Moscow: Buki Vedi, 2019. (In Russ.)]
3. *Экономический анализ деятельности промышленных предприятий и объединений: справоч.* / П.С. Данилов, В.Г. Лебедев, Ф.К. Маркелов и др. М.: Мысль, 1980. [Economic analysis of the activities of industrial enterprises and associations: guide / P.S. Danilov, V.G. Lebedev, F.K. Markelov et al. Moscow; Mysl, 1980. (In Russ.)]
4. *Ендовицкий Д.А., Любушин Н.П., Бабичева Н.Э.* Диалектика теоретико-методологических основ экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 20 (419). С. 2–15. [Endovitsky D.A., Lyubushin N.P., Babicheva N.E. Dialectics of theoretical and methodological foundations of economic analysis // Economic analysis: theory and practice. 2015. No. 20 (419). Pp. 2–15. (In Russ.)]
5. *Климова Н. В.* Экономический анализ: история и перспективы развития // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 23. С. 2–8. [Klimova N.V. Economic analysis: history and prospects of development // Economic analysis: theory and practice. 2009. No. 23. Pp. 2–8. (In Russ.)]
6. *Пласкова Н.С.* Развитие методологии экономического анализа // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 1. С. 50–57. [Plaskova N.S. Development of methodology of economic analysis // Accounting. Analysis. Audit. 2016. No. 1. Pp. 50–57. (In Russ.)] DOI: 10.26794/2408-9303-2016-1-5057.

7. Корогодин И.Т. Методология, методы и принципы анализа экономических законов и категорий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 2. С. 32–41. [Korogodin I.T. Methodology, methods and principles of analysis of economic laws and categories // Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2005. No. 2. Pp. 32–41. (In Russ.).]
8. Митяева Н.В. Специфика методологии анализа развития экономических систем // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2009. № 5. С. 39–42. [Mityaeva N.V. The specifics of the methodology for analyzing the development of economic systems // Industry: economics, management, technology. 2009. No. 5. Pp. 39–42. (In Russ.).]
9. Стеченко Д.Н., Чмырь Е.С. Методология научных исследований: моногр. / Д.Н. Стеченко, Е.С. Чмырь. К.: Знание, 2007. [Stechenko D.N., Chmyr E.S. Methodology of scientific research: monograph / D.N. Stechenko, E.S. Chmyr. K.: Znanie, 2007. (In Russ.).]
10. Макарь С.В. Пространственный анализ: развитие концепции и возможностей применения // Вестник финансового университета. 2012. № 2. С. 61–72. [Makar S.V. Spatial analysis: the development of concepts and application possibilities // Bulletin of the Financial University. 2012. No. 2. Pp. 61–72. (In Russ.).]
11. Берестова Т.Ф., Михайлова А.В. Методология пространственного подхода в библиотекведении: распространенность и специфичность применения // Библиосфера. 2017. № 4. С. 51–61. [Berestova T.F., Mikhailova A.V. Methodology of spatial approach in library science: prevalence and specificity of application // Bibliosphere. 2017. No. 4. Pp. 51–61. (In Russ.).] DOI: 1020913/1815-3186-20174-51-61.
12. Логические методы и формы научного познания: моногр. / В.Т. Павлов, К.Ф. Руденко, И.С. Семенов и др. К.: Высшая школа, 1984. [Logical methods and forms of scientific cognition: monograph / V.T. Pavlov, K.F. Rudenko, I.S. Semenov and others. K.: Higher School, 1984. (In Russ.).]
13. Логика научного познания. Актуальные проблемы: моногр. / Отв. ред. д.ф.н. Д.П. Горский. М.: Наука, 1987. [The logic of scientific knowledge. Actual problems: monograph / Ed. by D.F.N. D.P. Gorsky, Moscow: Nauka Publ., 1987. (In Russ.).]
14. Суворова А.В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 3. С. 629–642. [Suvorova A.V. Theoretical foundations of economic space research: the evolution of approaches // Journal of Economic Theory. 2020. Vol. 17. No. 3. Pp. 629–642. (In Russ.).] DOI: 10.31063/2073-6517/2020-17-3.9.
15. Василенко В.Н. Многомерность параметров региона: территории, системы, пространства: моногр. / В.Н. Василенко. Дружковка: Юго-Восток, 2016. [Vasilenko V.N. The multidimensionality of the parameters of the region: territories, systems, spaces: monograph / V.N. Vasilenko. Druzhkovka: South-East, 2016. (In Russ.).]
16. Урунов А.А. Основные категории теории экономического пространства // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2017. № 11. Alley-science.ru]. https://alley-science.ru/domains_data/files/July7pdf [Urunov A.A. The main categories of the theory of economic space // Scientific and practical electronic journal Alley of Science. 2017. No. 11. Alley-science.ru]. [electronic resource]. Access mode: https://alley-science.ru/domains_data/files/July7pdf. (In Russ.).]

17. Гетманцев К.В. Экономическое пространство: проблемы формирования и развития: моногр. / К.В. Гетманцев. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2021. [Getmantsev K.V. Economic space: problems of formation and development: monograph / K.V. Getmantsev. Cheboksary: Publishing house «Wednesday», 2021. (In Russ.).] DOI: 10.31483/a-10329.
18. Бочкова Е. В. Концептуальные основы и экономическая сущность территориального разделения труда // Вестник КрасГАУ. 2014. № 7. С. 8–12. [Bochkova E.V. Conceptual foundations and economic essence of territorial division of labor // Bulletin of KrasSAU. 2014. No. 7. Pp. 8–12. (In Russ.).]
19. Фенин К.В. Интерпретация классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. № 2. С. 148–156. [Fenin K.V. Interpretation of classical theories of territorial-sectoral division of labor and international trade // Izv. Sarath. University of Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right. 2017. No. 2. Pp. 148–156. (In Russ.).] DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-148-156.
20. Васильев С.А. Среда территориального общественного проживания и ее структурирование. // Теория и практика государственного и муниципального управления: Сборник научных трудов. Вып. 4. Тюмень: РИО ТюмГАСУ. 2010. С. 123–129. [Vasiliev S.A. The environment of territorial public residence and its structuring. // Theory and practice of state and municipal management: Collection of scientific papers. Issue 4. Tyumen: RIO TyumSUAC. 2010. Pp. 123–129. (In Russ.).]
21. Бабанов В.Н. Универсальные принципы хозяйствования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 4–1. С. 253–263. [Babanov V.N. Universal principles of management // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2016. No. 4–1. Pp. 253–263. (In Russ.).]
22. Бабурин В.Л., Горячко М.Д., Демидова К.В., Макушин М.А. Ядро-периферийная модель размещения промышленности: мир и Россия // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2023. № 4. С. 3–17. [Baburin V.L., Goryachko M.D., Demidova K.V., Makushin M.A. Core-peripheral model of industrial location: the world and Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 5. Geography. 2023. No. 4. Pp. 3–17. (In Russ.).] DOI: 10.55959/MSU0579-9414-5.78.4.1.
23. Брызгунова О.В., Живодрова Н.А. Принципы регулирования экономических отношений в современном конституционном праве // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2011. № 3 (23). С. 41–52. [Bryzgunova O.V., Zhivodrova N.A. Principles of regulation of economic relations in modern constitutional law // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2011. No. 3 (23). Pp. 41–52. (In Russ.).]
24. Клейнер Г.Б. Системная парадигма в экономических исследованиях: новый подход // Цивилизация знаний: российские реалии. Труды Восьмой научной конференции, Москва (20–21 апреля 2007 г.) М.: РосНОУ. 2007. С. 453–457. [Kleiner G.B. The systemic paradigm in economic research: a new approach // Civilization of knowledge: Russian realities. Proceedings of the Eighth Scientific Conference Moscow (April 20–21, 2007) Moscow: ROSNOU. 2007. Pp. 453–457. (In Russ.).]
25. Гурьева М.А. Специфические особенности развития пространства с позиции циркулярной экономики // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 3. С. 587–602. [Guryeva M.A. Specific features of space development from the perspective

- of circular economy // Economic relations. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 587–602. (In Russ.)] DOI: 10.18334/eo.10.3.110530.
26. *Кравченко В.Г.* Содержание и значение, роль пространственных данных // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2023. № 1. С. 84–89. [*Kravchenko V.G.* The content and meaning, the role of spatial data // International Journal of Applied Sciences and Technologies “Integral”. 2023. No. 1. Pp. 84–89. (In Russ.)] DOI: 10.55186/27131424-2023-5-1-2.

Дата поступления рукописи: 29.04.2025 г.

Дата принятия к публикации: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Василенко Валерий Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры банковского дела ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», Донецк, Россия

ORCID: 0000-0002-6284-8125

bulava1953@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valeriy N. Vasilenko – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Professor of the Department of Banking, Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia

ORCID: 0000-0002-6284-8125

bulava1953@mail.ru

CONFIGURATION OF THE METHODOLOGY OF SPATIAL ECONOMIC ANALYSIS

Currently, a spatial approach is becoming in demand, permeating the entire vertical of documents being developed aimed at implementing the state policy of territorial development. The spatial approach involves the study of the coexistence and interaction of multilevel and single-level objects (elements) forming the economic space. In this regard, there is an urgent need to identify the features of the methodology of spatial economic analysis. The article discusses the features of the formation of the methodology for spatial economic analysis, including: the logic of constructing a research scheme, the identified patterns of coexistence and interaction of objects, the principles of formation, a systematic approach to the use of spatial economic analysis, methods and ways of conducting spatial economic analysis, spatial data information base, instrumental techniques of spatial economic analysis, etc. It is concluded that the methodology of spatial economic analysis acquires a more complete form and provides a relationship between theoretical and practical competencies in the application of the spatial approach in the development of normative documents of the state policy of territorial development.

Keywords: *methodology, economic space, spatial approach, spatial economic analysis, state policy of territorial development.*

JEL: B49, R10, R12, R19.

ФИНАНСЫ

Д.А. ДИНЕЦ

доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит»
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ РЕШЕНИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье представлен обзор теоретических подходов и обоснований применения платформенных решений в децентрализованных и централизованных финансах. Теоретический обзор позволил выявить те характерные черты финансовых платформ, которые на данном историческом этапе развития могут быть использованы для преодоления структурных дисбалансов российской экономики и обеспечения промышленных кластеров финансовыми ресурсами, необходимыми для наращивания конкурентного потенциала. В результате предложен авторский подход к построению архитектуры финансовой платформы – поставщика ресурсов для реализации первоочередных проектов структурной трансформации российской экономики.

Ключевые слова: *финансовые платформы, токенизация реальных активов, промышленные кластеры, финансовая политика.*

УДК: 336.114

EDN: UEIEBW

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_123_147

Введение

Потенциал применения цифровых технологий не ограничивается коммерческими целями и усилением платежно-расчетной инфраструктуры, в том числе трансграничной. Сегодняшнее состояние финансовой системы страны с крайне низкой эффективностью бюджетных расходов и неработоспособными каналами трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики порождает потребность в обосновании принципиально новых механизмов совершения рыночных трансакций для решения задач структурной модернизации российской экономики в условиях как санкционного давления, так и давно назревшей необ-

ходимости расширения промышленных кластеров, составляющих ее базис. Промышленные кластеры могут стать инструментом обеспечения технологического суверенитета в связи с географической обусловленностью региональной специализации отраслей российской промышленности, а формирование кластера на базе уже имеющейся инфраструктуры и трудового потенциала различных регионов позволит несколько удешевить решение актуальнейших проблем развития и диверсификации отраслей промышленности. Развитие в стране особых экономических зон, наукоградов и акселераторов – начальные элементы процесса интенсивного развития национальной промышленности, но так называемая «география успеха»¹ предъявляет определенные требования к обеспечению процесса индустриализации материальными ресурсами, трудом и капиталом, логистическими цепочками и рынками сбыта. В этом контексте реализация кластерного подхода представляется наиболее подходящим инструментом обеспечения технологического суверенитета и впоследствии может стать эффективным стимулом развития инфраструктуры для связи кластеров между собой и с рынками сбыта.

Вопрос касается и результативности внешнеэкономической деятельности: при высокой степени вовлеченности национальной экономики в систему международных отношений (в частности, по показателю внешнеторгового оборота Россия постепенно восстанавливает объемы операций, несмотря на существенное изменение их структуры²) и зависимости от качества такого взаимодействия возникает проблема ужесточения антиофшорного регулирования при позитивном участии различных стран в осуществлении расчетов с российскими партнерами без повышения риска вторичных санкций.

В этом контексте важным свойством платформ является возможность индивидуального установления цен для каждой конкретной сделки, а также техническая возможность взаимодействия с различными платежными системами [1], в том числе не привязанными к корреспондентским отношениям банков. Вовлечение государственных финансов в систему платформенных финансовых отношений с применением децентрализованных механизмов может привести к росту адресности инвестиционной политики и возможности включения в смарт-контракт³ реальных показателей результативности конкрет-

¹ Зейхан П. Конец мира – это только начало: Экономика после краха глобализации. М.: Альпина Паблишер, 2024.

² <https://www.interfax.ru/business/1010906> (дата обращения: 05.03.2025).

³ Смарт-контракт – это договор, составленный на языке программирования и содержащий автоматически встроенные инструменты контроля выполнения сторонами условий контракта, иными словами, за счет встроенного алгоритма возможность перечисления оплаты (чаще всего в криптовалюте) возникает только при условии полного выполнения условий договора.

ного инвестиционного акта, а также обеспечить механизм возврата средств при недостижении указанных параметров.

Направления глобальной ликвидности определяются пулами кредитных денег, причем ликвидность внутри пула намного выше, нежели за ее пределами. Речь о двух системообразующих способах организации движения денежных потоков: темные пулы ликвидности⁴ на рынках денег и внутригрупповая ликвидность крупных холдинговых структур. Ценообразование в рамках этих экономических отношений подчиняется целям обеспечения надежности структур и мало зависит как от внешних по отношению к ним рыночных факторов, так и от позиций регуляторов и надзорных органов. Это создает и определенные риски взаимодействия ввиду колоссальной разницы потенциалов влияния на рынок у отдельных рыночных агентов и у подобного рода устойчивых структур, но, с другой стороны, использование потенциала подобных моделей для обеспечения внутренних целей и задач развития российской экономики – это более экономически рациональный путь развития, нежели фрагментарный обход антироссийских санкций и поиск ситуативных геополитических единомышленников.

Также необходимо отметить повысившийся инфляционный потенциал глобальной экономики. Рост инфляции во многом сегодня определяется позицией рынка конкретного товара (услуги, актива) по отношению к другим рынкам, а также уровнями ликвидности и емкости указанных рынков. Иными словами, рынок полупроводников имеет более высокую ликвидность, нежели рынок электроники, производимой китайскими фирмами под своим брендом. По этой причине китайская сторона подстраивается как под цены производителей полупроводников, так и под ценовые запросы покупателей, тогда как цены более ликвидных Apple и Samsung определяются эффективностью маркетинга компаний.

Важный аспект возможной позитивной роли цифровых технологий в финансовой сфере – это универсальность предполагаемых к широкому внедрению технологий, которые при адекватной имплементации в финансовый сектор позволят сократить степень зависимости национальных экономик от роста глобальной долговой нагрузки за счет сокращения степени фрагментарности мировой экономики и устранения наиболее существенных ее дисбалансов⁵.

⁴ Темный пул ликвидности – это способ организации торговли финансовыми инструментами внутри крупного фонда без раскрытия информации о его структуре и результатах совершения операций. На сегодняшний день, по различным оценкам, на рынке облигаций превалируют операции в темных пулах ликвидности.

⁵ Decentralized Finance (DeFi): opportunities, challenges and policy implications. https://www.eurofi.net/wp-content/uploads/2022/05/eurofi_decentralized-finance-defi_opportunities-challenges-and-policy-implications_paris_february-2022.pdf (дата обращения: 05.03.2025)

Подходы к применению платформ в организации финансовых отношений

Распространено мнение о цифровой трансформации как источнике дополнительной ценности для клиентов финансовых организаций и о положительном эффекте от снижения затрат и привлечения новых клиентов для финансовых организаций, в первую очередь банков [1]. В этом контексте финансовая трансформация часто выступает самоцелью – «трансформация ради трансформации», что затрудняет установление четких ориентиров и показателей результативности для отраслевой промышленности и сферы услуг, а не только для финансового сектора. Отдельного внимания заслуживает роль платформ и цифровых технологий в развитии финансового рынка с технологической и инфраструктурной точек зрения. Структура эмитентов на российском финансовом рынке крайне полярна – это в большинстве своем крупные окологосударственные экспортно ориентированные организации с доступом к государственным расходам и ресурсам институтов развития, либо так называемые технологические компании, которые на поверку занимаются организацией розничной торговли. При такой слабой финансовой защите розничных инвесторов возникают проблемы совершенно иного характера, нежели высокие транзакционные издержки. Рынок неликвиден по своему фундаментальному характеру, а цифровые технологии не в состоянии оказать реальное позитивное влияние на спреды и повысить адресность финансирования с позиции выполнения задач структурной трансформации экономики.

Финансовые цифровые технологии признаются учеными эффективным и малозатратным инструментом оценки и управления рисками [3]. Замена традиционного скоринга роботизированными процедурами категоризации клиентов и продуктов приводит к сокращению затрат на персонал, занятый оценкой индивидуальных рисков, а также снижает портфельный риск за счет использования огромных массивов данных и паттернов для принятия решений. Стандартизация и унификация процедур оценки рисков, интеграция баз данных направлены на сокращение влияния «человеческого фактора» на совокупный кредитный риск портфеля. При этом ошибки алгоритмов не исключаются, и зачастую задачи, поставленные перед искусственным интеллектом, могут содержать в себе заведомо ложные предпосылки, что фактически может привести к необходимости использования «серых схем» привлечения ликвидности теми агентами рынка, которые фактически не вписываются в традиционные заданные алгоритмом показатели кредитоспособности. Ситуация усугубляется использованием big data в цифровом маркетинге: индивидуальное ценообразование финансовых услуг в зависимости от условных поведенческих паттер-

нов приводит к общему росту транзакционных издержек в системе, сокращая ее финансовый потенциал.

Цифровизацию часто связывают с сервисами, основанными на данных. Сама формулировка может вызывать вопросы, поскольку фактически весь финансовый сектор базируется на информации, и в зависимости от уровня ее асимметрии и степени рыночной информационной эффективности формируются рыночные цены на финансовые активы и продукты. Однако в условиях применения больших данных и искусственного интеллекта в цифровом маркетинге ценообразование становится индивидуальным, спрос и предложение фрагментируются, а каждая рыночная сделка совершается по своей цене. Это признаки потери рыночной ликвидности финансовым сектором, а также снижением информационной функции ценообразования на финансовые услуги.

Цена ошибки возрастает при массовом использовании так называемых «мягких данных» [2] – неколичественной информации о поведении контрагента, попадающей в сильную зависимость от контекста, а следовательно, подлежащая манипулированию в зависимости от задачи, стоящей перед алгоритмом.

Привлекательность системы децентрализованных финансов при имплементации ее в платежно-расчетную инфраструктуру базируется во многом на отсутствии центрального контрагента или сети финансовых посредников, которые являются центрами затрат и не продуцируют собственную эффективность на развитие субъектов, получающих от них финансирование [4]. При таком подходе игнорируется роль отрицательных сбережений в обеспечении экономического роста и структурной трансформации. Осуществление платежей и сбережений с использованием децентрализованных финансовых сервисов при сегодняшней структуре глобального денежного потока не отвечает задачам структурной трансформации экономики, поскольку большая часть экономических агентов хранит свои средства в форме долга (отрицательные сбережения), а кредитование в системе децентрализованных финансов сегодня малоэффективно ввиду высокой волатильности активов, составляющих их базис. Поэтому инструментарий широкого распространения цифровых финансов должен базироваться на отрицательных сбережениях. Современные банки за счет эффекта мультипликатора способны создавать банковские деньги, а в системе без финансового посредника необходимо установление баланса между положительными сбережениями одной стороны и отрицательными сбережениями другой стороны, что в контексте задач структурного реформирования может привести к затягиванию сроков реализации конкретных проектов с учетом времени поиска баланса между спросом и предложением сбережений. Несмотря на то

что, по мнению американской Комиссии по ценным бумагам и биржам, рынок криптоактивов готов к появлению на нем институциональных инвесторов [5], есть основания полагать, что институциональные инвесторы сегодня не могут включить криптоактивы в действующие модели управления внутригрупповой ликвидностью ввиду их композиционности [6]. Наличие встроенных смарт-контрактов не позволяет быстро трансформировать децентрализованные инструменты в отрицательные сбережения без соответствующего депозита. А это означает своеобразную непрерывность денежных потоков в DeFi, тогда как пулы ликвидности основаны на огромном множестве дискретных денежных потоков. Непрерывность денежного потока в децентрализованных финансах может играть положительную роль при имплементации данного свойства в финансовую инфраструктуру обеспечения структурной трансформации экономики. Более того, непрерывный денежный поток может иметь реальное обеспечение в форме, к примеру, производственных мощностей, «зашитых» в смарт-контракт. Возможным ответом на высказанное предположение может стать широкое применение токенов-акций и токенов-облигаций, в частности, с использованием в качестве обеспечения биржевых товаров [5].

Возможности перетоков ликвидности с традиционных банковских счетов на цифровые рынки может быть весьма высокой, что может спровоцировать Банк России на дальнейшее ужесточение денежно-кредитной политики с целью сохранения депозитной базы банков.

Крупнейшие банковские группы вкладывают существенные финансовые ресурсы в развитие собственных блокчейн-систем [1] на основе открытого кода. В качестве результата применения подобных систем параллельно с системой корреспондентских отношений коммерческих банков может формироваться альтернативная децентрализованная трансграничная система осуществления платежей [7]. Совершение трансграничных платежей с помощью стейблкоинов, обеспеченных долларовыми запасами в коммерческих банках, в условиях высокой концентрации внутригрупповой ликвидности может использовать потенциал обеспеченных монет для вывода ликвидности из периметра финансового надзора и мониторинга, в том числе комплаенса санкционных регуляторов. Иными словами, применение трансграничных платежей с использованием блокчейна кредитной организации (например, в США), впоследствии позволяет этой кредитной организации обменивать их на обычные банковские деньги, зарезервированные под стейблкоины в банковской группе, и это не позволит отследить происхождение потока платежей. Есть вероятность, что ликвидность сырьевых рынков в условиях антироссийских и антииранских санкций поддерживается, в частности, таким способом. К сожалению, признание подобной возможности за цифровыми

платежными сервисами несет для российской экономики очевидную угрозу низкой работоспособности антиофшорного регулирования. Неудивительно, подмечено, что соблюдение условия об обязательной продаже 25% валютной выручки в течение 30 дней от ее получения⁶ в целом соответствует тем объемам валюты, которые внутри страны необходимы для осуществления всех необходимых платежей⁷, тогда как оставшаяся часть не попадает на внутренний рынок.

Формирование децентрализованной трансграничной платежной инфраструктуры в соответствии с необходимостью решения задачи структурной трансформации российской экономики должно быть снабжено таким набором смарт-контрактов, которые позволят направлять весь объем получаемой валютной выручки на развитие промышленного потенциала страны, а также создадут возможность защиты от жесткости внутренней денежно-кредитной политики.

Важный вопрос обеспечения единого центра данных о движении платежей актуален для ряда стран по причине фактического или гипотетического отключения их финансовых посредников от систем передачи финансовых сообщений и международного клиринга. Финансовая информация о платежах в той или иной валюте хранится в множестве реестров, как в банках, так и в холдинговых структурах, финансовых корпорациях и т. д. Для сокращения трансакционных затрат и повышения прозрачности системы и формирования на ее основе достоверной статистики в системе национальных счетов существует техническая возможность использования блокчейна в качестве интегратора финансовых данных и информации [8]. Можно говорить о разных уровнях централизации: от полной и жесткой завязки всей платежно-расчетной инфраструктуры с усилением роли и функций государства как основного поставщика соответствующих услуг и соответственного сокращения роли банковской системы; или об установлении порядка взаимодействия регионов и бизнеса с использованием платформенных решений [9]. Цифровые платформы могут сыграть роль информационного интегратора для обеспечения деятельности регионального промышленного кластера, получающего поддержку от конкретного региона и отчитывающихся перед регионом в режиме реального времени. Впоследствии к подобному рода решениям становится возможно подключение пользователей других услуг. Потенциал использования платформенных решений для обеспечения инфраструктуры промышленной кооперации выглядит наиболее сложной

⁶ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/23e1f2ac1db3750b6cb3cda90f1f1eec3c353675/

⁷ «Глазьев для думающих людей» – телеграм-канал. <https://t.me/s/glazievview> (дата обращения: 05.03.2025).

и важной задачей цифровизации и применения экосистемного подхода, нежели развитие других цифровых компетенций.

Возникают определенные сложности при обеспечении масштабируемости решений, рассматриваемых с точки зрения удельных транзакционных затрат [10]: затраты на реализацию платформенных решений обеспечивают относительную экономию только при большом объеме вовлеченных пользователей; перечень пользователей должен быть структурирован таким образом, чтобы обеспечивать массовость сделок, а не только массовость спроса или массовость предложения товаров; децентрализованные системы сокращают возможности для арбитражных операций, что автоматически приводит к сокращению формируемого таким образом рынка или его сегмента.

Децентрализованные информационные системы, обеспечивающие промышленные кластеры, должны иметь возможность контроля форка⁸, что накладывает определенные трудности с точки зрения дополнительных затрат в связи с невозможностью использования для этой цели открытого кода.

Важны и проблемы с интероперабельностью платформ. Возможность бесперебойного перехода между онлайн и офлайн-форматами для ряда подобных решений ограничен и требует резервирования стейблкоинов фиатными валютами, что сопряжено с риском дефляции в системе на фоне общей внешней инфляции (возможностью возникновения параллельных курсов) и ростом проблем морального риска и необходимости обеспечения платежеспособности платежного агента [11].

Разница в курсах валют при использовании платформенного решения по отношению ко всему остальному рынку зависит также и от валюты ценообразования, принятой для той или иной платформы. В условиях ужесточения санкций влияние кросс-курсов на важные параметры монетарного регулирования, в частности на инфляцию, остается крайне важной задачей моделирования грамотной архитектуры предлагаемых платформенных решений. При этом возможная конкуренция между частными и государственными деньгами (по Хайеку) [11] не позволит сократить уровень инфляции и неэффективности денежно-кредитной системы. В работе Д.А. Кочергина и соавторов приводится суждение К. Доуда и Д. Гринвэя (цит. по [11]), согласно которому цифровые валюты за счет направленного сетевого эффекта позволяют вытеснить инфляционную валюту из обращения. Возможность вытеснения инфляционной валюты, цифровой или фиатной,

⁸ Форк представляет собой «развилку» в блокчейне. Эта ситуация происходит, когда открытый код блокчейна копируется, в него вносятся какие-либо изменения, и создается альтернативный крипто-инструмент на базе уже существующего.

при совершенной конкуренции платежно-расчетных операций, обеспечивая определенную доходность валютных операций и операций «кэрри-трейд» (carry-trade), может препятствовать вытеснению инфляционной валюты. Издержки обеспечения интероперабельности на таком рынке должны быть близки к нулю, в противном случае традиционные валюты могут гарантировать транзакционную премию, что также граничит с проблемой параллельных курсов, и не позволит допустить вытеснения инфляционных инструментов. Инфляционные инструменты выгодны заемщикам, а инфляционные кредитные деньги банковского сектора выгодны кредиторам, что может привести к искусственным скрытым комиссиям в банковской сфере при использовании безинфляционных цифровых денег. Инфляцию принято оценивать на протяжении делового цикла, поэтому отсутствие инфляционных стимулов на этапе внедрения не всегда может быть гарантией поддержания такого уровня на всем протяжении делового цикла. Стимулирующий фактор безинфляционной валюты в рамках того же делового цикла будет стремиться к нулю, не стимулируя производителей к использованию такой валюты.

Цифровая валюта, функционирующая в рамках определенного платформенного решения, может создавать конкуренцию действующим фиатным валютам только при одновременном выполнении следующих условий:

- наличие выгод для должников и кредиторов. Многие экономические агенты формируют отрицательные сбережения, и это необходимо учитывать при обеспечении должного уровня их деловой активности при переходе на формально неинфляционную цифровую валюту;
- наличие стимулов для производителей по всей производственной цепочке и, по возможности, – стимулов для разумного удлинения таких цепочек и повышения уровня конкуренции в них;
- наличие эффекта кластеризации с точки зрения информационного обеспечения процесса и его платежно-расчетного обслуживания;
- вовлечение в платформу максимального числа пользователей для снижения удельных транзакционных издержек. Модель, предложенная Банком международных расчетов, для организации международных платежных платформ предлагает двухуровневый формат организации инфраструктуры: ЦБ как эмитент цифровой валюты и оператор, выступающий в роли единого центра координации платежей финансовых организаций, которые взаимодействуют непосредственно с потребителями финансовых услуг. На международном уровне при использовании блокчейна в качестве основы трансграничной платформы возникают транзакционные затраты на обеспечение консенсуса, какая бы его

форма ни была принята за основу [12]. Получаем дополнительные звенья в финансовой надстройке, что приведет к росту транзакционных издержек. Возникает требование к поиску источников экономии либо у эмитента, либо у финансовых организаций, которым понадобятся ресурсы для внедрения новой платежной системы в свои сервисы. Источник экономии транзакционных издержек остается неочевидным, поэтому его поиск, вероятно, должен быть направлен в сторону обеспечения устойчивости покупательной способности и низких затратах на конвертацию при осуществлении трансграничных операций;

- использование потенциала платформы в части гибкости индивидуального ценообразования для возможности субсидирования закупок критически важного оборудования, необходимого в качестве условия технологического суверенитета;
- возможность использования платформенного решения в трансграничных расчетах по заранее утвержденному перечню требований к закупаемому технологическому оборудованию;
- возможность обеспечения единого курса цифровой валюты при выполнении ею разных функций денег [11], адекватные механизмы конвертации фиатных валют, задействованных на платформе участников без формирования спредов к биржевым курсам валют. Рынок Forex имеет собственную платежную систему, обеспечивающую ежедневные транзакции, эквивалентные нескольким триллионам долларов, и было бы наивностью полагать, что валютная конкуренция с этим рынком и его платежной системой CLS [13] при заданной структуре мировой финансовой системы и мировой экономики возможна. Вводимые расчетные единицы в рамках действия любой финансовой платформы для группы стран, решающих свои структурные экономические проблемы, должны быть бесполезны вне платформы, то есть не иметь свободного хождения за пределами объединения стран – координаторов платформы. В качестве прототипа модели такого рода можно выявить Торговую систему местного обмена LETS, разработанную в Канаде в 1983 г. в качестве местной платежной системы для обслуживания регионального рынка недорогих бытовых услуг и товаров повседневного пользования: «Главное требование состояло в том, чтобы круг этих товаров был ограниченным и эти товары были наиболее востребованными местными потребителями» [14].

Одна из версий развития платформенного капитализма с использованием децентрализованных финансов состоит в необходимости обеспечения внутренней стоимости цифрового актива, положенного в основу платежно-расчетной инфраструктуры. Это необходимо для признания легитим-

ности и ценности валюты со стороны пользователей при возможности выбора платежно-расчетной инфраструктуры. Наличие золотого содержания подобной расчетной единицы не вполне обосновано как по причине возможных дефицитов на фоне возрастающих объемов торговли, так и по причине существенного превышения ликвидности рынка бумажного золота над рынком золота физического. При введении одной страной или группой стран металлического обеспечения своих расчетов резко возрастает риск биржевых спекуляций со стоимостью актива.

Важной целью платформы является рост стимулов к прибыльности бизнеса, финансируемого с применением государственной поддержки, а не концентрация ликвидности в данной сфере. Финансовые технологии, задействованные в реализации предполагаемого проекта, должны быть не столько маркетинговыми, сколько служить реальным инструментом моделирования прибыльности бизнеса за счет оптимизации денежных потоков. Централизованная цифровая валюта, одновременно выполняющая все традиционные формы денег, может привести к падению производительности в экономике за счет разного воздействия на объемы производства в регионах [13]. Финансовые технологии зачастую оказываются технологиями финансового маркетинга, не обеспечивая никакой реальной инновационной трансформации бизнес-процессов с целью роста их результативности, поэтому задача децентрализации финансов и разделения функций денег должна в некоторой степени абстрагироваться от маркетинговой составляющей, направленной на рост ликвидности конкретного финансового инструмента для компенсации его высоких транзакционных издержек за счет возможности спекулятивного выигрыша на высокой волатильности. Существуют исследования, свидетельствующие о потенциале финансовых платформ в борьбе с неравенством за счет высокого уровня финансиализации экономики [15]. Рост финансового неравенства и сосредоточение капитала и доходов в одних и тех же руках препятствует широкому включению в процесс финансового обеспечения экономического роста платформенных механизмов и децентрализованных финансовых решений.

Важно, что на пути борьбы с неравенством должна обеспечиваться минимальная общность в целях и инструментах развития и финансовой стабильности во всех государствах, реализующих политику перехода на платформенные решения для финансового обеспечения экономического роста и структурной трансформации экономики за счет развития «новых форм конкуренции и контроля» [12]. Фрагментация в финансовой сфере только усиливается, что говорит о финансовой небезопасности той страны, которая первой включится в процесс перевода финансовой системы на платформенные рельсы, в том числе

в части легитимности национальной валюты применительно к розничным платежам.

Частные цифровые валюты или цифровые финансовые активы используются в качестве альтернативных платежных средств, в том числе для отмывания денег или незаконного вывода средств за рубеж. Цифровой финансовый агрегатор государственного уровня призван обеспечить контроль незаконного распространения инструментария частных цифровых валют [16]. Об этом говорят и некоторые прогрессивно настроенные практики, например А.И. Гусев. Он продвигает тезис о том, что искусственный интеллект позволяет банкам продавать кибергигиену в качестве услуги [17]. Инструмент, позволяющий обеспечить прозрачность операций на общей платформе розничных платежей, позволит сократить общий уровень транзакционных издержек, возрастающих по вине избыточно сконцентрированной банковской системы [18].

При выборе и обосновании необходимости формирования финансовой цифровой платформы для оперирования средствами, связанными с государством, следует рассмотреть их классификацию. А.А. Ситник выделяет следующие виды финансовых платформ: «основные цифровые финансовые платформы – опосредуют оказание потребителям банковских, страховых, платежных и иных финансовых услуг, связанных с движением финансовых ресурсов; инфраструктурные цифровые финансовые платформы – с помощью таких платформ оказываются финансовые услуги, связанные с обеспечением деятельности финансовых организаций и в целом финансового рынка; сервисные (факультативные) цифровые финансовые платформы – используются для оказания услуг, сопутствующих основным и инфраструктурным финансовым услугам» [19].

В качестве ключевого инструмента обеспечения прозрачности и безопасности совершения операций может выступить токенизация реальных и финансовых активов. В крайне глубоком исследовании С.А. Андрюшина приведено такое определение токенизации: «токенизация – это процесс трансформации учета и управления активами, при котором каждый актив представляется в виде программируемого цифрового токена» [20]. Это позволяет использовать потенциал цифровых технологий для качественной инвентаризации ресурсного потенциала и установления параметров структурного развития экономики, обеспечения ее связности, диверсификации и роста конкуренции на основе выполнения поставленных задач при использовании финансовых ресурсов государства. Это позволит ослабить концентрацию активов в банковском секторе и крупном инфраструктурном бизнесе, развивая кластерный подход к организации производственных цепочек и наращивая уровень конкуренции в обрабатывающей промышлен-

ности. Токенизация позволяет сформировать реально действующий антиофшорный и антиотмывочный механизмы [21] и организовать обеспеченное квазиденежное обращение, что позволит реально сдерживать инфляционный процесс, а не подавлять его.

Слабость денежно-кредитного регулятора в управлении инфляционным процессом в экономике без развитого финансового рынка долгое время компенсировалась за счет бюджетных средств, обеспечивающих выпадающие доходы при искусственном сдерживании цен. Схема работала до роста глобальной инфляции и дополнительного удорожания импорта за счет необходимости покрытия транзакционных затрат на обход санкций и удлинение логистических цепочек. Концентрация капитала в руках крупного бизнеса и 10 топ-банков с государственным участием позволяла обеспечивать контроль над ценами на большую часть производимых в стране товаров для внутреннего пользования и услуг объектов инфраструктуры, а нерыночное ценообразование на эти позиции компенсировалось бюджетным софинансированием соответствующих проектов и иными мерами участия бюджетных средств в финансировании деятельности гигантов. У такой схемы есть ряд положительных последствий, например, высокая развитость услуг платежной инфраструктуры, однако в масштабах всей экономики это привело к разрыву и без того слабых цепочек создания стоимости и крайней неконкурентоспособности российской экономики при данном уровне мировых цен на торгуемые товары, являющиеся материальным базисом себестоимости большинства производимых товаров, работ и услуг. Отсутствие развитых региональных банковских систем, способных финансировать региональный бизнес и кооперацию, приводит к концентрации финансовых ресурсов в крупном бизнесе, обладающем высокими рейтингами. Развитие регионального среднего бизнеса оказывается в зависимом положении от игроков регионального уровня, либо от наличия программ государственной поддержки. Последние, в свою очередь, косвенно стимулируют бизнес к укрупнению. Например, существует программа поддержки производителей фермерских продуктов, согласно которой они реализуют продукцию крупным сетевым игрокам по цене ниже рыночной с последующей компенсацией ценовых разниц за счет средств государственной программы. В итоге происходит прямая поддержка прибыльности одной из крупнейших в стране компаний, а на вход в отрасль малых и средних предприятий, напротив, возникает огромный барьер в виде необходимости соответствия критериям государственной программы. В итоге концентрация только самоусиливается.

Вместе с тем система существует и показывает сегодня некую устойчивость в условиях недоброжелательно настроенной глобальной экономики, а потому наивным выглядело бы предположение о ее корен-

ном одномоментном сломе и возведении на обломках новой экономики замкнутого цикла, в частности, за счет внедрения новых международных платежных инструментов⁹. Однако задачи построения прозрачной системы ценообразования на промышленную продукцию и потребительские товары, целевого и эффективного финансирования проектов развития с осязаемыми результатами, пропорционального финансированию разделения рисков, мобилизации частных капиталов для развития промышленности, системности и своевременности инфраструктурного развития – могут и должны координироваться за счет имеющегося потенциала цифровых технологий управления.

И функции денег в этом ключе претерпевают некоторые «превращения» по Марксу. Если взять за основу классическую эволюционную цепочку «товарные деньги – хартальные деньги – кредитные (посткредитные) деньги»¹⁰ и переложить ее на задачи, которые выполнялись соответствующими денежными системами, то очевидным становится, что товарные деньги были необходимы для эпохи войн, завоеваний и пиратства для удобства и универсальности грабежа, хартальные деньги – для легитимизации власти в эпоху дворцовых переворотов, кредитные – для определения цены долга и ведения учета долга, посткредитные – снова для универсальности международного грабежа, но теперь за счет операций на финансовом рынке. *Сегодняшний эволюционный скачок в развитии платежно-расчетных систем и функционала денег должен состоять не в мнимой анонимности цифровых валют, а в их возможностях для достижения заданных целей. При этом сами денежные системы могут никоим образом не измениться внешне, изменения должны касаться именно платформ, на которых происходит их распределение и перераспределение между участниками рынка.*

В русскоязычной литературе не так много работ, посвященных обоснованию архитектуры финансовой платформы, направленной на рост конкурентоспособности национальной экономики [25]. Физическая инфраструктура платформ описана намного более детально, нежели с точки зрения финансово-экономических отношений, подлежащих трансформации при использовании платформенных решений. Зарубежные исследования подобного рода более локализованы по конкретным целям применения платформенных решений в финансах для обеспечения задач повышения финансовой инклюзивности или решений для инвесторов на основе сетевого эффекта [26]. Важным вопросом, часто обсуждаемым в зарубежных изданиях и информационных

⁹ <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/11/08/24339109.shtml> (дата обращения: 05.03.2025 г.).

¹⁰ Бьерг У. Как делаются деньги. Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.

сервисах, является обеспечение конкурентоспособности банковского сектора при реализации цифровых платформенных решений со стороны монетарных регуляторов [27].

Существуют технологические предпосылки к формированию платформы управления и координации промышленным развитием и структурной трансформацией, например платформа ГИИС «Электронный бюджет» [22]. Это схема позволяет реализовать риск-ориентированный контроль исполнения бюджетов [23]. Исполнение обязательств по реализации государственных программ оценивается на основе определения степени достижения целевых параметров данных программ на основании вносимой в ГИС отчетности.

Результаты реализации ряда государственных программ представлены в табл. 1.

Многие из программ не имеют финансового показателя для оценки их эффективности, хотя выбраны программы, связанные с экономическим, а не социальным развитием, бюджет программ не пропорционален тем результатам, которые достигнуты. Государственные программы по-прежнему имеют характер компенсационных при невозможности оказания влияния на цены иным образом, кроме их искусственного занижения и компенсации разницы через бюджетный механизм.

Предложения и выводы

Задача формирования национальной финансовой платформы структурной трансформации экономики видится в обеспечении деятельности промышленных кластеров с целью роста конкуренции внутри страны и ценовой конкурентоспособности российской промышленности и добычи на мировом уровне. Модель и архитектура финансовой платформы предполагают некоторую комбинацию суперсетевого подхода, используемого при развитии платформ в Китае [24], и подхода современных цифровых валют, для которых одновременно может выполняться только два из трех свойств (из свойств децентрализации, прозрачности и масштабируемости [20]), а именно свойств масштабируемости и прозрачности.

Для целей настоящего исследования первостепенным является определение общего алгоритма обеспечения промышленной кооперации по типу кластера [28] за счет перевода государственных финансовых потоков на платформенный тип координации.

Выше отмечены условия воспроизводства гиперконцентрации в российской экономике и финансовой системе. Многоканальное финансирование направляется одним и тем же бенефициарам, которые также являются и ключевыми эмитентами на российском

Таблица 1

Результаты реализации государственных программ РФ в 2023 году (фрагмент)

Госпрограмма	Срок реализации	Бюджет 2023, млрд руб.	Результат реализации (Финансовый показатель – при наличии) в 2023 г.
Экономическое развитие и инновационная экономика	2013–2030 гг.	375,84	Увеличен объем размещения устойчивых (в том числе зеленых) облигаций в Секторе устойчивого развития Московской Биржи до 379 млрд руб. (при плановом значении – 249 млрд руб.)
Развитие сельского хозяйства	2013–2030 гг.	1024,43	Объем экспорта продукции агропромышленного комплекса (в сопоставимых ценах) достиг 39,893 млрд долл. (при плановом значении – 28 млрд долл.)
Развитие рыбохозяйственного комплекса	2013–2030 гг.	25,61	Оборот организаций по направлению «Рыболовство, рыбоводство и рыбопереработка» 532,8 млрд руб.
Воспроизводство и использование природных ресурсов	2013–2030 гг.	159,32	Уровень воспроизводства запасов полезных ископаемых «первой группы» (природный газ, никель, медь, молибден, ниобий, вольфрам, кобальт, германий, платиноиды, апатитовые руды, железные руды, калийные соли, уголь, цементное сырье) составил 127,4%; Уровень воспроизводства запасов полезных ископаемых «второй группы» (нефть, свинец, сурьма, золото, серебро, алмазы, цинк, особо чистое кварцевое сырье) составил 100,5%
Развитие лесного хозяйства	2013–2030 гг.	157,39	Объем платежей в бюджетную систему Российской Федерации от использования лесов, расположенных на землях лесного фонда, в расчете на 1 га земель лесного фонда 65,8 руб.
Развитие энергетики	2013–2030 гг.	96,99	Построены и введены в эксплуатацию 9 объектов производственной и заправочной инфраструктуры СПП

Окончание табл. 1

Госпрограмма	Срок реализации	Бюджет 2023, млрд руб.	Результат реализации (финансовый показатель – при наличии) в 2023 г.
Управление государственными финансами	2013–2030 гг.	7130,67	<ul style="list-style-type: none"> – внесены изменения в Правила проведения расчетов и перечисления средств в связи с формированием и использованием дополнительных нефтегазовых доходов, средств ФНБ – возврат к расчету бюджетных проектировок в рамках бюджетного правила исходя из базовой цены на нефть; – доля расходов федерального бюджета на пособия (выплаты), назначаемые с учетом критериев нуждаемости, составила 63,8% (при плановом значении – 40%); – создан новый финансовый инструмент – долгосрочный индивидуальный инвестиционный счет с более гибкими условиями ИИС-III; – создана программа долгосрочных сбережений, пополнение которой возможно как за счет личных средств граждан, так и за счет средств пенсионных накоплений и софинансирования государства; – утверждена Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 г. № 958-р); – осуществлен перевод государственной услуги по выдаче федеральных специальных марок (ФСМ) для маркировки алкогольной продукции в цифровой вид; – обеспечено проведение операций по управлению остатками средств на едином казначейском счете, получен доход 667,3 млрд руб.

Источник: составлено автором по данным <https://programs.economy.gov.ru/programs>

фондовом рынке. В этой ситуации для развития промышленности на основе сил рыночной конкуренции необходимо формировать принципиально новые способы для направления финансовых ресурсов и разделения рисков между бизнесом, государством и финансовым сектором. При этом ослабление требований к листингу может дискредитировать фондовую биржу, чем и объясняется усиленное внимание автора к возможностям использования цифровых платформенных решений в качестве технологической базы управления распределением целевых финансовых потоков для развития кластеров российской промышленности. Промышленная кооперация (задачи потребительской кооперации также отчасти могут решаться при реализации проектов подобного рода) на основе кластерного подхода в контексте настоящего исследования означает направленное формирование цепочек создания стоимости промышленной продукции за счет мобилизации всех необходимых ресурсов (технологий, производственных мощностей, материальных и трудовых ресурсов) по заранее сконструированному образцу, который должен быть смоделирован в качестве смарт-контракта будущего промышленного кластера.

Для реализации подобного масштабного проекта необходимо:

1) определение контуров промышленных кластеров, необходимых для создания базиса конкурентной национальной экономики – приоритетных отраслей, которые впоследствии позволят наращивать промышленный потенциал на конкурентной основе; определение номенклатуры продукции, необходимой для обеспечения национальной промышленной и продовольственной безопасности;

2) инвентаризация наличной производственной мощности и емкости инфраструктуры и токенизация данных промышленных активов по критерию мощности оборудования или иного универсального параметра его производительности;

3) токенизация промышленных активов проектируемых кластеров для определения минимальных промышленных единиц [29], способных на конкурентной основе производить необходимую продукцию и промышленные услуги;

4) сопоставление данных токенов о наличной мощности и производительности оборудования с данными о потребном парке оборудования;

5) мониторинг источников пополнения недостающих токенов по уровню производительности или мощности оборудования, поиск поставщиков по принципу минимальной срочности и цены при условии четкого соответствия заданному токеном требованиям к составу оборудования;

6) мониторинг оптимального расположения данного токена с учетом необходимости формирования промышленного кластера;

7) поиск источника финансирования данного токена;

8) фактическое финансирование только при точном соответствии токена производительности приобретаемых мощностей.

Должна быть обеспечена полная прозрачность использования инструментов государственной поддержки для достижения конкретной, заданной токеном цели по уровню производительности оборудования.

Важным отличием предлагаемой схемы от существующего порядка оказания государственной помощи является не использование токенизации [30] для определения недостающих производственных мощностей и формирования кластеров, а потенциальная невозможность использования всех возможных каналов государственной поддержки для финансирования одного и того же объекта или компании.

Успешная реализация проекта такого рода будет зависеть от политической воли и ужесточения антимонопольного законодательства с целью сокращения уровня концентрации капитала путем принудительного разукрупнения бизнеса и поэтапного сокращения уровня концентрации в банковской системе. В противном случае создаваемые промышленные кластеры не смогут обеспечить достаточный уровень ценовой конкуренции в борьбе за факторы производства, особенно за ставший особо редким товаром высококвалифицированный труд.

Необходимо спрогнозировать трудности, которые направлены против реализации промышленной политики предлагаемого или любого другого, нацеленного на структурную трансформацию типа. Речь идет о двух факторах:

1) наращивание крупным бизнесом интенсивности использования трудовых ресурсов (речь идет именно об интенсивности, а не производительности, поскольку используются инструменты увеличения сменности работы, удлинения периода рабочего времени, вовлечения дополнительного штата и т. д.) приводит к росту потребительского спроса в текущем времени, оказывая повышательное давление на цены и усиливая позиции общества потребления, не готового трансформировать свои потребительские паттерны для обеспечения нужд экономического роста;

2) хождение в экономике денег принципиально разной покупательной способности при одинаковом номинале. Речь идет как о разных региональных уровнях покупательной способности рубля в зависимости от уровня экономического развития региона [14], так и о разной персональной покупательной способности рубля. Программы привилегий и льгот, в том числе в финансовом секторе, приводят к тому, что для владельцев капитала и для владельцев труда одна и та же сумма дохода фактически обеспечивает принципиально разную покупательную способность. Владение банковскими картами привилегирован-

ного уровня дает ряд льгот, в результате использования которых неравенство в возможности использовании полученных доходов при одних и тех же номинальных их величинах сильно усугубляется, не позволяя наращивать инвестиционный потенциал высокими темпами за счет вовлечения в финансирование доходов среднего класса.

В действующую систему встроена серьезная инерционная составляющая, которая приводит к необходимости обеспечения сетевого эффекта реализации промышленной политики. Для того чтобы проектируемая система не напоминала своей архитектурой жесткое командное планирование, действующие инструменты инерционности необходимо несколько перенастроить, не приводя при этом к искусственному уравниванию владельцев труда и капитала в потребительском процессе. Имеющийся потенциал неравенства, продуцируемый российской банковской системой в борьбе за ликвидность, целесообразно мотивировать не на идеи избыточного или показательного потребления, а на формирование института розничных инвесторов. Для этого необходим серьезный пересмотр их прав и гарантий на уровне федерального законодательства и формирование доступной и интуитивной среды для технического доступа к инструментам финансового рынка. В частности, токены производительности могут приобретаться любыми физическими и юридическими лицами независимо от наличия листинга у исполнителя того или иного проекта.

Предположим, проекту строительства станкостроительного завода гражданского назначения необходимо промышленное оборудование совокупной мощностью X . Проект является стратегически важным для развития кластера обрабатывающей промышленности и получил одобрение для включения его в периметр программы структурной трансформации. Выпускаются токены в объеме, обеспечивающем уровень потребной мощности, и размещаются в качестве предложения на национальной финансовой платформе. Коммерческие банки, имеющие программы лояльности, размещают соответствующее предложение на своих платформах в качестве одного из инструментов, позволяющих клиентам сохранять привилегированный статус. При приобретении клиентами соответствующих токенов на сумму их денежного эквивалента формируется резерв в Центральном банке под ключевую ставку. Идея в том, что чем больше будет вовлечено розничных инвесторов в проект, тем выше будет уровень субсидирования льготных процентных ставок для коммерческих банков со стороны ЦБ. Средства, полученные платформой как от частных лиц, так и в форме банковских резервов, направляются только и исключительно на исполнение токена по объему производительности.

При получении финансирования платформой выпускаются сырьевые токены на объемы доходов, полученных от продажи нефти, газа

или электроэнергии исходя из установленных заранее паритетов между потребной мощностью (или иной характеристикой) оборудования и физическим объемом энергетических ресурсов. Эти токены на стадии формирования инвестиционного проекта являются гарантийным обеспечением в форме претензии на нефтегазовые доходы государственного бюджета, однако главным образом это инструмент масштабирования результатов проекта и рефинансирования полученных от него доходов в будущем.

После погашения токенов производительности проект должен быть масштабирован за счет увеличения объемов продаж и вовлечения дополнительных производителей. Для этого разрабатывается проект А1, нацеленный на увеличение емкости рынка, также выпускающий токены производительности, эквивалентные мощности оборудования Х1. Эти токены размещаются на платформе и доступны на рыночных условиях как для коммерческих банков и их клиентов в рамках программ лояльности, так и в форме предложения сырьевых токенов. Последние являются инструментом наращивания объемов и гарантируются нефтегазовыми доходами бюджета. В частности, крупные энергетические компании или инвесторы в нефтяные фьючерсы могут осуществлять финансирование проектов в обмен на эквивалентное объему токенов льготы по уплате в бюджет. При этом прав на участие в капитале нового бизнеса никакие токены не дают, однако в качестве дополнительных инструментов могут использоваться фьючерсы на токены как отдельный способ повышения ликвидности данного сегмента финансового рынка. Сырьевые токены могут конвертироваться и в нефтегазовые поставочные фьючерсы в случае необходимости использования трансграничных расчетов для осуществления поставок оборудования. Поскольку при этом платежи осуществляются внутри каждой из договаривающихся стран, отпадает необходимость в наличии трансграничной платежно-расчетной инфраструктуры.

Несмотря на строго целевой характер финансирования, подобный инструмент нельзя считать «окрашенными деньгами», поскольку целевым назначением обладают только соответствующие сделкам токены, что направлено на антиофшорное регулирование и формирование промышленного каркаса национальной экономики, а также для устранения противоречий бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политик [31].

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Скотт Б. Облачные деньги. Наличные, карточки, криптовалюта и борьба за наши кошельки. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2023. [Scott B. Cloud Money. Cash, cards, cryptocurrency and the struggle for our wallets. Moscow: AST Publishing House: CORPUS, 2023. (In Russ.)]
2. Васильев С.А., Никонова И.А., Мирошниченко О.С. Банки, финансовые платформы и Big Data: тенденции развития и направления регулирования // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 5. С. 105–119. [Vasiliev S. A., Nikonova I. A., Miroshnichenko O. S. Banks, financial platforms and Big Data: development trends and regulatory directions // Financial Journal. 2022. Vol. 14. No. 5. Pp. 105-119. (In Russ.)] DOI: 10.31107/2075-1990-2022-5-105-119.
3. Gudgeon L., Perez D., Harz D., Livshits B., Gervais A. The Decentralized Financial Crisis. 2020 Crypto Valley Conference on Blockchain Technology (CVCBT). Switzerland. Rotkreuz. 2020. Pp. 1–15. DOI: 10.1109/CVCBT50464.2020.00005.
4. Пашковская И.В. Децентрализованные финансы и перспективы создания двухконтурной экономики // Финансовые рынки и банки. 2023. № 4. С. 78-85. [Pashkovskaya I.V. Decentralized Finance and prospects for creating a two-circuit economy // Financial markets and banks. 2023. No. 4. Pp. 78-85. (In Russ.)]
5. Санникова Л.В. Факторы риска использования криптоактивов в России и потенциал для их снижения // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 6. С. 124–138. [Sannikova L.V. Risk factors for the use of cryptoassets in Russia and the potential for their reduction // Financial Journal. 2022. Vol. 14. No. 6. Pp. 124-138. (In Russ.)] DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-124-138.
6. Bernardo David, Peter Gazi, Aggelos Kiayias and Alexander Russell. Ouroboros praos: An adaptively-secure semi-synchronous proof-of-stake blockchain. Annual International Conference on the Theory and Applications of Cryptographic Techniques. 2018. Pp. 66–98.
7. Акулинкин С.С. Использование технологии распределенного реестра при формировании трансграничной платежной инфраструктуры // Финансовые рынки и банки. 2023. № 9. С. 30–37. [Akulinkin S. S. The use of distributed registry technology in the formation of a cross-border payment infrastructure // Financial markets and banks. 2023. No. 9. Pp. 30-37. (In Russ.)]
8. Скобликов Е.А. Обеспечение роста экономики России на основе цифровизации регистрационно-платежных операций // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 11. С. 2578-2596. [Skoblikov E.A. Ensuring the growth of the Russian economy based on the digitalization of registration and payment operations // Finance and Credit. 2018. Vol. 24. No. 11. Pp. 2578-2596. (In Russ.)] DOI: 10.24891/fc.24.11.2578.
9. Куимов В.В., Щербенко Е.В., Юшкова Л.В. Переход к экосистемным платформенным взаимодействиям бизнесов региона – основа инновационного развития в новом технологическом укладе // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2023. №16 (10). С. 1820–1827. [Kuimov V. V., Shcherbenko E. V., Yushkova L. V. The transition to ecosystem platform interactions of regional businesses is the basis for innovative development in a new technological order. Journal of the Siberian Federal University. The university. Humanities. 2023. 16 (10). Pp. 1820-1827. (In Russ.)] EDN: LCUWES.
10. Дорофеев М.Л. Перспективы блокчейна в развитии финансов зеленой экономики // Вестник университета. 2020. № 5. С. 178–185. [Dorofeev M.L. Prospects of blockchain

- in the development of finance in the green economy // Bulletin of the University. 2020. No. 5. pp. 178-185. (In Russ.)]
11. Кочергин Д.А., Андрюшин С.А., Шешукова Е.С. Конкуренция между цифровыми валютами в условиях трансформации традиционных денежно-кредитных систем // Terra Economicus. 2023. № 21 (3). С. 32–44. [Kochergin D.A., Andryushin S.A., Sheshukova E.S. Competition between digital currencies in the context of the transformation of traditional monetary systems // Terra Economicus. 2023. No. 21 (3). Pp. 32-44. (In Russ.)] DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-32-44.
 12. Крылова Л.В. Платформы цифровых валют центральных банков как фактор фрагментации мировой валютной системы // Экономика. Налоги. Право. 2024. № 17 (2). С. 40–50. [Krylova L.V. Platforms of digital currencies of central banks as a factor of fragmentation of the global monetary system // Economy. Taxes. Right. 2024. No. 17 (2). Pp. 40-50. (In Russ.)] DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-2-40-50.
 13. Hasbrouck Joel, Levich Richard. FX Market Metrics: New Findings Based on CLS Bank Settlement Data // SSRN Electronic Journal. 2018. DOI: 10.2139/ssrn.2912976.
 14. Дубянский А.Н. Местные валюты как способ децентрализации денежного обращения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. № 33 (1). С. 104–118. [Dubynsky, A.N. Local currencies as a way to decentralize money circulation // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. 2017. No. 33 (1). Pp. 104-118. (In Russ.)] DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.106.
 15. Макоев С.Р. Платформенная экономика на рынке финансов // Вестник СурГУ. 2019. Вып. 4 (26). С. 53–57. [Makoev S. R. Platform economics in the financial market // Bulletin of SurGU. 2019. Vol. 4 (26). Pp. 53-57. (In Russ.)] DOI: 10.34822/2312-3419-2019-4-53-57.
 16. Кочергин Д.А. Мировой опыт внедрения цифровых валют центральных банков для розничных платежей в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 5. С. 130–171. [Kochergin D.A. The global experience of introducing digital currencies of central banks for retail payments in emerging and developing countries // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 5. Pp. 130-171. (In Russ.)]
 17. Гусев А.И. Интерес к кибербезопасности как драйвер позиционирования средних и нишевых банков в отечественном private banking // Банковское дело. 2024. № 11. С. 56–61. [Gusev A.I. Interest in cybersecurity as a driver of positioning medium-sized and niche banks in domestic private banking // Banking. 2024. No 11. Pp. 56-61. (In Russ.)]
 18. Данилин И. Борьба с интернет-монополиями в Китае и США // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 73–80. [Danilin I. The fight against Internet monopolies in China and the USA // World Economy and International Relations. 2022. Vol. 66. No. 10. Pp. 73-80. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-73-80.
 19. Ситник А.А. Роль цифровых платформ в организации финансового рынка // Lexrussica. 2023. Т. 76. № 6. С. 121–127. [Sitnik A.A. The role of digital platforms in the organization of the financial market // Lex russica. 2023. Vol. 76. No. 6. Pp. 121-127. (In Russ.)] DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.121-127.
 20. Андрюшин С.А. Токенизация реальных активов: классификация, платформы, приложения, возможности и проблемы развития // Russian Journal of Economics

- and Law. 2024. No. 18 (1). Pp. 88–104. [Andryushin S.A. Tokenization of real assets: classification, platforms, applications, opportunities and development challenges // Russian Journal of Economics and Law. 2024. No. 18 (1). Pp. 88–104(In Russ.).]. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.88-104.
21. Румянцова А.Ю., Тарутко О.А. Инвестиционные платформы и их роль в развитии финансовых инноваций // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 9. С. 912–922. [Rumyantseva A.Yu., Tarutko O.A. Investment platforms and their role in the development of financial innovations // Economics and management. 2022. Vol. 28. No. 9. Pp. 912-922. (In Russ.)] DOI: 10.35854/1998-1627-2022-9-912-922.
 22. Приходченко О.С. Стратегическое регулирование цифрового проектного управления в условиях инновационного развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 6. С. 270–278. [Prihodchenko O.S. Strategic regulation of digital project management in the context of innovative development of the region // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2021. Vol. 11. No. 6. Pp. 270-278. (In Russ.)]
 23. Прохоров Ю.Н. Развитие методов и инструментов цифрового мониторинга контрольной деятельности в бюджетной и закупочной сфере // Финансовые рынки и банки. 2023. № 10. С. 8–12. [Prokhorov Yu.N. Development of methods and tools for digital monitoring of control activities in the budgetary and procurement sphere // Financial markets and banks. No. 10, 2023. Pp. 8-12. (In Russ.)]
 24. Ван Гуанлун. Конкурентная ситуация в сфере финансовых интернет-платформ и её правовое регулирование в Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25. № 1. С. 27–50. [Wang Guanglong. The competitive situation in the field of financial Internet platforms and its legal regulation in China // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2023. Vol. 25, No. 1. Pp. 27-50. (In Russ.)] DOI: 10.24866/1813-3274/2023-1/27-50.
 25. Мельникова А.С., Мыльникова Е.М., Кисарева А.А. Кросс-платформенное взаимодействие цифровой финансово-экономической инфраструктуры отечественного рынка с применением методов комбинированных технологий // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 941–950. [Melnikova A.S., Mylnikova E.M., Kisareva A.A. Cross-platform interaction of the digital financial and economic infrastructure of the domestic market using combined technology methods // Issues of innovative economics. 2020. Volume 10. No. 2. Pp. 941–950. (In Russ.)] DOI: 10.18334/vinec.10.2.100815.
 26. Sara Biancini, Marianne Verdier. Bank-platform competition in the credit market // International Journal of Industrial Organization. 2023. Vol. 91. 103029. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2023.103029.
 27. Platform-Based Finance: How Can Regulators Preserve Competition? <https://www.cgap.org/blog/platform-based-finance-how-can-regulators-preserve-competition>
 28. Григорьев О. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера-Пресс, 2016. [Grigoriev O. The age of growth. Lectures on neoeconomics. The rise and decline of the global economic system. Moscow: Career Press, 2016. (In Russ.)]
 29. Victoria Chynoweth. Real Estate Tokenization: A Start of a New Era in Property Management. <https://www.forbes.com/sites/digital-assets/2024/03/20/real-estatetokenization-a-start-of-a-new-era-in-property-management>

30. Arnold Kirimi. The Ultimate Guide to Real Estate Tokenization in 2024. <https://ninjapromo.io/the-ultimate-guide-to-real-estate-tokenization>
31. Широ́в А.А., Гусев М.С., Некрасов Ф.О. Природа инфляции в современной российской экономике и ее влияние на экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2. С. 1–18. [Shirov A.A., Gusev M.S., Nekrasov F.O. The nature of inflation in the modern Russian economy and its impact on economic growth // Problems of Forecasting. 2025. No. 2, Pp. 1-18. (In Russ.)]

Дата поступления рукописи: 06.03.2025 г.

Дата принятия к печати: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Динец Дарья Александровна – доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8734-8998

dardinets@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daria A. Dinets – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Finance and Credit, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8734-8998

dardinets@gmail.com

THEORETICAL BASIS OF PLATFORM FINANCIAL SOLUTIONS FOR THE STATE STRUCTURAL POLICY USE

The article provides an overview of theoretical approaches and justifications for using financial platforms in centralized and decentralized finance. The theoretical review allowed us to identify those characteristic features of financial platforms that, at this historical stage of development, can be used to overcome structural imbalances in the Russian economy and provide industrial clusters with the financial resources necessary to build up their competitive potential. As a result, the author's approach to building the architecture of a financial platform – a supplier of resources for the implementation of priority projects for the structural transformation of the Russian economy – is proposed.

Keywords: *financial platforms, tokenization of real assets, industrial clusters, financial policy.*

JEL: E63.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.А. РЯЗАНОВ

кандидат географических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ФАКТОРЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РОССИЙСКИЕ ПОЛИЭТИЛЕН И ПОЛИПРОПИЛЕН НА РЫНКЕ КИТАЯ

Автор рассматривает отношение импортных цен на отдельные группы марок российских полиэтилена и полипропилена в Китае к средним для данных рынков в этой стране в месячной динамике. Проведенный регрессионный анализ позволил построить математически корректные модели зависимости этого показателя от внеэкономических (события февраля 2022 г.) и конъюнктурных факторов, которые показали решающий вклад геополитических причин в увеличение дисконтов на все российские полиолефины с 10% до более чем 20%. Выявлено негативное влияние общих объемов импорта на ценообразование на российские полимеры в Китае, который, таким образом, является для российских компаний «рынком покупателя». Описанное явление устойчиво, распространяется и на другие крупные рынки сбыта российских полимеров, создает риски для долгосрочного развития отрасли и требует корректирующих мер торговой политики страны.

Ключевые слова: Россия, Китай, экспорт, полиэтилен, полипропилен, цены, регрессионный анализ.

УДК: 339.56

EDN: WPXPUU

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_148_160

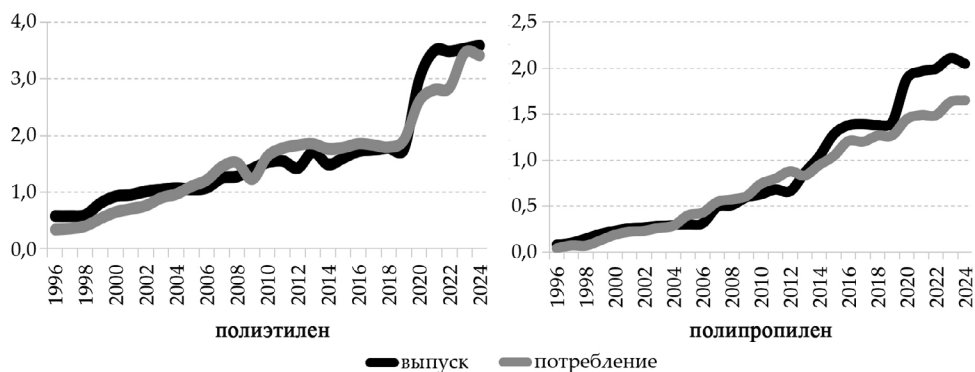
Введение

Российская индустрия полиэтилена и полипропилена (общее название – полиолефины) стала частью мирового рынка с самого момента появления. Хотя первая опытная партия полиэтилена в стране была получена на Охтинском заводе в 1952 г., промышленные мощности создавались с использованием значительно более совершенных зарубежных технологий (индустрия полиэтилена развивалась на Западе с конца 1930-х гг.), причем в рамках компенсационных сделок –

поставки импортного оборудования оплачивались экспортом произведенной на нем продукции [12]. В результате были быстро запущены производства полиэтилена низкой плотности (пленочных марок) в Уфе (1960 г.), Салавате (1961 г.), Новокуйбышевске и Грозном (оба 1962 г.), Казани (1965 г.), а затем и в Ангарске. Опытный выпуск полипропилена в стране начался также с большим отставанием от западных стран – в 1966 г. на Московском НПЗ (10 тыс. т), а промышленный на установке на порядок большей мощности – только в 1981 г. в Томске. Развитие «большой нефтехимии» в Западной Сибири и других регионах до конца советского периода почти не вышло за стадию планов. При объеме производства 767 тыс. т полиэтилена (1990 г.) в стране работали только две относительно современных установки в Буденновске (1981 г.) и Казани (1983 г.), по 200 тыс. т каждая, где выпускался полиэтилен высокой плотности (для жестких изделий). В остальном отрасль состояла из предприятий с маломощным оборудованием 20–30-летней давности для производства рядовой продукции.

Тем не менее, после перехода к рыночным отношениям, в том числе во внешней торговле, российские полиолефины оказались востребованы за рубежом. Уже в 1996 г. 52% полиэтилена и 71% полипропилена поставлялись на экспорт. Вплоть до 2004–2005 гг. Россия была нетто-экспортером как полиэтилена, так и полипропилена. Это было связано с коллапсом перерабатывающих отраслей внутри страны, который был вызван как конкуренцией с импортной продукцией, так и с кризисом неплатежей в отрасли (в 1999 г. денежными средствами были оплачены только 45% поставок полимеров, причем это был один из лучших показателей в нефтехимии, прочая оплата представляла собой бартер, векселя и другие денежные суррогаты [1]). Нормализация экономической ситуации в начале 2000-х годов привела к быстрому росту отечественной переработки полимеров и следующее десятилетие индустрия полиолефинов провела в режиме догоняющего импортозамещения – ввод новых производственных мощностей отставал от увеличения спроса со стороны переработчиков (см. рис. 1).

Полемика относительно глобальной конкурентоспособности российской нефтехимии и, в частности, перспектив инвестиций в увеличение выпуска полиолефинов, началась давно. Еще на рубеже 2000-х гг. авторы отмечали [10], что быстро опережавшие Россию по наращиванию нефтехимических мощностей страны Ближнего Востока и Китая становятся ее сильными конкурентами на глобальных рынках. В западных странах отрасль уже тогда перестала рассматриваться как инновационная и была отнесена к «заходящим на покой» [2, с. 74], однако это не означало, что сырьевых преимуществ России окажется достаточно для конкуренции, в частности, с производителями КНР [5].

Источники: составлено по: [9; 7], открытые опубликованные данные: https://plastinfo.ru/information/news/54978_17.03.2025/ (дата обращения: 17.03.2025 г.); <https://rupec.ru/news/53864/> (дата обращения: 17.03.2025 г.); <https://cheminsight.ru/tpost/f5zarg90h1-rossiiskii-polipropilen-smog-bistro-voss> (дата обращения: 17.03.2025 г.).

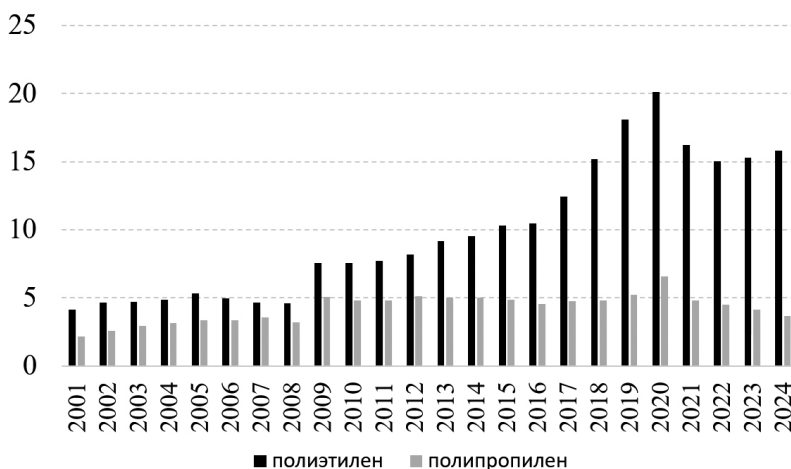
Рис. 1. Выпуск и потребление полиолефинов в России в 1996–2023 гг., млн т

Тем не менее, Россия вновь стала нетто-экспортером полиолефинов после запуска в 2013 г. в Тобольске мощностей «Тобольск-Полимера» (0,5 млн т полипропилена), а в 2019 г. там же комбината «Запсибнефтехим» (1,5 млн т полиэтилена и 0,5 млн т полипропилена). Внутренний рынок, рост которого сильно замедлился из-за снижения реальных доходов населения после 2013 г., изначально не мог принять такие объемы, и они были направлены в другие страны, в первую очередь, в Китай. Поставки полиэтилена туда выросли с 90 тыс. т в 2019 г. до 839 тыс. т в 2020 г., а отгрузки полипропилена увеличились со 130 тыс. т в 2019 г. до 182 тыс. т в 2023 г. По итогам 2024 г. Китай ввез 358 тыс. т российского полиэтилена и 105 тыс. т полипропилена.

На китайском рынке российская продукция появилась еще в 1990-е гг., в начале 2000-х гг. туда отгружалось 110–190 тыс. т полиэтилена и 20–40 тыс. т полипропилена (более половины всего экспорта РФ), однако по мере увеличения платежеспособного внутреннего спроса в России поставки в КНР сокращались. В самом Китае на протяжении десятилетий происходило наращивание собственного выпуска полиолефинов. Только в 2000–2019 гг. в Китае было введено 19 млн т мощностей по выпуску полиэтилена, столько же, сколько в следующих по объему ввода трех странах (США, Саудовской Аравии и Иране) и в 8 раз больше, чем в России [14]. При 13% мировой нефтедобычи доля России в выпуске полиолефинов остается скромной – 3,5 из 134 млн т полиэтилена и 2 из 99 млн т полипропилена [13, с. 5952], т. е. 2,0–2,6% или чуть больше доли страны в мировой численности населения.

Китайский рынок полиолефинов остается дефицитным из-за опережающего роста потребления. До 2020 г. (начало пандемии корона-

вируса) темпы роста импорта (см. рис. 2) практически соответствовали темпам роста собственного производства, а абсолютный объем ввоза полиэтилена превысил 20 млн т.

Источник: составлено автором по: данные ITC Trade Map.

Рис. 2. Импорт полиолефинов Китаем, млн т

Несмотря на дефицит полиолефинов в Китае, ценовые условия для российских поставщиков крайне невыгодные – полимерный гранулят из России десятилетиями продается в КНР с большим дисконтом как к ценам других поставщиков, так и к ценам других покупателей российской продукции [8].

События 2022 г. и связанные с ними сложности с расчетами за поставленную продукцию существенно осложнили экспорт российских товаров в Китай, однако в случае с полиолефинами российские производители смогли перенаправить избыточные объемы на внутренний рынок [7], где на фоне активного жилищного строительства и оживления потребительского спроса резко увеличился выпуск различных пластмассовых изделий¹. Тем не менее поставки на китайский рынок продолжают.

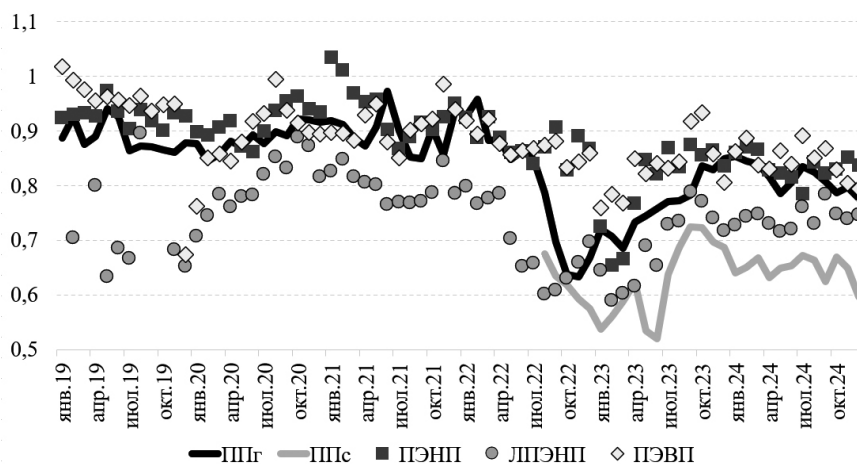
Регрессионный анализ

Для целей данного исследования мы будем рассматривать месячную динамику поставок с января 2019 г. по декабрь 2024 г. с детализацией по отдельным видам продукции: полиэтилену низкой плотности (ПЭНП, код ТН ВЭД 390110), полиэтилену высокой плотности

¹ https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/10_31-01-2024.html

(ПЭВП, код ТН ВЭД 390120), линейному полиэтилену низкой плотности (ЛПЭНП, код ТН ВЭД 390140, для стрейч-пленок, производится на том же оборудовании, что ПЭВП), собственно полипропилену (ППг, гомополимер, код ТН ВЭД 390210) и сополимерам полипропилена (ППс, код ТН ВЭД 390230). Такое деление связано с тем, что отдельные виды полиолефинов имеют разные области применения, разную стоимость и находятся (теоретически) под действием разных рыночных факторов. Данные о российской внешней торговле с 2022 г. не публикуются в открытом доступе, поэтому в качестве источника информации будем рассматривать только «зеркальные» данные китайской статистики об импорте продукции из России и других стран.

Уже базовое рассмотрение отношения цен на российские полиолефины к среднеимпортным (см. рис. 3) позволяет сделать вывод, во-первых, об устойчиво более низких ценах российских поставщиков (ряд отраслевых экспертов открыто называет их «демпинговыми» [7]), а также о существенных помесечных колебаниях рассчитанных дисконтов. Последнее обстоятельство требует перехода к сглаженным полиномиальным трендам, чтобы повысить точность последующего регрессионного анализа. Включение событий 2022 г. в число ключевых рассматриваемых факторов заставляет удалить из рассмотрения ППс, поскольку значимые поставки сополимеров полипропилена из России в Китай до 2022 г. отсутствовали.

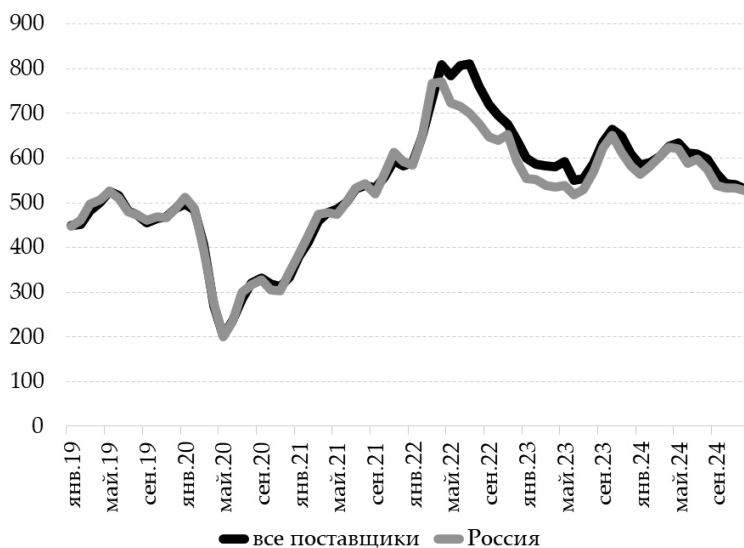

Источник: рассчитано автором по: данные ITC Trade Map.

Рис. 3. Отношение импортных цен на полиолефины из России к средним для китайского рынка

Учет событий 2022 г. (масштабные боевые действия на Украине и западные санкции против России) при регрессионном анализе будем проводить с помощью соответствующей дамми-переменной, актив-

ной с марта 2022 г. Кроме «военного» дисконта предположим наличие и «отраслевого», связанного с новыми условиями функционирования именно нефтехимической отрасли. Для этого используем рассчитанный по зеркальным данным дисконт на поставляемую в Китай российскую нефть (см. рис. 4), который, как видим, имел место с апреля 2022 г. по январь 2024 г. Введем соответствующую вторую дамми-переменную. В качестве рыночных факторов логично определить общий спрос на импортные полимеры в Китае, который можно учесть через простой объем ежемесячного импорта, а также общую конъюнктуру мирового рынка, которую можно учесть через отношение импортных цен на полимеры и на сырую нефть². Как и в случае с исследуемыми рядами отношений импортных цен на полимеры, подвергнем факторные ряды сглаживанию полиномиальными трендами, а общую регрессионную зависимость будем предполагать мультипликативной, то есть итоговый дисконт будем рассчитывать как произведение отдельных составляющих. При логарифмировании такая зависимость сводится к обычной линейной регрессии.

Источник: составлено по: данные ИТС Trade Map.

Рис. 4. Средние импортные цены на нефть в Китае, долл./т

² Нефтехимия Китая, как и многих других стран, использует импортное нефтяное сырье, тогда как производители полимеров в России потребляют большие ресурсы существенно более дешевого и технологически эффективного газового сырья (этан, пропан, пропан-бутановые смеси). Однако полноценно конвертировать меньшую себестоимость в большую рыночную долю, особенно, при дорогом сырье, невозможно из-за «не вполне совершенной» конкуренции с китайскими компаниями на рынке КНР.

Использование даже самых простых моделей только с константой и двумя дамми-переменными позволило в трех из четырех случаев получить статистически корректные описания динамики дисконтов на российские полиолефины. Очевидно, что в данном случае мультипликативная зависимость может быть переписана в виде простой суммы коэффициентов (см. табл. 1).

Таблица 1

Параметры регрессионных не-факторных аддитивных моделей динамики дисконтов на российские полимеры

Полимер	Константа	d1	d2	R2
ПЭНП	0,93	-0,08	-0,02	0,87
ЛПЭНП	0,80	-0,05	-0,06	0,74
ПЭВП	0,91	-0,06	не значима	0,53
ППг	0,89	-0,07	-0,06	0,81

Примечание: d1 – дамми с марта 2022 г.; d2 – дамми с апреля 2022 г. по январь 2024 г.; R2 – статистическая характеристика качества полученной модели.

Источник: рассчитано автором.

Упрощенно данная модель позволяет описать «постоянное» соотношение цен как 0,9 (дисконт в 10%), которое после начала боевых действий снизилось еще на 0,06–0,07 (первая дамми), а в период повышенных рисков вторичных санкций для отраслевых контрагентов – дополнительно на 0,02–0,06 (вторая дамми), до значений 0,8 и ниже.

Введение в модель двух факторных переменных (объем импорта Китаем из всех стран и соотношение цен на полимеры и нефть) позволяет повысить точность описания динамики, а также выявить характер влияния на отношение цен спроса на полимеры в Китае и общей конъюнктуры рынка соответствующих полимеров. Для исключения незначимых переменных используем р-значение статистики линейной регрессии (см. табл. 2).

Как можно видеть, для ЛПЭНП и ПЭВП соотношение цен на полимеры и импортируемую нефть является незначимым фактором, а для ППг становится незначимой дамми d2 (в простой не-факторной модели она была значима, см. табл. 1). Таким образом, в итоговых моделях линейной регрессии для ПЭНП оказываются значимыми все факторы, для ЛПЭНП незначимо отношение цен к цене нефти, для ППг – дамми d2, а для ПЭВП, динамика цен которого хуже всего описывается моделями, незначимы оба упомянутых фактора, а значимы только объемы импорта и «военная» дамми d1.

Подробные статистические характеристики полученных моделей приведены в Приложении. Напомним, что в линейной регрессии

Таблица 2

**R-значение и R2 моделей линейной регрессии динамики дисконтов
на российские полимеры в КНР. Логарифмированные
полиномиальные тренды**

Полимер	Константа	Vol	Roil	d1	d2	R2
ПЭНП	0,011854	0,002867	0,000349	4,83E-17	0,038513	0,90
ЛПЭНП	3,82E-05	0,002382	0,7102	0,006501	1,81E-07	0,84
ПЭВП	0,070028	0,056068	0,859953	1,14E-07	0,251459	0,58
ППГ	1,11E-08	1,44E-09	1,41E-08	1,47E-10	0,529999	0,89

Примечание: Vol – объем импорта; Roil – отношение цен на полимеры к импортной цене на нефть в КНР; d1 – дамми с марта 2022 г.; d2 – дамми с апреля 2022 г. по январь 2024 г.; R2 – статистическая характеристика качества полученной модели.

Источник: рассчитано автором.

участвуют не исходные ряды показателей, а их логарифмированные полиномиальные тренды, поскольку зависимость дисконтов на полимеры от рыночных и нерыночных факторов предполагается мультипликативной. После учета внеэкономических факторов, которые описываются двумя дамми-переменными, влияние факторов конъюнктуры (спроса на импортный полимерный гранулят соответствующих видов в КНР и отношение цен на него к цене импортируемой нефти) оказывается разнонаправленным. Если отношение цен на полимеры к цене на нефть ожидаемо влияет на отношение цен на российские полимеры к средней импортной цене положительно (то есть чем более дорогие полимеры относительно нефти, тем дисконт меньше), то спрос на импортные полимеры в КНР в трех из четырех случаев (кроме ЛПЭНП) влияет на соотношение цен отрицательно, то есть чем больше объем импорта, тем больший дисконт к средней цене получают китайские покупатели от российских поставщиков.

Выводы

Проведенный регрессионный анализ показал решающее влияние на динамику дисконтов на российские полиэтилен и полипропилен в Китае внеэкономических факторов – начала масштабных боевых действий на Украине в 2022 г. и последующего периода повышенных отраслевых санкционных рисков. Можно предположить, что и ранее наблюдавшееся отношение цен на российские полиолефины к средне-импортным для КНР также вызвано определенными внеэкономическими причинами.

Исследование дополнительного влияния на динамику дисконтов факторов рыночной конъюнктуры – спроса на импортные полиолефины в КНР и отношение цен на них к цене импортной нефти – пока-

зало выраженное позитивное влияние на цены российских поставщиков второго показателя и негативное влияние первого. Относительное удорожание полимеров, то есть ситуация, при которой потребители вынуждены больше платить за продукцию не в силу увеличения стоимости сырья для ее выпуска, а из-за большой потребности, способствует уменьшению требуемых от российских поставщиков дисконтов, что вполне соответствует рыночной логике. Однако объяснить наблюдаемое негативное влияние увеличения импорта полимерного гранулята на относительные цены российских компаний на китайском рынке гораздо труднее. Такая ситуация характерна для «рынка покупателя», где увеличение объемов потребления достигается путем снижения цены, но при ненарушенной конкуренции этот фактор одинаково действует на всех поставщиков, а не только (в нашем случае) на российские компании.

Заключение

В 2024 г. высшим руководством Российской Федерации была поставлена задача увеличить несырьевой экспорт страны к 2030 г. на две трети³. Источники увеличения могут быть различными, однако один из них очевиден – уменьшение потерь от дисконтов на российскую продукцию на ключевых рынках. Только на китайском рынке полиолефинов недополученная российскими экспортерами выручка может быть оценена в 100–140 млн долл. ежегодно (см. табл. 3).

В самом ближайшем будущем как на российском, так и на китайском рынке полиолефинов ожидаются существенные изменения. В КНР планируются к запуску новые нефтехимические комбинаты, которые к 2030 г. доведут отношение мощностей к потреблению ПЭВП до 94%, а ЛПЭНП до 109% [15]. На рынке полипропилена Китай уже в 2024 г. начал превращаться в нетто-экспортера, а со скорым запуском нескольких млн т новых мощностей потребность в импорте уменьшится еще больше⁴. Это не самый благоприятный фон для уменьшения дисконтов российских поставщиков и перехода к среднерыночным ценам. Перенаправление объемов с китайского рынка в другие крупные страны-потребители существенно не изменит положение дел, потому что, во-первых, масштабное увеличение предложения крупнотоннажных полимеров ожидается не только в Китае⁵, а во-вторых, многолетняя практика про-

³ <https://www.kommersant.ru/doc/6759684>.

⁴ <https://cilive.com/commodities/chemicals/news-and-insight/051024-china-turns-pp-net-exporter>

⁵ <https://www.mrc.ru/news/413825-mirovie-moschnosti-po-proizvodstvu-polietilena-znachitelno-virastut-k-2028-godu>

Таблица 3

Разница между поставками полиолефинов в Китай с расчетным дисконтом и без такового

Полимер	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
ПЭНП	5,1	6,2	3,0	10,7	25,8	13,7
ЛПЭНП	0,9	36,8	26,4	44,4	33,4	26,9
ПЭВП	3,2	52,5	33,0	32,6	16,7	29,9
ППг	18,3	16,1	1,6	44,6	41,6	14,6
ППс	—	—	—	5,2	10,3	11,1
Всего	27,6	111,6	64,0	137,6	127,7	96,2

Источник: рассчитано автором по данным ITC Trade Map.

даж российской полимерной продукции с большими скидками характерна, в частности, для экспорта в Турцию и Индию [8].

Между тем, согласно стратегическому плану развития химической отрасли, составленному в 2012–2014 гг., к 2030 г. в России должно производиться 9,6 млн т полиэтилена, а чистый экспорт должен составить 7 млн т [4, с. 51]. Даже экстраполяция выпуска этилена (мономера полиэтилена) с помощью параболического тренда приводит к куда меньшим значениям – 7,5 млн т в 2028 г. и расчетные 8,5 млн т в 2030 г. [3, с. 66]. Реально в разной стадии реализации находятся проекты существенно меньшей суммарной мощности, но даже их будущее вызывает вопросы. Авторы констатируют перепроизводство базовых полимеров в России при дефиците специальных пластиков [6], а на фоне бума мировых инвестиций в выпуск полиолефинов, в том числе в США, ряд отраслевых экспертов и вовсе приходит к выводу, что «создание новых нефтехимических мощностей просто не имеет смысла, если внутри страны не будет обеспечен растущий спрос на их продукцию» [11, с. 17].

Стратегия завоевания внешних рынков путем поставок продукции с дисконтом при компенсации потерь за счет внутреннего рынка известна с позапрошлого века, тогда же стала очевидна ее неуспешность [2]. В российских условиях ограничения внутреннего спроса на полиолефины очевидны – насыщение потребительского рынка при стагнации реальных доходов населения и неблагоприятных демографических трендах, слабое развитие потребляющих секторов машиностроения, зависимость немногих растущих рынков от динамики строительства. В долгосрочной перспективе внутренний спрос не может быть устойчивой базой для международной экспансии российских полиэтилена и полипропилена. Для этого необходимо коренное изменение системы торговых отношений страны и ее места в глобальных цепочках создания добавленной стоимости.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Вестник химической промышленности. Ежекварт. обозрение. 2000, № 2 (14). М.: НИИТЭХИМ, 2000. [Bulletin of chemical industry. No. 2 (14). М.: НИТЕСЕМ, 2000. (In Russ.).]
2. Гловели Г.Д., Спадерова А.А. Перипетии «воспитательного протекционизма» // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 62–81. [Gloveli G., Spaderova A. Peripetetics of “tutelary protectionism” // Issues of economic theory. 2019. No. 2. Pp. 62–81. (In Russ.).] DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10205. EDN: DSHZZI.
3. Гулина С.Т. Рынок этилена в России: обзор, анализ, перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 1. № 10. С. 60–67. [Gulina S.T. Ethylene market in Russia: overview, analysis, prospects // Economics and management: problems, solutions. 2024. Vol. 1. No. 10. Pp. 60–67. (In Russ.).] DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.01.007. EDN: EGJСIT.
4. Дерушкин Д.О., Хазова Т., Гатунок А. Нефтегазохимия: реалии и вызовы // Энергетическая политика. 2020. № 11. С. 40–55. [Derushkin D., Khazova T., Gatunok A. Petrochemicals: realities and challenges // Energy policy. 2020. No. 11. Pp. 40–55. (In Russ.).] DOI: 10.46920/2409-5516_2020_11153_40. EDN: NWHMQM
5. Карпов А.Л. Конкурентная позиция отечественной нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2010. № 3. С. 48–53. [Karpov A.L. Competitive position of oil-processing and petrochemical branches of Russian economy // Bulletin of Omsk university. Series: Economics. 2010. No. 3. Pp. 48–53. (In Russ.).] EDN: NAWSZB.
6. Крюков В.А., Шмат В.В. Нефтегазохимия на востоке России – драйвер роста или балласт? // Регион: экономика и социология. 2020. № 3. С. 270–300. [Kryukov V.A., Shmat V.V. Petrochemical industry in the Russian East – driving the economy of dragging in down? // The region: economy and sociology. 2020. No. 3. Pp. 270–300. (In Russ.).] DOI: 10.15372/REG20200311. EDN: FLZQFN.
7. Огрель Л. Как выстоял полиэтилен // ИнфоТЭК. 2024. 24 июня. [Ogral L. How the polyethylene has withstood // InfoТЕК. 2024. June 24. (In Russ.).] <https://itek.ru/reviews/kak-vystoyal-polietilen>
8. Рязанов В. Химия пошла на размен // Эксперт. 2021. № 41. С. 41–43. [Ryazanov V. Chemicals for exchange // Expert. 2021. No. 41. Pp. 41–43. (In Russ.).] <https://monocle.ru/expert/2021/41/khimiya-poshla-na-razmen>
9. Рязанов В. Что мы нахимичили // Эксперт. 2021. № 4. С. 40–47. [Ryazanov V. What chemistry we have made // Expert. 2021. No. 4. Pp. 40–47. (In Russ.).] <https://monocle.ru/expert/2021/04/chto-mi-nakhimichili>
10. Савинская М.Э. Причины спада и предпосылки возрождения химического комплекса России // Проблемы Прогнозирования. 2000. № 3. С. 34–43. [Savinskaya M.E. Causes of decline and reasons of revival of chemical industry of Russia // Problems of forecasting. 2000. No. 3. Pp. 34–43. (In Russ.).] EDN: HRTEAH.
11. Сергеева О.А., Булискерия Г.Н., Петрушкин С.И. Российская нефтегазохимия – время роста // Проблемы экономики и управления нефтегазовым сектором. 2021. № 2. С. 11–19. [Sergeeva O.A., Buliskeriya G.N., Petrushkin S.I. Russian petrochemical industry – the time of growth // Problems of economics and management of oil and gas sector. 2021. No. 2. Pp. 11–19. (In Russ.).] DOI: 10.33285/1999-6942-2021-2(194)-11-19. EDN: CCNINF.

12. Стрельникова Л. Главный химик страны // Химия и жизнь. 2015. № 8. [Strelnikova L. The main chemist of the country // Chemistry and life. 2015. No. 8. (In Russ.).] <https://www.hij.ru/read/issues/2015/august/5543>
13. Череповицын А.Е., Рядинская А.П. Потенциал развития рынка газохимии в России и в мире: на примере технологической цепочки по производству полистирола // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 12. С. 5949–5962. [Cherepovitsyn A.E., Riadinskaya A.P. The potential for the development of the gas chemistry market in Russia and in the world: the case of technological chain for the polystyrene production // Economy, business and law. 2023. Vol. 13. No. 12. Pp. 5949–5962. (In Russ.).] DOI: 10.18334/epp.13.12.120188. EDN: FRLQZX.
14. Шураков А. Перспективы российских полимеров // Деловой журнал Neftegaz.ru. 2021. № 1. С. 20–26. [Shurakov A. Prospects of Russian polymers // Neftegaz.ru business journal. 2021. No. 1. Pp. 20–26. (In Russ.).] <https://magazine.neftegaz.ru/articles/pererabotka/661200-perspektivy-rossiyskikh-polimerov/> EDN: ADDWOH.
15. Richardson J. The big changes in China's LLDPE market and what could happen next // ICIS. 2025. January 29. <https://www.icis.com/asian-chemical-connections/2025/01/the-big-changes-in-chinas-lldpe-market-and-what-could-happen-next>

Дата поступления рукописи: 18.03.2025 г.

Дата принятия к печати: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рязанов Влас Александрович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
vlas.ryazanov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vlas A. Ryazanov – Cand.Sci. (Geogr.), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vlas.ryazanov@gmail.com

FACTORS OF PRICING OF RUSSIAN POLYETHYLENE AND POLYPROPYLENE ON CHINESE MARKET

The author studies the ratio of import prices for individual grades of Russian polyethylene and polypropylene in China to the average for all suppliers to this market in monthly dynamics. The regression analysis provided correct models of the dependence of this indicator on non-economic (the events of February 2022) and market factors, which showed the decisive contribution of geopolitical reasons to the increase in discounts on all Russian polyolefins from 10% to more than 20%. The negative impact of total import volumes on the pricing of Russian polymers in China, which is thus a “buyer’s market” for Russian companies, has been revealed. The described phenomenon is stable, spreads to other large markets for Russian polymers, creates risks for the long-term development of the industry and requires corrective measures of the country’s trade policy.

Keywords: *Russia, China, export, polyethylene, polypropylene, prices, regression analysis.*

JEL: C22, F14, L65.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П1

Характеристики модели линейной регрессии дисконта
на российский полиэтилен низкой плотности (ПЭНП) в Китае.
Логарифмированные полиномиальные тренды

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	0,637294782	0,246331725	2,587140498	0,011853612
Vol	-0,137204927	0,044324237	-3,095483108	0,002867325
Roil	0,05761513	0,015288572	3,768509545	0,00034921
Дамми d1	-0,089197216	0,007946241	-11,22508274	4,82766E-17
Дамми d2	-0,014062427	0,006661721	-2,110930096	0,038513392

Таблица П2

Характеристики модели линейной регрессии дисконта
на российский линейный полиэтилен (ЛПЭНП) в Китае.
Логарифмированные полиномиальные тренды

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	-1,43308849	0,218520241	-6,558149879	1,85364E-08
Vol	0,194393149	0,035194635	5,523374542	8,93591E-07
Дамми d1	-0,070536236	0,011413521	-6,180058974	7,73164E-08
Дамми d2	-0,075729895	0,011896699	-6,365622431	3,84061E-08

Таблица П3

Характеристики модели линейной регрессии дисконта
на российский полиэтилен высокой плотности (ПЭВП) в Китае.
Логарифмированные полиномиальные тренды

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	0,610427227	0,274025407	2,227630035	0,029168905
Vol	-0,108389942	0,042291341	-2,5629346	0,01256361
Дамми d1	-0,109129388	0,016561632	-6,58928944	7,32216E-09

Таблица П4

Характеристики модели линейной регрессии дисконта
на российский полипропилен (ППг) в Китае.
Логарифмированные полиномиальные тренды

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	1,644532098	0,172991914	9,506410189	4,14583E-14
Vol	-0,362565521	0,034740167	-10,43649343	9,25731E-16
Roil	0,320641137	0,037394661	8,574516388	1,98601E-12
Дамми d1	-0,105148412	0,01246938	-8,432528974	3,59284E-12

О.Д. ИСМАГИЛОВА

научный сотрудник Института мировой экономики и финансов
Всероссийской академии внешней торговли

В.Н. ПОПОВА

научный сотрудник Института мировой экономики и финансов
Всероссийской академии внешней торговли

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА ПО РАЗВИТИЮ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

В статье рассматриваются основные характеристики участия стран в глобальных производственных цепочках, ключевые виды, степень их влияния на мировую торговлю. Анализируется текущий характер вовлеченности РФ и Казахстана в глобальные цепочки добавленной стоимости, а также доля иностранной добавленной стоимости в металлургической отрасли РФ и Казахстана. Изучены текущие показатели торгово-экономического взаимодействия обеих стран, в том числе сотрудничество в сфере инвестиций. Особое внимание уделяется изучению металлургической отрасли Казахстана как одного из приоритетных направлений промышленного производства, а также статистических данных относительно экспорта и импорта отдельных видов продукции горнометаллургической отрасли Казахстана. В статье рассматриваются перспективы расширения сотрудничества РФ и Казахстана в сфере металлургии, а также выделены отдельные виды товаров для металлургии, по которым РФ обладает нереализованным экспортным потенциалом на рынке Казахстана.

Ключевые слова: *РФ, Казахстан, металлургия, экспорт, импорт, ЦДС, восходящее и нисходящее участие, промышленное производство, сырье, критические товары.*

УДК: 339.5, 339.9

EDN: WNQBCE

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_161_180

Введение

По данным Всемирного банка на 2024 г., 57% мирового валового внутреннего продукта (ВВП) приходится на торговлю¹. При этом около 70% международной торговли осуществляется через глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС) в связи с тем, что услуги, сырье, детали и компоненты часто пересекают не одну границу на пути к созданию конечного продукта [1, с. 1]. Исследования последних лет показывают положительную корреляцию между всеми видами участия в ГЦДС и экономическим ростом, а также влияние участия в ГЦДС на снижение подверженности рискам² (вследствие роста дифференциации рынка) и уровня неравенства в развивающихся странах в долгосрочной перспективе [2, с. 33], [3, с. 24]. ГЦДС содействуют передаче технологий, созданию новых рабочих мест в формальном секторе экономики и росту заработных плат, в особенности для низкоквалифицированных трудящихся в развивающихся экономиках [4, с. 297].

В то же время эксперты отмечают, что глобальные цепочки поставок со временем стали менее диверсифицированными. Так, по оценкам экономистов ВТО на основе макроэкономических данных, 19% мирового экспорта приходится на «bottleneck» продукцию («с узким горлышком»), поставки которой осуществляются ограниченным числом экспортеров, но при этом на которую приходится большая доля рынка. За последние два десятилетия доля такой продукции удвоилась. Таким образом, торговля обеспечивает доступ к критически важным товарам, для которых трудно найти заменители внутри страны [5, с. 29].

Участие в глобальных производственных цепочках определяется такими характеристиками, как: обеспеченность страны факторами производства, география, политическая стабильность, либеральная торговая политика, приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и внутренний промышленный потенциал [6, с. 2].

Выделяют 2 вида участия в ГЦДС [7, с. 2]:

– восходящее (forward) участие представляет собой сторону «продавца» / поставщика в ГЦДС и определяется как отношение внутренней добавленной стоимости, отправленной в третьи страны для дальнейшей переработки и экспорта в рамках цепочек поставок, к общему валовому экспорту страны;

¹ World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZSk> (дата обращения: 15.02.2025)

² Integration in global value chains might not increase exposure to risk after all. <https://cepr.org/voxeu/columns/integration-global-value-chains-might-not-increase-exposure-risk-after-all> (дата обращения: 26.03.2025)

– нисходящее (backward) участие – это привлечение ресурсов в качестве «покупателя», когда страна импортирует промежуточные товары для производства на экспорт. Определяется как отношение иностранной добавленной стоимости в экспорте к общему валовому экспорту страны.

Таким образом, страны участвуют в ГЦДС посредством восходящих связей (экспортируя стоимость) или нисходящих связей (преимущественно импортируя стоимость) [8, с. 4]. Высокая доля нисходящего участия характерна для стран, в экспорте которых преобладают товары с высокой добавленной стоимостью, и сопровождается высоким уровнем локализации перерабатывающих, смежных и обеспечивающих производств [9, с. 29]. В то же время восходящие связи характеризуют экспортноориентированную модель развития, когда экспортируются товары с невысокой добавленной стоимостью (как правило, сырьевые ресурсы), и импортируется готовая продукция с высокой добавленной стоимостью из ранее экспортированного сырья. ПИИ оказывают значительное влияние на участие в ГЦДС, при этом переходу от восходящего участия в ГЦДС к нисходящему способствуют внутренние инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) [8, с. 28], [10, с. 20].

Металлургия входит в топ-3 отраслей с самым высоким индексом фрагментации производства [11, с. 14]. Для производства металлов и металлической продукции в среднем характерны более длинные цепочки добавленной стоимости в сравнении со многими другими отраслями (например, деревообработкой, химическим производством, пищевой промышленностью).

Текущий характер вовлечения России и Казахстана в ГЦДС является преимущественно сырьевым. По данным Всемирной торговой организации (ВТО), в 2022 г. доля иностранной добавленной стоимости (foreign value-added или FVA content) в экспорте металлургической отрасли РФ составляла 7,7%, Казахстана – 8,7%³. Данный показатель определяет восходящее участие в ГЦДС – экспортную специализацию в сырьевом секторе, и является достаточно низким в сравнении с другими странами. При этом для обеих стран характерно постепенное увеличение нисходящего участия в ГЦДС – среднегодовой рост показателя FVA за период 2017–2022 гг. был на уровне 5% для России и 6,7% для Казахстана⁴.

Россия является одним из лидеров в мировых цепочках создания стоимости металлургической отрасли. Так, по данным ВТО,

³ Global value chains (CVC) dashboard (WTO). https://stats.wto.org/dashboard/gvc_en.html

⁴ Там же.

в 2022 г. в глобальном экспорте металлургической отрасли на РФ пришлись доли в 1,5% (31,6 млрд долл. США) и 1,4% (30 млрд долл. США) общей добавленной стоимости, созданной металлургическим сектором и горнодобывающей промышленностью соответственно. По показателю доли, которую экспорт металлургической отрасли вносит в ГЦДС по отношению к суммарному экспорту отрасли, РФ находится на втором месте в мировом рейтинге – 45,6%. Российские металлургические компании занимают лидирующие позиции на мировом сталелитейном рынке, имеют разветвленные сети ГЦДС и владеют активами в других регионах мира (Африке, Европе, Америке) [12, с. 122].

Россия обладает одними из крупнейших в мире разведанных запасов редких металлов (в т.ч. лития, бериллия, редкоземельных металлов), сырьевой потенциал которых является ключевой базой для развития новых технологий⁵. В 2022 г. объем добычи железных руд в России достиг 324 млн т (4% мирового производства), никеля – 278 тыс. т (7% соответственно), кобальта – 12 тыс. т (5%), меди – 1 млн т (4%), золота – 421 т (10%), серебра – около 3 тыс. т (6%), платиноидов – 135 т (27%). Таким образом, ресурсный фактор предопределяет сравнительные преимущества РФ на мировом рынке, в том числе в сфере металлургии. Металлургический сектор России вносит вклад в российский ВВП на уровне 5%, занятость населения – 3%, экспорт – 10%, в добавленную стоимость смежных отраслей промышленности – 17%, в экспорт смежных отраслей – 30% [12, с. 1].

Металлургическая отрасль России в последние годы столкнулась с санкционными ограничениями в отношении осуществления инвестиций, доступа к технологиям и мировому рынку.

Несмотря на введение санкций в отношении РФ, сотрудничество с Казахстаном продолжает развиваться. По данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам (БНС АСПР) Республики Казахстан⁶, в 2024 г. товарооборот с РФ составил 27,8 млрд долл. США (+2,7% по сравнению с прошлым годом) или 19,7% от общего объема внешней торговли товарами страны. В общем объеме внешнеторгового оборота Республики Казахстан со странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на долю РФ пришлось более 90%.

⁵ Правительство РФ. Распоряжение от 11 июля 2024 г. №1838-р «О Стратегии развития минерально-сырьевой базы РФ до 2050 г.» <https://docs.cntd.ru/document/1306809418?marker=65E0IS> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/publications/280982/?sphrase_id=265076 (дата обращения: 20.03.2025).

По итогам 2023 г. Россия заняла второе место по валовому притоку инвестиций в Казахстан, удельный вес России в валовом объеме привлеченных инвестиций в Казахстан увеличился до 14,2%⁷. Суммарный объем привлеченных инвестиций РФ в казахстанскую экономику превысил 24 млрд долл. США, при этом за последние 2 года было проинвестировано более 4,5 млрд долл. США⁸. В Казахстане действует около 24 тысяч компаний с российским участием – это примерно половина всех предприятий с зарубежным капиталом в Республике⁹. На стадии реализации находятся 67 совместных проектов (стоимостью около 14 млрд долл. США) в различных секторах экономики, включая металлургию¹⁰. Казахстан является партнером РФ по различным интеграционным объединениям, включая ЕАЭС, Шанхайскую организацию сотрудничества и Содружество Независимых Государств (СНГ).

Металлургическая отрасль Казахстана и участие России в текущих цепочках

Казахстан имеет развитую горнодобывающую промышленность и в настоящее время является одним из ведущих мировых производителей урана, хромита, угля, железа и стали, меди и цинка. По запасам золота Казахстан занимает десятое место в мире и третье в СНГ после России и Узбекистана. Казахстан, как и Россия, входит в топ-10 стран по добыче железной руды в мире [13, с. 99]. За 2024 г. в Казахстане было добыто 280,7 млн т металлических руд¹¹. В более чем 230 горнорудных и металлургических компаниях Казахстана занято около 273 тыс. человек [14, с. 80].

В 2024 г. в металлургической отрасли Казахстана наблюдался¹² рост – объем производства в черной металлургии вырос на 10,8% (уве-

⁷ Министерство экономического развития РФ. Дмитрий Вольвач: российские инвестиции в Казахстан в 1 квартале 2024 г. выросли на 20%. Сентябрь, 2024. clck.ru/3MwDbV (дата обращения: 12.01.2025).

⁸ The Embassy of the Russian Federation to the Republic of Kazakhstan. Press statements by President of Russia and President of Kazakhstan, November 2024. https://kazakhstan.mid.ru/en/press-centre/news/press_statements_by_president_of_russia_and_president_of_kazakhstan/ (дата обращения: 12.01.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Kazakhstan: PM heads to Moscow with pledges of deepening cooperation (Eurasianet). <https://eurasianet.org/kazakhstan-pm-heads-to-moscow-with-pledges-of-deepening-cooperation>

¹¹ Global Material Flows Database. <https://www.resourcepanel.org/global-material-flows-database>.

¹² Информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. Итоги года: промышленная модернизация и поддержка отечественного производителя как основы устойчивого экономического роста. Декабрь, 2024. <https://primeminister.kz>

Таблица 1

Показатели промышленного производства
в товарно-отраслевом разрезе в Казахстане

ОКПД2	Название отрасли	Производство в 2023 г. (млн долл.)	Доля отрасли в промышленном производстве в 2023 г., %	Доля импорта в промежуточном потреблении 2022 г., %
24–25	Производство металлов и металлических изделий	27426,5	20,0	7,9
28	Производство машин и оборудования, прочих	2301,5	1,7	15,0
29–30	Транспортные средства, включая автопром	3194,9	2,3	25,3

Источник: рассчитано авторами по: данные Азиатского банка развития (Input-Output Tables for Asia and the Pacific. Asian Development Bank. <https://www.adb.org/what-we-do/data/regional-input-output-tables> (дата обращения: 22.02.2025); БНС АСПР (Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/publications/280982/?sphrase_id=265076 (дата обращения: 20.03.2025).

личился выпуск ферросплавов, стали, плоского проката и чугуна), цветной – на 4,8% (выросло производство меди, цинка, свинца и алюминия).

В 2023 г. в структуре промышленного производства Казахстана доля металлургического производства (согласно общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности – ОКПД2 – группы 24–25 – металлы основные и изделия металлические готовые, кроме машин и оборудования) составила 20% (см. табл. 1). Производство металлов и металлических изделий является второй по значимости отраслью казахстанской промышленности после добычи полезных ископаемых. На горнодобывающий сектор приходится 13,5% ВВП страны¹³. Согласно данным БНС АСПР, в 2024 г. рост метал-

[kz/ru/news/reviews/itogi-goda-promyshlennaya-modernizatsiya-i-podderzhka-otechestvennogo-proizvoditelya-kak-osnovy-ustoychivogo-ekonomicheskogo-rosta-29466](https://stat.gov.kz/ru/news/reviews/itogi-goda-promyshlennaya-modernizatsiya-i-podderzhka-otechestvennogo-proizvoditelya-kak-osnovy-ustoychivogo-ekonomicheskogo-rosta-29466) (дата обращения: 12.01.2025).

¹³ Канжанов Н. ВВП Казахстана в 2024 г.: аномальный рост торговли, металлургия и снижение добычи нефти. 18 декабря, 2024. <https://forbes.kz/articles/vvp-kazahstana-v-2024-m-anomalnyy-rost-torgovli-metallurgiya-i-snizhenie-dobychi-nefti-e949fc>.

дургического производства и готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, составил 6,9 и 28,5% соответственно¹⁴.

Данные по импорту в промежуточном потреблении указывают на относительно невысокий показатель зависимости по рассматриваемой отрасли – в 2023 г. он составил почти 8%¹⁵ (см. табл. 1). Низкий уровень зависимости от внешних поставок металлов для промежуточного потребления может быть обусловлен значительными запасами природных ресурсов в стране с высокой концентрацией в таких регионах, как:

- Костанайская область (крупное месторождение железной руды);
- Восточный Казахстан (сосредоточение золота, серебра, цинка и свинца);
- Карагандинская область (концентрация угля, железной руды и меди);
- Кызылординская область (запасы урана);
- Актюбинская область (марганец и хромовые руды);
- Мангистауская область (уран) и др.

Крупнейшими компаниями горнометаллургического комплекса Казахстана являются¹⁶:

- Eurasian Resources Group (производит алюминий, чугун, сталь, ферросплавы);
- KAZ Minerals (производит медь);
- «Казцинк» (производит свинец, цинк, олово);
- «Казахмыс» (производит медь).

Согласно расчетам показателя индекса проникновения импорта (ИПИ)¹⁷, в 2021 г. его значение в отношении металлургического произ-

¹⁴ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-industrial-production/publications/289950/> (дата обращения: 22.03.2025).

¹⁵ Данные по доле импорта в промежуточном потреблении взяты из таблиц Затраты-Выпуск. Показатель рассчитывается как отношение импортных товаров промежуточного потребления (в рамках производственного процесса) к общему объему таких товаров. Отрасль, производящая товар, демонстрирует высокий показатель импортозависимости производства, если доля импорта в промежуточном потреблении больше 50%.

¹⁶ *Машиев А.* Ренкинг крупнейших компаний горно-металлургического комплекса от Kursiv Research. Research / Газета Kursiv № 36. 2024. 26 сентября. <https://kz.kursiv.media/2024-09-26/print1053-rmch-ranking/> (дата обращения: 20.01.2025).

¹⁷ Для выявления рисков в цепочках поставок металлургической отрасли Казахстана авторы сформировали перечни критических товаров на основе рассчитанных показателей зависимости от импорта (ИПИ на основе расчета чистого импорта) и концентрации импорта. ИПИ показывает степень зависимости внутреннего потребления товаров от поставок из-за рубежа. Расчет осуществляется по формуле: $IP = IMi / (IMi + DPi - Exi)$, где IMi – импорт товаров i -ой группы, DPi – внутреннее

водства, а также добычи металлических руд было весьма незначительным по сравнению с показателями других товарных групп – 11 и 8% соответственно (см. табл. 2). Значительные запасы металлов и природных ресурсов в Казахстане стимулируют спрос на оборудование, которое активно используется в металлургической отрасли. На фоне дефицита собственных производственных мощностей и их ограниченных возможностей, а также стремления снизить себестоимость производства продукции путем использования импортного оборудования по низкой рыночной стоимости для производства товаров с высокой добавленной стоимостью в стране наблюдается достаточно высокий показатель ИПИ в отношении производства готовых металлических изделий (61%) (см. табл. 2).

Таблица 2

ИПИ по отдельным отраслям в Казахстане в 2021 г.

ОКПД2	Название	ИПИ, %
28	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	88
25	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	61
29	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	39
24	Производство металлургическое	11
07	Добыча металлических руд	8

Примечание: в таблице приведены отрасли производства машин и оборудования и автотранспортных средств в качестве примеров, для сравнения показателей ИПИ с металлургией.

Источник: рассчитано авторами по: данные БНС АСПР. Статистика промышленного производства Казахстана. <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-industrial-production> (дата обращения: 23.02.2025).

Объем внутреннего материального потребления (Domestic Material Consumption – DMC) изделий из металлов в Казахстане составил

производство товаров i -ой группы, Exi – экспорт товаров i -ой группы. С учетом отсутствия доступа к детализированной статистике по производству отдельных товарных групп, использовались данные, агрегированные на двух знаках ОКПД2. Высокими считаются показатели ИПИ более 50%.

в 2024 г. около 985 тыс. т, а непосредственный расход материалов (Domestic Material Input – DMI¹⁸) – 1,4 млн т¹⁹.

Согласно данным ИТС²⁰, в 2023 г. Казахстан экспортировал недргоценных металлов и изделий из них (товарные группы 72–83) на 9,6 млрд долл., что составило 12% суммарного экспорта страны, а импортировал данной продукции – на 5,6 млрд долл. – таким образом на недргоценные металлы и изделия из них пришлось 9% импорта Казахстана (см. табл. 3).

Россия является ведущим поставщиком недргоценных металлов и изделий из них в Казахстан – в 2023 г. из РФ было импортировано данной продукции на 3,3 млрд долл. Основным экспортным рынком для казахстанских недргоценных металлов и изделий из них является КНР, РФ – второй крупнейший рынок (в 2023 г. в РФ было импортировано продукции на 1,8 млрд долл.). В 2023 г. на Казахстан пришлось 3,2% мирового экспорта цинка и изделий из него (товарная группа 79).

Таким образом, имеющиеся статистические данные свидетельствуют о том, что в экспорте Казахстана преобладающую роль играет сырьевая продукция металлургической отрасли, в импорте – готовые металлические изделия из черных металлов. При этом Россия является ключевым поставщиком в Казахстан как самих черных металлов, так и изделий из них.

Согласно анализу ключевых программных документов Республики Казахстан (Стратегия «Казахстан-2050», Прогноз социально-экономического развития Республики Казахстан на 2024–2028 гг. (первый этап), металлургическая отрасль является одним из приоритетных направлений промышленного производства страны и играет важную роль в удовлетворении внутренних потребностей, в частности в таких отраслях, как строительство (сталь, арматура и другие металлические изделия широко применяются в строительстве жилых объектов), машиностроение (медь и сталь активно используются в производстве транспортных средств), а также энергетика (алюминий и медь необходимы для производства турбин и кабелей)²¹.

Текущая индустриальная стратегия Казахстана предусматривает диверсификацию экономики, в том числе за счет сокращения сырье-

¹⁸ Показатель DMI складывается из материалов, созданных / извлеченных в стране + импортированные материалы / продукция. Показатель DMC характеризует используемый экономикой объем материалов и рассчитывается как DMI – экспортированные материалы / продукция.

¹⁹ Global Material Flows Database. <https://www.resourcepanel.org/global-material-flows-database>.

²⁰ ИТС Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx>.

²¹ Прогноз социально-экономического развития Республики Казахстан на 2024–2028 гг. <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/documents/details/470539?lang=ru> (дата обращения: 12.01.2025).

**Внешняя торговля Казахстана отдельными видами продукции
горнометаллургического комплекса**

Товар (товарная группа)	Объем экспорта Казахстана в 2023 г. (млн долл.)	Ключевая страна- импортер (доля в экспорте, %)	Объем импорта Казахстана в 2023 г. (млн долл.)	Ключевая страна- экспортер (доля в импорте, %)
Черные металлы (72)	4 347	РФ (30)	1 743	РФ (81)
Медь и изделия из нее (74)	3 224	КНР (59)	207	РФ (67)
в т.ч. рафинированная медь и необработанные медные сплавы (7403)	3 189			
Серебро (7106)	643	Велико- британия (69)	1	Италия (78)
Цинк и изделия из него (79)	604	КНР (45)	4	КНР (60)
Алюминий и изделия из него (76)	578	Азербайд- жан (27)	331	РФ (54)
Золото (7108)	431	Киргизия (60)	153	РФ (100)
Изделия из черных метал- лов (73)	334	РФ (64)	2 673	РФ (53)
Прочие недрагоценные металлы, металлокера- мика, изделия из них (81)	278	Франция (27)	61	Франция (34)
Свинец и изделия из него (78)	148	Вьетнам (48)	19	РФ (79)
Изделия из недрагоценных металлов и их части (82–83)	119	РФ (80)	550	КНР (39)
Ювелирные изделия и их части (7113)	24	ОАЭ (43)	168	РФ (45)

Источник: рассчитано авторами по: данные ГТС.

вого экспорта, производства продукции с более высокой добавленной стоимостью и совершенствования технологий. Поставлена задача налаживать смежные производства с приоритетом на продукцию

высоких переделов и максимальным использованием отечественного сырья и комплектующих²².

В Прогнозе социально-экономического развития Казахстана на 2024–2028 гг. (первый этап) в качестве приоритетов в черной металлургии выделено производство новых видов сложных сплавов, необходимых для тяжелого машиностроения, в цветной металлургии – производство сплавов из алюминия с добавлением титана и кремния для использования в машиностроении и авиационной промышленности.

Глубокая переработка металлов – одна из приоритетных сфер, в которых реализуются крупные инвестиционные проекты. В частности, среди крупнейших проектов:

- запуск первого в Казахстане завода по переработке вольфрама в Алматинской области;
- запуск горно-обогатительной фабрики в Жамбылской области (производит медный концентрат);
- строительство завода по производству катодной меди в Карагандинской области;
- планируемое производство горячебрикетированного железа в Костанайской области;
- создание металлургического кластера в Павлодарской области (производство ферросплавов, горячебрикетированного железа, стали);
- строительство медеплавильного завода в области Абай;
- строительство горно-обогатительного комбината по добыче и переработке лития в Восточно-Казахстанской области.

Среди текущих и перспективных кооперационных проектов в сфере черной и цветной металлургии между Россией и Казахстаном можно привести²³:

- *производство банок для продуктов питания*. ТОО «KazAlPack», с 2022 г. выпускающий алюминиевые банки, осуществляет закупки у российского АО «Арконик СМЗ» алюминиевой ленты, из которой производятся банки и крышки для банок;
- *развитие производства колес пассажирских и грузовых вагонов для работы в экстремальных условиях*. Единственное в Казахстане предприятие по выпуску цельнокатаных железнодорожных

²² Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм». https://kazembassy.ru/rus/press_centra/novosti/?cid=0&rid=5654 (дата обращения: 12.01.2025).

²³ Перечень реализуемых перспективных кооперационных проектов в черной и цветной металлургии и смежных отраслях в рамках ЕАЭС. https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/389/new_metall_cooperation.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

колес ТОО «Проммашкомплект» активно сотрудничает с российским Научно-исследовательским институтом железнодорожного транспорта (АО «ВНИИЖТ») по вопросам, связанным с производством стали, и готово участвовать в совместных проектах с другими профильными организациями с целью расширения ассортимента и повышения качества выпускаемой продукции;

- *развитие производства рельсов с увеличенным ресурсом эксплуатации.* Кооперационный проект предусматривает сотрудничество казахстанского ТОО «Актюбинский рельсобалочный завод» с российскими предприятиями ФГУП «ЦНИИчермет им. И.П. Бардина» (провели НИОКР) и АО «Уральская сталь» (производят непрерывнолитые заготовки).

По последним двум направлениям АО «Уральская Сталь» (входит в состав УК «Металлоинвест») выражала заинтересованность в расширении поставок высококачественной литой заготовки – для производства колес и рельсов.

Тем не менее, сдерживающим фактором в наращивании экспортных возможностей и дальнейшем развитии сотрудничества между РФ и Казахстаном в сфере металлургии могут стать санкции со стороны недружественных стран. Так, в марте 2025 г. на фоне прекращения поставок казахстанской хромовой руды приостановил работу Ново-троицкий завод хромовых соединений, который является одним из крупных промышленных производственных центров Оренбургской области²⁴.

Перспективы расширения сотрудничества России и Казахстана в сфере металлургии

Как уже отмечалось выше, Россия занимает лидирующие позиции в поставках на рынок Казахстана различных видов металлов и металлической продукции (черных металлов, меди, алюминия и изделий из них, а также золота). Можно выделить отдельные виды металлургической продукции, поставки которых относятся к критическим (с индексом концентрации импорта (ИКИ)²⁵ выше 0,9), по которым российские поставки являются преимуществен-

²⁴ Попова М. Оренбургский завод потерял казахстанского партнера из-за санкций. <https://inbusiness.kz/ru/last/orenburgskij-zavod-poteryal-kazahstanskogo-partnera-iz-za-sankcij> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁵ Рассчитывался авторами по формуле Херфиндаля-Хиршмана (определяется как сумма квадратов долей всех стран-поставщиков, из которых осуществляется импорт товара). Показатель принимает значения от 0 до 1 – чем выше индекс, тем выше концентрация импорта данного товара.

ными (занимают в импорте Казахстана от 94% до 100% по отдельным товарным группам). Выделенные товарные группы относятся к категории промежуточных и необходимы для производства различных видов продукции, включая транспортные средства, электрическое оборудование, трубы, а также кабели. Высокие показатели ИКИ наблюдались, в частности, для полуфабрикатов нелегированной стали, необработанного золота, нерафинированной меди, гладких горячекатаных прутков и другой продукции – по ним РФ является единственным, либо крупнейшим поставщиком на рынок Казахстана (см. табл. 4). Кроме того, РФ входит в топ-5 поставщиков в Казахстан различных видов оборудования, инструментов и их частей для металлургического производства – большая часть импортируемых изделий характеризуется средним либо высоким уровнем концентрации импорта.

Несмотря на высокую степень присутствия РФ на металлургическом рынке Казахстана, существуют возможности для дальнейшего расширения промышленной кооперации и наращивания РФ экспорта продукции, непосредственно связанной с черной и цветной металлургией. Так, проведенный анализ показал, что имеется нереализованный экспортный потенциал (НЭП)²⁶ по наращиванию Россией поставок ювелирных изделий и их частей, различной продукции из железа и стали, а также нерафинированной меди (см. табл. 5). Также РФ могла бы нарастить экспорт мельничных шаров – это продукт металлопроката, используемый при измельчении железной руды, руд цветных металлов и других видов продукции. Кроме того, существует НЭП у таких технических устройств и частей оборудования из РФ, как теплообменники, угольные электроды, литейные ковши, прокатные валки, некоторые виды металлорежущих станков. Высоким объемом НЭП обладает также российская электротехническая сталь – она используется в производстве магнитных сердечников, широко применяемых для различных видов электрооборудования.

²⁶ Авторы использовали данные Центра ЮНКТАД / ВТО по международной торговле (ИТС). Методика расчета показателя представлена в методологии ИТС: https://umbraco.exportpotential.intracen.org/media/cklh2pi5/epa-methodology_230627.pdf

Таблица 4

**Объемы импорта в Казахстан и ключевые поставщики продукции,
связанной с металлургией**

Код ТН ВЭД*	Наименование товарной группы/позиции	Объем импорта в 2023 г., тыс. долл. США	ИКИ	Ключевые страны-поставщики (доля в импорте %)
720720	Полуфабрикаты нелегированной стали с не менее 0,25% углерода	222 397	0,99	Россия (99), Латвия (0,2), Китай (0,2)
710812	Золото необработанное	152 506	1,00	Россия (100)
732611	Мельничные шары кованые или штампованные	130 033	0,68	Китай (80), Россия (20)
740200	Медь нерафинированная	109 695	0,99	Россия (99,6), Австралия (0,3)
721499	Гладкие горячекатаные прутки круглого и квадратного сечения	105 281	0,99	Россия (99,4), Киргизия (0,4), Китай (0,1)
721650	Горячекатаные уголки, фасонные и специальные профили	77 800	0,95	Россия (97), Китай (1,3), Узбекистан (0,6)
720890	Прочий нелегированный горячекатаный листовой прокат шириной от 600 мм	61 543	0,98	Россия (99,1), Китай (0,3), Гамбия (0,2)
721391	Гладкая катанка не из автоматной стали круглого сечения до 14 мм	58 869	0,95	Россия (97,3), Киргизия (2,3), Беларусь (0,3)
720851	Горячекатаный стальной лист толщиной от 10 мм	50 232	0,95	Россия (94,2), Польша (2,2), Великобритания (0,9)
854511	Угольные электроды для печей	48 023	0,3	Франция (44), Китай (23), Россия (19), Украина (14)
721631	Горячекатаные швеллеры высотой от 80 мм	47 802	0,95	Россия (97,1), Люксембург (0,9), Узбекистан (0,8)
721049	Листовой оцинкованный прокат, кроме электролитического и гофрированного	41 661	0,94	Россия (97), Узбекистан (1,1), Китай (1)
820750	Сменные инструменты для сверления	20 350	0,33	Китай (50), Гамбия (25), Россия (7), Япония (3)
722511	Кремнистая электротехническая листовая сталь с ориентированным зерном	26 983	1,00	Россия (100)

Окончание табл. 4

Код ТН ВЭД*	Наименование товарной группы/позиции	Объем импорта в 2023 г., тыс. долл. США	ИКИ	Ключевые страны-поставщики (доля в импорте %)
8455	Прокатные станы и валки	25733	—	Китай (72), Россия (14), Италия (3)
8454	Конвертеры и литейные машины	24615	—	Китай (58), Россия (25), Гамбия (6), Турция (4), Германия (3)
720852	Горячекатаный стальной лист толщиной 4,75–10 мм	24 044	0,94	Россия (95,2), Гамбия (0,8), Польша (0,8)
845611	Станки для обработки материалов лазером	17 764	0,71	Китай (75), Германия (9), Россия (5), Турция (4)
845811	Горизонтальные токарные станки с ЧПУ	15 699	0,37	Республика Корея (51), Германия (11), Гамбия (10), Китай (8), Россия (5)
846130	Протяжные станки	539	0,85	США (92), Россия (4)
845941	Станки расточные прочие с числовым программным управлением	0,44	461	США (53), Россия (41), Турция (6)
845970	Прочие металлорежущие резьбонарезные станки	383	0,72	Китай (75), Россия (8), Чехия (5), Литва (5), Япония (4)
720150	Чугун легированный	212	1	Россия (100)

* Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности.

Примечание: Индекс концентрации импорта (ИКИ) рассчитывался как сумма квадратов долей всех стран-поставщиков, из которых осуществляется импорт товара. Показатель принимает значения от 0 до 1 – чем выше индекс, тем выше концентрация импорта данного товара.

Источник: составлено авторами с использованием торговой статистики UNCTAD. Statistics and data. <https://unctad.org/statistics>

Таблица 5

Отдельные виды товаров для металлургии, по которым Россия обладает нереализованным экспортным потенциалом на рынке Казахстана

Код ТН ВЭД	Наименование товарной группы/позиции	Ключевая страна – поставщик	Объем импорта из России, тыс. долл. США 2023 г.	НЭП России, тыс. долл. США	Доля России в импорте в 2023 г. %
711319	Ювелирные изделия и их части из прочих драгоценных металлов, с гальваническим покрытием или без него	Россия	79 231	194 292	43,6
720720	Полуфабрикаты из железа или нелегированной стали, содержащие 0,25% или более углерода	Россия	169 011	152 251	99,5
740200	Медь нерафинированная, медные аноды	Россия	109 808	109 836	99,6
721391	Прочие прутки горячекатаные в свободномотанных бухтах из железа	Россия	85 725	37 872	97
722540	Прочий прокат плоский из прочих легированных сталей	Россия	16 164	46 901	100
721631	Швеллеры из железа или нелегированной стали	Россия	50 386	45 015	97
721049	Прокат плоский из железа	Россия	38 449	35 540	97
732611	Мельничные шары кованые или штампованные	Китай	104 162	34 525	20
720852	Прочий прокат плоский из железа или нелегированной стали шириной 600 мм или более, неплакированный	Россия	30 316	24 885	95,2
841950	Теплообменники	Россия	16 430	23 734	90
722511	Кремнистая электро-техническая листовая сталь с ориентированным зерном	Россия	26 966	9 824	100
854511	Угольные электроды для печей	Франция	9 105	7 840	19

Код ТН ВЭД	Наименование товарной группы/позиции	Ключевая страна – поставщик	Объем импорта из России, тыс. долл. США 2023 г.	НЭП России, тыс. долл. США	Доля России в импорте в 2023 г. %
845420	Литейные ковши и изложницы	Россия	6 542	4 252	100
845530	Валки прокатных станов	Китай	14 284	3 128	38
845970	Прочие металлорежущие резбонарезные станки	Китай	383	405	77
845941	Станки расточные прочие с числовым программным управлением	США	461	349	41
846130	Протяжные станки	США	496	36	4

Источник: составлено авторами по данным ИТС.

Выводы и рекомендации

Развитие металлургического сектора в России и Казахстане определяется богатой ресурсной обеспеченностью, при этом обе страны заинтересованы в повышении степени своего участия в глобальных ЦДС, диверсификации промышленного производства, создании продукции более высоких переделов. Активная государственная поддержка отрасли переработки металлов и реализация крупных инвестиционных проектов в Казахстане обеспечивают стабильно высокий спрос на оборудование для металлургического сектора. При этом объем производимых в Казахстане машин и оборудования для горнометаллургического машиностроения пока является недостаточным для удовлетворения потребностей экономики.

Россия – один из лидеров создания стоимости в глобальных цепочках металлургической отрасли. В экспорте Казахстана преобладающую роль играет сырьевая продукция металлургической отрасли, в импорте – готовые металлические изделия из черных металлов. Россия – ключевой поставщик в Казахстан как самих черных металлов, так и изделий из них.

Анализ потребностей наиболее перспективных отраслей промышленности Казахстана показал, что есть отдельные наиболее критические позиции промежуточных и инвестиционных товаров, необходимых для целей металлургии: это и различные виды металлических изделий, и оборудование и его части. РФ играет значимую роль

в поставках на рынок Казахстана горячекатанной продукции и других стальных полуфабрикатов, золота и меди, инструментов для сверления, прокатных станков и валков, конвертеров и литейных машин. Расчеты свидетельствуют о том, что имеется нереализованный экспортный потенциал по наращиванию Россией поставок в Казахстан различных изделий из железа и стали, нерафинированной меди и электротехнической стали, мельничных шаров, теплообменников, угольных электродов, металлорежущих станков, литейных ковшей, прокатных валков.

Таким образом, существует потенциал развития кооперации между Россией и Казахстаном в области металлургии, обусловленный текущим высоким уровнем связанности, различной специализацией стран в данной сфере, а также импортозависимостью отрасли производства готовых металлических изделий и горнометаллургического машиностроения Казахстана, и его заинтересованностью в привлечении зарубежных инвестиций и технологий. Объединение усилий компаний из двух стран может способствовать созданию более эффективных цепочек создания стоимости, снизить производственные затраты и повысить конкурентоспособность продукции на мировых рынках. С учетом текущего преимущественно сырьевого характера вовлечения России и Казахстана в глобальные ЦДС, перспективным представляется формирование новых региональных цепочек добавленной стоимости с участием России и Казахстана с последующим выходом с совместной продукцией на внешние рынки. Сдерживающими факторами при этом могут быть конкуренция других стран на отдельных товарных рынках, а также сложность доступа на внешние рынки для России в условиях санкций.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Trade policy implications of global value chains (OECD). https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/11/trade-policy-implications-of-global-value-chains_f182d1f5/4989ef9e-en.pdf
2. Borinn A., Mancini M., Taglioni D. Economic consequences of trade and global value chain Integration. A Measurement Perspective (World bank group), September 2021. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/476361632831927312/pdf/Economic-Consequences-of-Trade-and-Global-Value-Chain-Integration-A-Measurement-Perspective.pdf>
3. Nur C., Inmaculada M.-Z. The impact of global value chain participation on income inequality. *International Economics*, Vol. 169, May 2022. DOI: 10.1016/j.inteco.2022.02.002.
4. Global value chain development report 2023: Resilient and sustainable GVCs in turbulent times. Research Institute for Global Value Chains at the University of International Business and Economics, ADB, the Institute of Developing Economies–

- Japan External Trade Organization and the WTO, 2023. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvc_dev_rep23_e.pdf
5. *Ralph Ossa*. Pillar of economic security (International Monetary Fund).
 6. *Fernandes A., Hiau Looi Kee, Deborah Winkler*. Determinants of Global Value Chain Participation Cross-Country Evidence. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/930751585234915451/pdf/Determinants-of-Global-Value-Chain-Participation-Cross-Country-Evidence.pdf>
 7. Trade in Value Added and Global Value Chains Country profiles explanatory notes (WTO) https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/explanatory_notes_e.pdf.
 8. *Nebojša Stojčić, Matija Matić*. A journey toward global value chain upgrading: Exploring the transition from backward to forward integration. *Technology in Society*, Vol. 76. March 2024. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160791X23002403>.
 9. Interconnected Economies Benefiting from Global value chains (OECD). https://www.oecd.org/en/publications/interconnected-economies_9789264189560-en.html
 10. *Josephine Wuri, Tri Widodo, Amirullah Setya Hardi*. Speed of convergence in global value chains: Forward or backward linkage. *Heliyon*. Vol. 9. Iss. 7. July 2023. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023052787>
 11. *Koen De Backer, Sébastien Miroudot*. Mapping Global Value Chains. OECD Trade Policy Papers No. 159. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2013/12/mapping-global-value-chains_g17a2429/5k3v1trgnbr4-en.pdf
 12. *Наварро О.Е.* Особенности цепочек добавленной стоимости в металлургии и металлообработке РФ. [*Navarro O.* Features of value-added chains in metallurgy and metalworking in Russia.] http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/102045/1/Navarro119_126.pdf
 13. Mineral commodity summaries. U.S Geological Survey, Reston, Virginia: 2023. <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf> (accessed: 15.01.2025).
 14. Диагностика горнорудного сектора – Казахстан. (The World bank), Февраль, 2023. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099081823001511076/pdf/P176745032752e020ab830aca3807b2afc.pdf> (дата обращения 20.02.2025). [Mining Sector Diagnostics – Kazakhstan. (The World Bank), February, 2023. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099081823001511076/pdf/P176745032752e020ab830aca3807b2afc.pdf> (accessed: 20.02.2025). (In Russ).]

Дата поступления рукописи: 13.02.2025 г.

Дата принятия к публикации: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Исмагилова Ольга Дмитриевна – научный сотрудник Института мировой экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3092-770X
oibrishim@gmail.com

Попова Вероника Николаевна – научный сотрудник Института мировой экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7931-850X
ajavrik89@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga D. Ismagilova – Researcher of the Institute for International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3092-770X
oibrishim@gmail.com

Veronika N. Popova – Researcher of the Institute for International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7931-850X
ajavrik89@mail.ru

ANALYSIS OF OPPORTUNITIES FOR RUSSIA AND KAZAKHSTAN COOPERATION ON VALUE CHAINS DEVELOPMENT IN THE METALLURGICAL INDUSTRY

The article examines the main characteristics of countries' participation in global value chains, key types, and the extent of their influence on world trade. There is an analysis of Russian and Kazakhstan participation in global value chains as well as the share of foreign added value in the metallurgical industry of Russia and Kazakhstan. The current figures of trade and economic interaction of both countries, including their cooperation in the investment sphere are regarded. Particular attention is paid to the study of metallurgical industry of Kazakhstan as one of the priority directions of industrial production as well as statistics of export and import of specific products of mining and metallurgical sector of Kazakhstan. The article also considers the prospects of Russian and Kazakhstan cooperation expansion in the steel industry, and identifies specific metallurgical goods for which Russia has untapped export potential in the Kazakhstan market.

Keywords: *Russia, Kazakhstan, metallurgical industry, export, import, global value chains, forward and backward participation, industry production, resources, critical goods.*

JEL: F49, P23, P33.

Г.Д. ПАКСЮТОВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра японских исследований ФГАУН Институт Китая
и современной Азии РАН

ЯПОНСКИЕ И ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ «КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ» НА ГЛОБАЛЬНЫХ РЫНКАХ: КОНКУРЕНЦИЯ И ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассмотрен ряд тенденций, определяющих специфику развития «креативных индустрий» Японии и Южной Кореи и их позиции на глобальных рынках культурных благ. Отмечается, что Япония сравнительно менее активно участвовала в процессе цифровизации производства и дистрибуции культурных благ. Напротив, в Южной Корее с 1990-х годов индустрии популярной культуры последовательно развиваются в сопряжении с информационными технологиями. На текущем этапе наметилась интенсификация сотрудничества двух стран в «креативных индустриях» – рассмотрены факторы, потенциально способствующие эффективности такого сотрудничества в производствах культурных благ. Подчеркивается риск инструментализации культурных производств, связанный с концепцией «креативных индустрий».

Ключевые слова: креативные индустрии, культурные индустрии, культурные блага, японско-южнокорейские экономические отношения, «корейская волна», Cool Japan.

УДК: 338.46, 339.56

EDN: ZBVZUK

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_181_198

Введение

В последние годы значительное распространение и в управленческой практике, и в академической литературе получила концепция «креативных индустрий», обычно используемая взаимозаменяемо или синонимично с «культурными индустриями»¹ и более широким понятием «креативная экономика». «Креативные индустрии» выделяются среди прочих по тому принципу, что их продукция «может рассматриваться как креативная и культурно значимая» [1, р. 137]. Широкой популярно-

¹ Так, влиятельный теоретик «креативных индустрий» Рут Тоувс использует эти понятия как взаимозаменяемые [1]; подобных примеров можно привести сколь угодно много.

сти и влиянию данной концепции не мешает факт отсутствия консенсуса по составу перечня таких индустрий, подходу к измерению результатов их деятельности, ее теоретическому содержанию и обоснованию².

Хотя эксперты признают, что количественное измерение результатов деятельности «креативных индустрий» крайне затруднительно [1, р. 139], общим местом является предположение, что данные индустрии, как правило, растут быстрее, чем экономика в целом, и могут служить эффективным драйвером экономического развития³. В силу этого «креативные индустрии» занимают все большее место в стратегиях развивающихся стран, в то время как растущий располагаемый доход и расходы населения на развлечения и культуру обуславливают заметный рост рынков «креативных» благ во многих странах «глобального Юга»⁴. По оценке ЮНКТАД, среди макрорегионов мира лидером по экспорту «креативных благ» является Азия (в значительной степени благодаря результатам КНР)⁵.

² По формулировке В.Ю. Музычук, «отнесение тех или иных видов деятельности к культурным и креативным индустриям варьируется от страны к стране. Одно и то же название не означает аналогичного содержания... Более того, основное содержание культурных и креативных индустрий определяется целями и задачами каждого конкретного проекта или странового подхода» [2, с. 16]. Показательной иллюстрацией данного тезиса является наблюдение Э.М. Демира, согласно которому в Турции «креативные индустрии» являются «свободно используемым концептом», к которому «нет системного подхода» [3, р. 236].

³ Тоувс приводит следующий перечень «креативных индустрий» (подчеркивая, что в различных контекстах он может варьироваться): реклама, архитектура, предметы культурного наследия, ремесла, дизайн, мода, кино, игры, музеи, библиотеки, Интернет, издательское дело, создание программного обеспечения, телевидение, радио, видео [1, р. 137].

⁴ Формирующиеся и растущие рынки «креативных благ» в «незападных» странах представляют собой привлекательную цель для экспансии мощных глобальных игроков: релевантным для темы нашей статьи примером является активное продвижение Южной Кореи на африканские рынки сериалов и кино [4]. Примечательно, что южнокорейские аудиовизуальные блага продвигаются в Африку в составе предоставляемых государством пакетов экономической помощи [4, р. 931] – данная тактика весьма сходна с тем, как международной экспансии Голливуда после Второй мировой войны существенно поспособствовало требование со стороны США открыть национальные рынки для американских фильмов в качестве одного из условий получения американской экономической помощи [5, р. 55]. В случае продвижения южнокорейских фильмов и сериалов в Африке имеет место экономическая мотивация («создание рынка... для извлечения коммерческой выгоды в будущем») [4, р. 931], но также, несомненно, и политическая (т. к. подобная продукция рассматривается как инструмент «культурного влияния»).

⁵ Creative Economy Outlook 2024 // UNCTAD. July 2024. P. 26, 31. https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf (дата обращения: 23.04.2025). Лидером по экспорту «креативных услуг» при этом является Европа. Разумеется, необходимо иметь в виду некоторую условность подобных подсчетов.

Концепция «креативных индустрий», как принято считать, зародилась в англоязычных странах: Р. Тоувс называет ключевой вехой в ее популяризации принятие в 1998 г. в Великобритании стратегического документа *Creative Industries Mapping Document* [1, p. 137], при этом некоторые другие авторы отсчитывают историю концепции от дискуссий о «креативной нации» в Австралии в середине 1990-х годов [6, p. 27]. Наиболее влиятельные работы, закрепившие термин «креативные индустрии» в общественном сознании, были созданы в США, Великобритании, Австралии, при этом сама концепция оказалась сопряжена с определенным набором идеологических и мировоззренческих предпосылок, распространенных в академических и политических кругах этих стран⁶. Однако по мере того как концепция задействуется в новых географических, социо-культурных и политических контекстах, ей нередко пытаются придать обновленное смысловое наполнение, в том числе осознанно противопоставляя его превалирующему «западному» дискурсу и подчеркивая его локальность. Например, в стратегическом документе по развитию «креативных индустрий» в Саудовской Аравии особенно подчеркивается опора на «традиционные» подходы в таких сферах, как литература или дизайн одежды, а также постулируется, что данные индустрии могут послужить для укрепления национальной «гордости и идентичности»⁷. Весьма примечательно, что эта тенденция характерна и для таких стран с мощными и глобально конкурентоспособными «креативными индустриями», как Япония и Южная Корея (несмотря на то, что по многим социально-экономическим показателям их можно поставить в один ряд с развитыми странами «Запада», с которыми, как нередко принято считать, они в целом следуют и в одном русле на международной политической арене).

⁶ По поводу подобного идеологического наполнения концепции в литературе ведутся активные критические дискуссии: см., например, [7] (критика «креативных индустрий» как «проявления нелиберальной политики», которое способствует коммодификации культуры, ее превращению в сферу рыночных отношений), [8] (критика акцента теоретиков «креативной экономики» на индивидуальной креативности, который способствует ослаблению сообществ и прекаризации творческих работников), [9] (общий обзор дебатов вокруг «креативных индустрий»). В связи с тематикой нашей статьи нужно отметить, что многие работы по «креативным индустриям» в Южной Корее и Японии отмечают контраст между практикой этих стран и «неолиберальными» предпосылками мейнстримной литературы (например [10; 11, p. 14-15]; см. также работу Н. Отмазгина [12], который подвергает критике японскую и южнокорейскую политику «креативных индустрий» как раз с точки зрения ее несоответствий предпосылке о том, что «креативность» имеет «индивидуальный» и «спонтанный» характер [9, p. 50]).

⁷ *Charting the Transformation of Saudi Arabia's Cultural and Creative Industries // Ithra*. P. 15, 68, 72. https://www.ithra.com/files/5916/3879/1157/IthraReport_ENG_29Nov_2021.pdf (дата обращения: 23.04.2025).

Так, в актуальном стратегическом документе утверждается, что Япония должна «развивать сеть артистов, кураторов, создателей... преимущественно в Азии» и сформулировать «новые ценности для искусства и популярной культуры... в контексте, отличном от западного»⁸. В южнокорейском правительственном документе подчеркивается: «корейская популярная культура заимствовала элементы западной, сохраняя традиционные корейские ценности... «корейская волна» [«бум» экспорта южнокорейской культурной продукции] подвергает сомнению представление о доминировании Запада в современной популярной культуре»⁹.

В данной статье мы намерены рассмотреть специфику модели «креативных индустрий» в Японии и Южной Корее, а также основные тенденции их взаимодействия. Таким образом мы можем дополнить существующее понимание практик развития «креативных индустрий», в том числе в «не западных» контекстах, что особенно актуально для России, где данная концепция также быстро набирает влияние – и, соответственно, нуждается в критическом осмыслении.

Японская модель «креативных индустрий»

В Японии концепция «креативных индустрий» (другой часто используемый в японском контексте термин – «индустрии контента») приобрела заметное место в политике и общественных дискуссиях после публикации статьи Дугласа Макгрэя «Japan's Gross National Cool» (в которой утверждалось, что Япония «заново изобретает понятие сверхдержавы», используя потенциал популярной культуры [13, р. 44]) в 2002 г. Словосочетание «Cool Japan», отсылающее к данной статье, впоследствии стало собирательным термином для политических мер и стратегий, направленных на продвижение японской «креативной» продукции за рубеж и ревитализацию японской экономики посредством развития «креативных индустрий», и закрепилось на правительственном уровне. В 2010 г. в составе японского Министерства экономики, торговли и промышленности был создан офис, ответственный за реализацию стратегии «Cool Japan», а в 2013 г. была создана должность министра по данной стратегии.

⁸ New Cool Japan Strategy // Intellectual Property Strategy Headquarters. June 4, 2024. P. 55. https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titeki2/chitekizaisan2024/pdf/siryou4_e.pdf (дата обращения: 23.04.2025).

⁹ The Korean Wave: A New Pop Culture Phenomenon // Korean Culture and Information Service. 2011. P. 97. <https://biznetasia.com/wp-content/uploads/2011/09/The-Korean-Wave-A-New-Pop-Culture-Phenomenon.pdf> (дата обращения: 26.04.2025).

Заметной отличительной чертой японской модели «креативных индустрий» (парадоксально сочетающейся с распространенным образом Японии как страны высоких технологий) является ее заметно меньшее, чем в прочих развитых странах, участие в процессе цифровизации. К примеру, в Японии в условиях конкуренции с цифровыми медиа вплоть до последнего времени сохранился высокий уровень циркуляции газет, продаж музыки на физических носителях и т. д. (см. обзор связанных рынков и тенденций в [14]). Ограниченное участие многих местных производителей культуры и медиа в процессах цифровизации и глобализации, их преимущественная концентрация на создании продукции для внутренних потребителей, отличающихся своеобразием предпочтений, привели к появлению в исследовательской литературе термина «галапагосизация», характеризующего японские «креативные индустрии»¹⁰ [10, р. 9], а также японский сегмент Интернета¹¹ [15, р. 174–175].

Т. Мацуи, обсуждая эволюцию стратегии «креативных индустрий» в японских правительственных кругах и документах, утверждает, что основной мотивацией для японской бюрократии стала возможность расширить сферу своей деятельности и влияние через принятие под свой контроль популярной культуры, которая ранее считалась недостаточно важной сферой для того, чтобы в ней участвовало государство [16, р. 92–93]. В свою очередь идеи о высоком экономическом потенциале «индустрий контента» стали подходящим инструментом для того, чтобы легитимировать, оправдать вовлечение государства в данную сферу¹² [16, р. 93]. Этот аргумент интересно сопоставить с отечествен-

¹⁰ Термин отсылает к биологическому своеобразию фауны на Галапагосских островах, с которым сравнивается своеобразие японских культуры и медиа.

¹¹ Глубоко ошибочно было бы в свете вышесказанного думать, что Япония представляет собой сравнительно «отсталую» страну с точки зрения развития и распространения Интернета, информационных технологий и т. д. Так, М. Стейнберг отмечает, что именно Япония определила «глобальный опыт пользования смартфоном»; в Японии был создан «формат мобильного Интернета... который стал моделью» для Google и Apple, а японские приложения стали образцом для таких азиатских гигантов, как китайский «стриминговый сервис» Bilibili или южнокорейский мессенджер KakaoTalk [15, р. 10–11]. В целом, корректнее утверждать, что в Японии сформировалась своеобразная модель использования цифровых и информационных технологий (в которой, в частности, сдержанное отношение к цифровизации культуры являлось осознанным выбором), отличительные черты и преимущества которой еще требуют системного осмысления.

¹² При этом Н. Кавасима подчеркивает, что «индустрии популярной культуры» рассматриваются правительством как сравнительно малый срез японской культуры в целом; правительство Японии сохраняет «протекционистское отношение» к национальной культуре, и традиционная и «высокая» культура продолжают рассматриваться отдельно от «коммерческой» популярной культуры (вместо того чтобы быть однозначно интегрированы с популярной культурой в одну категорию наподобие «креативных индустрий») [18, р. 30, 33].

ным опытом. По оценке А.Я. Рубинштейна, концепция «креативных индустрий», в рамках которой культурная сфера понимается как динамичный сегмент экономики, может стать мотивацией для «снижения объемов государственного финансирования культуры»¹³ [17, с. 211]. Между двумя описанными ситуациями есть очевидный контраст (в первом случае государственный аппарат «берет под опеку» новую сферу, ранее остававшуюся вне зоны его внимания, во втором – «опекающее» культурную сферу государство оптимизирует свои обязательства), но есть и фундаментальное сходство, определяемое инструментальной логикой, заложенной в саму концепцию «креативных индустрий». Идея «креативных индустрий» позволяет взглянуть на культуру как на еще одну индустрию среди прочих, перед которой можно и нужно ставить стандартизированные цели или КРІ, демонстрирующие ее эффективность (и, в данном случае, оправдывающие – или нет – участие в них государства). Это даже не обязательно должно проявляться как «коммодификация»: вполне можно представить себе ситуацию, когда, скажем, перед индустрией кино ставится задача произвести определенное число фильмов, отвечающих некоторым идеологическим критериям¹⁴. Однако в реальности деятельность в сфере культуры, культурная жизнь отнюдь не обязательно может быть представлена как набор растущих количественных показателей.

Отметим, что опубликованный в 2024 г. правительственный документ по стратегии «Cool Japan» выделяет следующие основные показатели, которые могут служить показателем эффективности стратегии: выручка от продажи «контента» за рубеж (которая, как утверждается, продемонстрировала за период 2012–2022 гг. рост с 1,4 до 4,7 трлн иен), привлечение иностранных туристов (особенно подчеркивается, что более 1 млн иностранных туристов посетили локации, связанные с японской анимацией), повышение потребления японской пищевой продукции¹⁵. Среди задач, стоящих на текущем этапе реализации стратегии, называются развитие международной системы дистрибуции японского «контента», в том числе с исполь-

¹³ Сходной позиции придерживается и В.Ю. Музычук, по оценке которой растущее влияние концепции «креативных индустрий» в России может способствовать коммодификации культуры и постановке ошибочно мотивированных задач перед культурными ведомствами: «активизация экономического роста» вместо «поддержки культурной деятельности» [2, с. 9, 36].

¹⁴ В этом плане придуманное Макгрэем словосочетание «Gross National Cool» (некая «крутость», запас которой как бы накапливают страны) действительно метко выражает сущность идеи «креативных индустрий».

¹⁵ New Cool Japan Strategy. P. 2 (см. также табл. 1). Интерес иностранцев к японской кухне, по всей видимости, рассматривается как пример положительных экстерналий для индустрий, не относящихся к «креативным» (рыболовство и т. д.).

Таблица 1

Экспорт культурных благ из Японии и Южной Кореи 2012–2022 гг.*
(млрд долл.)

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Япония	17,5	16,4	15,1	14,9	21,2	23,2	30,8	33,9	42,2	41	35,8
Южная Корея	4,8	4,9	5,3	5,7	6	8,8	9,6	10,2	11,9	12,8	13

* Необходимо заметить, что таблица основана на данных из источников, которые могут использовать различающиеся методологические подходы к понятиям «культурное благо» или «культурный контент» и их количественному измерению. Разумеется, на рассмотренные показатели также влияет курс национальных валют по отношению к доллару (например, существенное удешевление иены в 2022 г.).

Источник: составлено по: New Cool Japan Strategy. P. 8; Dollar Yen Exchange Rate // Macro Trends. <https://www.macrotrends.net/2550/dollar-yen-exchange-rate-historical-chart> (дата обращения: 23.05.2025); Lee Joonkoo, Korea's cultural and creative export // Researchgate. https://www.researchgate.net/figure/Koreas-cultural-and-creative-export-2005-2018-unit-US-billion-Source-Ministry-of_fig2_351228131 (дата обращения: 23.05.2025); Cultural Content.

зованием «цифровых платформ»¹⁶, а также совершенствование маркетингового и информационно-аналитического сопровождения деятельности «креативных индустрий»¹⁷.

Южнокорейская модель «креативных индустрий»

Исследователи отсчитывают развитие южнокорейской политики в сфере «креативных индустрий» от 1993 г., когда в принятом пятилетнем плане экономического развития был подчеркнут высокий потенциал культурных производств с точки зрения создания добавленной стоимости, после чего (в 1994 г.) был создан Департамент культурной индустрии [19, p. 429, 431]. Внедрение «индустриального» подхода к культуре и медиа совпало со снятием законодательных ограничений в начале 1990-х годов на участие в аудиовизуальной и музыкаль-

¹⁶ Эта задача явным образом связана с вышеупомянутой особенностью японских культурных производств и медиа: их своеобразием и преимущественной ориентацией на локальных потребителей. Данную тенденцию ярко иллюстрирует кейс сайта Crunchyroll. Изначально созданный в США как «пиратский» (нелицензированный) сайт для просмотра аниме, этот сайт, ныне имеющий более 100 млн зарегистрированных пользователей, был впоследствии приобретен конгломератом Sony [Kim S. Former piracy site Crunchyroll cashes in on anime's global appeal // Japan Times. 15.06.2023. <https://www.japantimes.co.jp/life/2023/07/15/digital/anime-crunchyroll-sony/> (дата обращения: 24.04.2025)]. Американские «пираты» смогли создать более эффективный канал глобальной дистрибуции аниме, чем японские официальные аналоги.

¹⁷ New Cool Japan Strategy. P. 13.

ной индустрии чеболей (находящихся в семейном управлении промышленно-финансовых конгломератов), таких как Samsung, Daewoo, Hyundai и проч. [19, р. 433]. Последовательно сохранявшейся чертой южнокорейской стратегии стало развитие культурных и медийных производств в сопряжении с такими технологическими отраслями, как электроника и мобильные коммуникации [19, р. 424]; в свою очередь развитие «цифровых» и информационных технологий осуществлялось государством в тесном сотрудничестве с чеболями [20, р. 721]. В литературе подчеркивается преемственность южнокорейской политики в сфере «креативных индустрий» с более общей стратегией промышленно-технологического развития, реализуемой в стране с 1960-х годов [11, р. 14–15]. В 2009 г. путем объединения ряда отраслевых организаций для продвижения южнокорейского «контента» было создано правительственное агентство КОССА¹⁸. Отметим, что реализация южнокорейской стратегии «креативных индустрий» началась не позже, чем данная концепция получила применение в Великобритании и Австралии (где, как обычно принято считать, она сформировалась)¹⁹.

Начиная с середины 2000-х годов южнокорейская стратегия «креативных индустрий» стала «адаптироваться к меняющемуся медийному пространству», в частности, используя потенциал социальных сетей [11, р. 9]. Одной из конкретных мер, направленных на поддержку национального «контента» в новой медийной среде, стала борьба с онлайн-пиратством [11, р. 7]. Обозреватели индустрии считают «быстрый рост мобильных технологий и социальных медиа, начавшийся с середины 2000-х гг.» «решающим фактором для глобальной экспансии корейского контента»²⁰. Количественно измеримые показатели, достигнутые подобным образом, свидетельствуют о динамичном развитии²¹:

¹⁸ Есть действующий офис КОССА в России; в этой связи примечательна оценка эксперта, согласно которой Россия является крупнейшим европейским рынком для корейской культурной продукции [Басиашвили К. «Наши люди находят в корейской романтике утешение» – кореевед М. Осетрова //Москвич. 28.10.2024. <https://moskvichmag.ru/lyudi/nashi-lyudi-nahodyat-v-koreiskoi-romantike-uteshenie-koreeved-mariya-osetrova> (дата обращения: 24.04.2025)].

¹⁹ На это можно возразить, что само выражение «креативные индустрии» появилось в англоязычных контекстах, однако в Южной Корее было реализовано именно то явление, которое оно, по существу, подразумевает, – сопряжение производств «контента» и современных технологий, особенно информационных.

²⁰ K-content Goes Global: How Government Support and Copyright Policy Fueled the Republic of Korea's Creative Economy // UNCTAD. 2024. P. 17. https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2023d3_en.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

²¹ Помимо показателей объема экспорта и т. п., легко видеть и крупные успехи южнокорейских культурных профессионалов с точки зрения международного престижа: успех фильма «Паразиты» в Каннах и на кинопремии «Оскар», награждение Хан Ган Нобелевской премией по литературе и т. д. Представляется достаточно

так, экспорт южнокорейского «контента» в 2022 г. достиг 13 млрд долл. и продемонстрировал за пятилетний период рост среднегодовыми темпами выше 7% (чему не помешал и напряженный период, связанный с пандемией COVID-19)²². Однако сопряжение культурной сферы и цифровых технологий связано и с определенными рисками: по формулировке исследователей, в современных цифровых средах традиционная и высокая культура «становится незаметной на фоне популярного контента... популярные онлайн-платформы действуют без публичной ответственности» [22, р. 530, 533].

Показательным примером спорного социального значения подобного «популярного контента» является, по оценке Е. Ким, *мукбанг* (т. е. видео или онлайн-трансляции поедания пищи, на которых зачастую запечатлены популярные или стремящиеся набрать популярность в социальных сетях «инфлюэнсеры»)²³. Как пишет Ким, мукбанг является проявлением «одиночества и изоляции» в условиях «фрагментации» южнокорейского общества²⁴, а «монетизация поедания пищи... становится своеобразной креативной и цифровой формой труда, а одновременно и потребительского товара» [23, р. 364–365]. По ее утверждению, в «центре культурных и креативных индустрий» находится «эксплуатация» как «психической», так и «физической активности»; «не только расширение и развитие человеческих взаимосвязей, которое часто подчеркивается», но и «отсутствие связей, выражающе-

очевидным, что подобные успехи служат серьезным стимулом для продвижения южнокорейской культуры, в том числе в ее более массовом сегменте: напр., фильм «Олдбой», получивший в 2004 г. Гран-при Каннского кинофестиваля, «вдохновил новый уровень... увлечения корейским жанровым кино» [21, р. 3]. Результаты южнокорейских культурных производств, таким образом, определяются сложным взаимодействием государства, коммерчески мотивированных компаний и культурных профессионалов, чей талант и достижения гораздо сложнее объяснить индустриальным планированием, политикой и проч.

²² Cultural Content // Invest Korea. <https://www.investkorea.org/ik-en/cntnts/i-326/web.do> (дата обращения: 22.04.2025). См. также табл. 1.

²³ Подчеркнем, что подобного рода «аудиовизуальная продукция» вполне подпадает под понятие «креативных благ». Это «творческий продукт», который достаточно масштабно производится и потребляется (и монетизируется). Ставить подобный продукт в одну категорию, скажем, с художественной литературой может показаться несколько странным, однако именно это и происходит в рамках концепции «креативных индустрий».

²⁴ Когда один человек записывает, а другой смотрит мукбанг, их связывает некий коммуникативный акт. Однако если у них есть потребность в общении, они могли бы вместо этого поесть вместе с кем-нибудь и побеседовать и прочее; вместо этого они остаются в одиночестве, участвуя в создании и потреблении цифрового аудиовизуального продукта. С «рыночной» точки зрения именно этот вариант оказывается предпочтительным.

еся в одинокой жизни и принятии пищи... используется как ценный коммерческий продукт» [23, р. 365–366, 380].

Данный пример возвращает нас к вышеупомянутой проблеме инструментализации культуры и коммуникации, связанной с концепцией «креативных индустрий». Эта концепция, объединяя в одном смысловом и политическом поле культуру, коммуникации и информационные технологии (которые, как подразумевается, производят опережающими темпами экономические выгоды), способствует тому, что культурная и эмоциональная жизнь человека мыслится как акт на некоей общей агоре – фактически, на рынке. Формируется ситуация, когда успех отдельных креативных профессионалов или рост определенных кумулятивных количественных показателей мыслится как успех национальной культуры в целом, даже если эта картина скрывает отнюдь не оптимальную социо-культурную ситуацию для многих людей²⁵. Несколько утрированным примером такой тенденции является запись и просмотр мукбанга, когда изолированные, одинокие люди участвуют в создании добавленной стоимости в отрасли аудиовизуальных благ.

От конкуренции к сотрудничеству

Экономические отношения и культурный обмен между Японией и Кореей имеют тысячелетнюю историю. На современном этапе определяющей вехой является колонизация Корейского полуострова Японской империей в 1910–1945 гг., которая и на протяжении последующих десятилетий продолжает оказывать влияние на японско-южнокорейские отношения²⁶. Отношения между Японией и Южной Кореей были дипломатически нормализованы в 1965 г.²⁷; при этом, что важно для нашего обсуждения, запрет на импорт японской культурной продукции, действовавший в Южной Корее с 1945

²⁵ В данной связи обратим внимание: Р. Тоувс подчеркивает, что «креативный контент большей частью является результатом работы профессиональных артистов или «создателей» [1, р. 37]. В «креативной экономике» человек участвует в культуре либо в качестве «профессионального» производителя, либо в качестве потребителя. Ср. с тем, как Р.Д. Патнэм, разворачивая аргумент об эрозии американского «социального капитала» («социальных связей и связанных с ними норм взаимности и добросовестности»), обращает внимание на то, что в США сокращается культурная активность в форме, например, домашнего музицирования на пианино (вытесняемая музыкальной индустрией) [24, р. 16, 121–122].

²⁶ Подробнее о японско-южнокорейских отношениях в современный период, в т. ч. в свете фактора колониального прошлого, см. [25].

²⁷ Kim G.-P. Korea's Economic Relations with Japan // Korea Economic Institute of America. 18.07.2017. <https://keia.org/publication/koreas-economic-relations-with-japan> (дата обращения: 26.04.2025).

г., был снят только в 1998 г. [26, р. 3]. Торгово-инвестиционное взаимодействие и трансфер технологий из Японии были весьма важны для экономического развития Южной Кореи: по формулировке исследователя, «ведущие корейские компании в автомобильной, электротехнической, химической отраслях освоили высокие технологии благодаря технической кооперации или совместному производству с японскими контрагентами»²⁸. По мере своего развития южнокорейские производители оказались способны успешно конкурировать с японскими на глобальных рынках в различных отраслях промышленности, в том числе высокотехнологичной: электронике, автомобилестроении (см. [27]), полупроводниках (см. [28, р. 360–361, 368–373]) и т. д. В частности, взаимодействие между двумя крупнейшими корпорациями в электротехнике, японской Sony и южнокорейской Samsung, эксперты характеризуют как «сотрудничество-соревнование» («coopetition»): несмотря на «ожесточенное соперничество» компаний и их «весьма агрессивную и проактивную» тактику, компании имеют совместно осуществленные инвестиционные проекты, а их конкуренция привела к «прорывному технологическому развитию» в отрасли [29, р. 653–654, 656].

Ставшее возможным после 1998 г. взаимодействие открыло новые возможности и для южнокорейских и японских культурных и медийных производств: так, колоссальный успех южнокорейского телесериала «Зимняя соната» в Японии «открыл для корейской телевизионной индустрии новую эпоху, когда она стала активнее продвигаться на азиатские рынки» [30, р. 2]. Возможно, менее заметным для иностранных обозревателей, но весьма значимым явлением является масштабный интерес к японской литературе в Южной Корее: так, за период 2005–2015 гг. количество японских романов, опубликованных в стране, увеличилось с 437 до 1 132. Интенсификации межстрановых потоков культурных благ в целом не помешали проблемы исторического прошлого, хотя имели место и случаи призывов к бойкоту южнокорейской популярной культуры в Японии²⁹.

В 2019 г. начался новый виток напряженности в японско-южнокорейских экономических отношениях, который обозреватели сравнивали с «торговой войной» между США и КНР: в июле японское правительство анонсировало ограничения на экспорт химических веществ, имеющих важное значение для индустрии полупроводни-

²⁸ Korea's Economic Relations with Japan. P. 24.

²⁹ Park S. Anti-hallyu voices growing in Japan // The Korea Times. February 21, 2014. <https://koreatimes.co.kr/amp/learningenglish/20140303/anti-hallyu-voices-growing-in-japan> (дата обращения: 25.04.2025).

ков³⁰, на что Южная Корея ответила исключением Японии из списка преференциальных торговых партнеров [31]. Потепление в отношениях двух стран наметилось после визита президента Южной Кореи Юн Сок Ёля в Японию в марте 2023 г.; тогда же было объявлено о снятии экспортных ограничений и взаимном восстановлении в статусе преференциальных торговых партнеров³¹. Одним из важных наметившихся направлений взаимодействия Японии и Южной Кореи является совместное развитие высоких технологий; на саммите лидеров двух стран, прошедшем в ноябре 2023 г. в Стэнфорде, занимавший на тот момент пост премьер-министра Японии Ф. Кисида назвал приоритетными для сотрудничества отраслями полупроводники, квантовые технологии и искусственный интеллект³².

Немаловажным направлением для сотрудничества могут стать культурные и медийные производства. Выделим в данной связи некоторые факторы, которые могут способствовать эффективности кооперации Южной Кореи и Японии в данной сфере и делают ее привлекательной для обеих сторон.

По утверждению К. Хоскинса и Р. Мируса, конкурентным преимуществом с точки зрения экспорта аудиовизуальных благ (в частности, сериалов) является объем внутреннего рынка [32]. В индустрии кино масштаб внутреннего рынка определяет бюджеты фильмов (и технические возможности индустрии), чем зачастую принято объяснять конкурентоспособность американских блокбастеров. В различных культурных индустриях (например, музыка [33], кино [34]) на величину экспорта также влияет «культурная дистанция» – степень сходства культурно обусловленных предпочтений публики. Японские и южнокорейские культурные рынки сравнительно близки с точки зрения потребительских предпочтений (о сходстве предпочтений южнокорейской и японской публики, обусловленном принадлежностью к «конфуцианской» культурной сфере, см.

³⁰ Южнокорейские производители полупроводников существенно зависят от импорта японского оборудования и химических веществ (некоторые из которых на 90% импортировались из Японии) [Dumas L. Japan-South Korea Rivalry: The Semiconductor Industry Instrumentalization and its Implication for the Future of Japan-South Korea Economic Interdependence // Institut de Relations Internationales et Strategiques. March 2021. P. 8. <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2024/07/Asia-Focus-157.pdf> (дата обращения: 26.04.2025)].

³¹ Давыдов О.В. Южная Корея и Япония открывают новую главу в двусторонних отношениях // ИМЭМО РАН. 20.03.2023. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/yuzhnaya-koreya-i-yaponiya-otkrivayut-novuyu-glavu-v-dvustoronnih-otnosheniyah> (дата обращения: 25.04.2025).

³² Strengthening Collaboration Between Japan and the Republic of Korea in Advanced Science and Technology // The Government of Japan. 2.02.2024. https://japan.go.jp/kizuna/2024/02/collaboration_between_japan_and_the_rok.html (дата обращения: 26.04.2025).

[35, р. 218]³³, а также [36, р. 28, 33] и [21, р. 3] о «культурной гибридности», т. е. способности сочетать различные «азиатские» и «западные» культурные элементы, как факторе успеха южнокорейской и японской культурной продукции на глобальных рынках), что делает возможной эффективную интеграцию производств – например, совместное производство кино и сериалов – и использование потенциала обоих рынков. В свою очередь, опираясь на объем объединенных внутренних рынков (см. табл. 2), производители культуры и медиа могут более эффективно конкурировать и на глобальной арене³⁴.

Таблица 2

Оценочный объем рынков культурных благ Японии и Южной Кореи 2021–2026 гг. (млрд долл.)

Год	2021	2022	2023	2024	2025	2026
Япония	208,2	217,5	223,8	229,7	235,1	240,3
Южная Корея	70,2	75,3	79,1	81,9	84,3	86,4

Источник: составлено по: Cultural Content.

Кроме того, важным преимуществом, которое южнокорейские и японские культурные профессионалы – в частности, в индустрии кино – могут извлечь из кооперации, является совместное приобретение и использование «символического капитала» (в первую очередь в форме престижа, выраженного в наградах и номинациях ведущих

³³ В [26, р. 2] также отмечается, что «потоки и обмены в восточно-азиатской сфере популярной культуры преимущественно определяются непропорционально большим количеством этнически китайских потребителей» – таким образом, южнокорейские и японские культурные производства имеют то преимущество, что их продукция привлекательна для китайской публики, образующей огромный по объемам рынок.

³⁴ О целом ряде совместных южнокорейско-японских фильмов и сериалов, находящихся в производстве, см. например, [Lee Y. More Korea-Japan collaborations to hit screens this year // The Korea Herald. 25.02.2025. <https://koreaherald.com/article/10428408> (дата обращения: 26.04.2025)]. Как отмечают эксперты отрасли, японские профессионалы заинтересованы, в частности, получением доступа к отлаженным южнокорейской индустрией каналам дистрибуции. Это особенно актуально ввиду того, что практики дистрибуции в ряде японских культурных производств, как мы подчеркивали выше, отличаются своеобразием.

премий и фестивалей)³⁵. Ярким примером реализации такой возможности является фильм «Брокер», снятый японским режиссером Х. Корээда (обладателем главной награды Каннского кинофестиваля) в Южной Корее с корейскими актерами и принесший исполнителю главной роли премию Канн за лучшую мужскую роль.

Заключение

В данной статье мы, разумеется, могли лишь очень кратко рассмотреть «креативные индустрии» Японии и Южной Кореи, их специфику и основные тенденции. Если отличительной чертой «креативных индустрий» является объединение культурных производств и «технологий... коммерческого массового производства», включая «цифровизацию» [1, р. 138], то Южная Корея является мировым пионером в данной сфере, несмотря на обычное представление о ее истоках в Великобритании и Австралии. На текущем этапе наметилось сотрудничество в «креативных индустриях» между Южной Кореей и Японией не только в «высокотехнологичных отраслях» обрабатывающей промышленности, но и в современных культурных и медийных производствах, которое может придать импульс дальнейшего развития этим национальным моделям.

Изучение южнокорейской и японской моделей «креативных индустрий», дополняя наше представление о различных вариантах реализации данной концепции на практике, в свою очередь, позволяет нам лучше отразить ее теоретическое наполнение. Одна из важных проблем, на которую обращают внимание рассмотренные нами факты, – это связанная с «креативными индустриями» тенденция к инструментализации культуры, трение между пониманием культурной деятельности как создания благ индивидуальными агентами и как участия в культурной жизни общества, в реализации общих культурных ценностей³⁶. Эта проблема, в том числе в приложении к российскому контексту, требует серьезных дискуссий.

³⁵ Данная категория, изначально заимствованная из теоретических работ П. Бурдьё (см. [37]), широко используется для анализа социо-экономического значения кинофестивалей и кинопремий (см. например, [38]). Общим местом в литературе является предпосылка, что «символический капитал» конвертируется и в экономический, способствуя повышению кассовых сборов кинокартин. В работе [39] демонстрируется приоритет, который ведущие «арбитры качества» в индустрии кино систематически отдают картинам, созданным в «западных» странах, что делает сотрудничество Японии и Южной Кореи еще более актуальным.

³⁶ См.: [40, с. 266] о представляющем собой «общественное благо» пространстве «мыслей, чувств, звуков, ощущений, языка, символов, значений» – литература по «кре-

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Towse R.* Creative Industries // *Towse R., Navarrete Hernández T.* (eds.). Handbook of Cultural Economics (Third edition). Cheltenham and Northampton: Edward Elgar Publishing, 2020. Pp. 137–144.
2. *Музычук В.Ю.* Творческие (креативные) индустрии: вызовы для некоммерческого сегмента культуры // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 5. С. 7–39. [*Muzychuk V.Yu.* Creative Industries: Challenges for the Non-Commercial Segment of the Cultural Sector // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 5. Pp. 7–39. (In Russ.)] DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_7_39. EDN: BXIKUF.
3. *Demir E.M.* On the Current Situation of Creative Industries in Turkey // *Etkileşim.* 2022. № 9. Pp. 224–239. DOI: 10.32739/etkilesim.2022.5.9.162.
4. *Kim S.* Aggressive Yet Benign: Korea's Engagement in Creative Industries in Africa // *International Journal of Cultural Policy.* Vol. 26. № 7. Pp. 929–941. DOI: 10.1080/10286632.2020.1828383.
5. *Scott A.* Hollywood and the World: The Geography of Motion-Picture Distribution and Marketing // *Review of International Political Economy.* 2004. Vol. 11. № 1. Pp. 33–61.
6. *Lee H.-K.* Introduction: Understanding of the Cultural and Creative Industries in Asia // *Lim L., Lee H.-K.* (eds.). *Routledge Handbook of Cultural and Creative Industries in Asia.* London and New York: Routledge, 2019. Pp. 24–39.
7. *Newsinger J.A.* A Cultural Shock Doctrine? Austerity, the Neoliberal State and the Creative Industries Discourse // *Media, Culture & Society.* 2015. Vol. 37. № 2. Pp. 302–313.
8. *Beirne M.* et al. Autonomy and Resilience in Cultural Work: Looking Beyond the 'Creative Industries' // *Journal for Cultural Research.* 2017. Vol. 21. № 2. DOI: 10.1080/14797585.2016.1275311.
9. *Flew T., Cunningham S.* Creative Industries after the First Decade of Debate // *The Information Society: An International Journal.* 2010. Vol. 26. № 2. Pp. 113–123. DOI: 10.1080/01972240903562753.
10. *Oyama S.* In the closet: Japanese Creative Industries and their Reluctance to Forge Global and Transnational Linkages in ASEAN and East Asia // *ERIA Discussion Paper Series.* 2019. Vol. 295. Pp. 1–25.
11. *Jin D.Y.* The Korean Government's New Cultural Policy in the Age of Social Media // *Kawashima N., Lee H.-K.* (eds.). *Asian Cultural Flows: Cultural Policies, Creative Industries, and Media Consumers.* Singapore: Springer, 2020. Pp. 3–17.
12. *Otmazgin N.* State Intervention Does Not Support the Development of the Media Sector: Lessons from Korea and Japan // *Global Policy.* 2020. Vol. 11. № 52. Pp. 40–46. DOI: 10.1111/1758-5899.12821.
13. *McGray D.* Japan's Gross National Cool // *Foreign Policy.* 2002. Vol. 130. Pp. 44–54. DOI: 10.2307/3183487.
14. *Паксютов Г.Д.* Экономическое значение японской «индустрии контента» // Японские исследования. 2019. № 1. С. 51–72. [*Paksiutov G.D.* Economic Contribution of Japan's Content Industry // *Japanese Studies in Russia.* 2019. No. 1. Pp. 51–72. (In Russ.)] DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10004. EDN: ZCWHWX.

ативным индустриям» зачастую опускает важность подобных культурных «ресурсов», фокусируясь на индивидуальной «креативности».

15. *Steinberg M.* The Platform Economy: How Japan Transformed the Consumer Internet. Minneapolis and London: Minnesota University Press, 2019.
16. *Matsui T.* Nation branding through stigmatized popular culture: The «Cool Japan» craze among central ministries in Japan // *Hitotsubashi Journal of Commerce and Management*. 2014. Vol. 48. № 1. Pp. 81–97.
17. *Рубинштейн А.Я.* Креативная экономика патерналистского государства: что день грядущий нам готовит? // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. Т. 54. № 2. С. 209–212. [*Rubinshtein A.Ya.* Creative Economy of the Paternalistic State: What Does the Coming Day Hold for Us? // *Journal of the New Economic Association*. 2022. Vol. 54. No. 2. Pp. 209–212. (In Russ.)] DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-11. EDN: NMEKGH.
18. *Kawashima N.* ‘Cool Japan’ and Creative Industries: An Evaluation of Economic Policies for Popular Culture Industries in Japan // *Asian Cultural Flows: Cultural Policies, Creative Industries, and Media Consumers*. Pp. 18–36.
19. *Kwon S., Kim J.* The cultural industry policies of the Korean government and the Korean Wave // *International Journal of Cultural Policy*. 2014. Vol. 20. № 4. Pp. 422–439. DOI: 10.1080/10286632.2013.829052.
20. *Jin D.Y.* Construction of Digital Korea: The Evolution of New Communication Technologies in the 21st Century // *Media, Culture & Society*. 2017. Vol. 39. № 5. Pp. 715–726. DOI: 10.1177/0163443717709441.
21. *Jung S.* Korean Masculinities and Transcultural Consumption: Yonsama, Rain, Oldboy, K-pop Idols. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2011.
22. *Lee H.-K., Lim L.* Culture, Digitalization and Diversity: Asian Perspectives // *Routledge Handbook of Cultural and Creative Industries in Asia*. Pp. 527–547.
23. *Kim Y.* Sell Your Loneliness: Mukbang Culture and Multisensorial Capitalism in South Korea // *Routledge Handbook of Cultural and Creative Industries in Asia*. Pp. 363–382.
24. *Putnam R.D.* *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.
25. *Кистанов В.О.* Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // *Японские исследования*. 2019. № 3. С. 33–48. [*Kistanov V.O.* Relations between Japan and South Korea: Problems, Trends, Perspectives // *Japanese Studies in Russia*. 2019. No. 3. Pp. 33–48. (In Russ.)] DOI: 10.24411/2500-2872 2019-10019. EDN: VNXHTQ.
26. *Chua B.H., Iwabuchi K.* Introduction // *Chua B.H., Iwabuchi K.* (eds.). *East Asian Pop Culture: Analyzing the Korean Wave*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2008. Pp. 1–12.
27. *Toshiyuki B.* Changes in International Competition Regarding Auto-parts in China, Korea, and Japan // *Journal of International Economic Studies*. 2016. Vol. 30. Pp. 27–40. DOI: 10.15002/00012843.
28. *Bown C.P.* How the United States Marched the Semiconductor Industry into its Trade War with China // *East Asian Economic Review*. 2020. Vol. 24. № 4. Pp. 349–388. DOI: 10.11644/IEP.EAER.2020.24.4.384.
29. *Gnyawali D.R., Park B.-J.* Co-opetition Between Giants: Collaboration with Competitors for Technological Innovation // *Research Policy*. 2011. Vol. 40. № 5. Pp. 650–663.
30. *Kuwahara Y.* Introduction // *Kuwahara Y.* (ed.). *The Korean Wave: Korean Popular Culture in Global Context*. New York: Pulgrave Macmillan, 2014. Pp. 1–12.

31. *Shin S., Balistreri J.* The Other Trade War: Quantifying the Korea-Japan Trade Dispute // *Journal of Asian Economics*. 2022. Vol. 79. DOI: 10.1016/j.asieco.2022.101442.
32. *Hoskins C., Mirus R.* Reasons for the US Dominance of the International Trade in Television Industry // *Media, Culture & Society*. 1988, Vol. 10. № 4. Pp. 499–515.
33. *Takara Y.* Do Cultural Differences Affect the Trade of Cultural Goods? A Study of Trade in Music // *Journal of Cultural Economics*. 2017. Vol. 42. № 3. Pp. 393–417.
34. *Holloway I.R.* Foreign Entry, Quality, and Cultural Distance: Product-Level Evidence from US Movie Exports // *Review of World Economics*. 2014. Vol. 150. Pp. 371–392. DOI: 10.1007/s10290-013-0180-3.
35. *Kuwahara Y.* Hanryu: Korean Popular Culture in Japan // *The Korean Wave: Korean Popular Culture in Global Context*. Pp. 213–222.
36. *Iwabuchi K.* Recentring Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism. Durham and London: Duke University Press, 2002.
37. *Бурдьё П.* Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. [*Bourdieu P.* Forms of Capital // *Economic Sociology*. 2002. Vol. 3. No. 5. Pp. 60–74. (In Russ.)].
38. *de Valck M.* Film Festivals: From European Geopolitics to Global Cinophilia. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007.
39. *Паксютов Г.Д.* «Мягкая сила» и «культурный капитал» наций: пример киноиндустрии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 11. С. 106–113. [*Paksiutov G.D.* «Soft Power» and «Cultural Capital» of Nations: The Case of Film Industry // *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64. No. 11. Pp. 106–113. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-106-113. EDN: HWSIJJ.
40. *Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А.* Экономика культуры. М.: Школа-студия МХАТ, Государственный институт искусствознания, 2024. [*Rubinshtein A.Ya., Burakov N.A.* Cultural Economics. Moscow: Studio School Moscow Art Academic Theater, State Institute of Art Studies, 2024. (In Russ.)] EDN: GHRTJJ.

Дата поступления рукописи: 20.04.2025 г.

Дата принятия к публикации: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паксютов Георгий Давидович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований ФГАУН Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7153-4315
gpaksiutov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Georgii D. Paksiutov – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Center for Japanese studies, Institute of China and Contemporary Asia, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7153-4315
gpaksiutov@mail.ru

JAPAN AND SOUTH KOREA'S CREATIVE INDUSTRIES: COMPETITION AND THE PROSPECTS OF COOPERATION

The article examines a number of trends defining the specific characteristics and the global standing of the creative industries in Japan and South Korea. We highlight Japan's relative resistance to the processes of digitalization of production and distribution on the cultural markets. In contrast, South Korean popular culture industries have been developing in close cooperation with the information technology industry since the 1990s. We examine the factors that could contribute to the success of the currently expanding collaboration between Japan and South Korea in the production of cultural goods. It is emphasized that the concept of the creative industries in its current form implies the danger of instrumentalization of culture.

Keywords: *Creative industries, cultural industries, cultural goods, Japan-South Korea economic relations, «Korean wave», Cool Japan.*

JEL: Z1, N75.

Д.У. САМАНДАРОВ

докторант Академии государственной политики и управления
при Президенте Республики Узбекистан

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье анализируется международный опыт финансирования системы здравоохранения, проводится исследование разных моделей финансирования здравоохранения в развитых странах мира. Рассматриваются источники финансирования системы здравоохранения и пути обеспечения ее финансовой устойчивости, а также уровень доступности медицинских услуг для населения в Швеции, Германии, Австрии и Южной Кореи. Согласно результатам исследования, единой идеальной модели не существует, и каждая страна должна адаптировать систему финансирования здравоохранения с учетом своей экономической и демографической специфики.

Ключевые слова: *система здравоохранения, финансирование, модель Бевериджа, модель Бисмарка, модель Бев-Марк, медицинское страхование, международный опыт.*

УДК: 336.5, 364.05

EDN: ZRUZWK

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_199_212

Введение

Государственное финансирование системы здравоохранения и ее эффективная работа должны обладать следующими характеристиками:

- эффективное медицинское обслуживание, что предполагает оказание качественной медицинской помощи и улучшение ее результатов при рациональном использовании ресурсов;
- устойчивость финансирования системы здравоохранения, под которой следует понимать, что система здравоохранения имеет стабильный и надежный источник финансирования, обеспечивающий предоставление необходимого объема медицинских услуг для населения;
- равенство доступа к медицинским услугам, а также возможность доступа – обеспеченность необходимым количеством врачей и медицинского персонала, больничных коек и т. п.;
- высокий уровень общего здоровья населения.

Учитывая вышеизложенные задачи, государство должно стремиться повысить эффективность использования бюджетных средств, направляемых в систему здравоохранения, установить контроль и осуществлять постоянный мониторинг достигнутых результатов с возможностью внесения необходимых изменений и дополнений. Для этого весьма полезным представляется анализ зарубежного опыта финансирования данной сферы.

Целью исследования было изучение и сравнение разных моделей финансирования здравоохранения, а именно: модели Бевериджа (Beveridge, используемой в Швеции и Великобритании), Бисмарка (Bismarck – в Германии и Японии), гибридной модели (Hybrid – в Австрии и Коста-Рике), а также модели, используемой в Южной Корее. Каждая модель сравнивалась с точки зрения источников финансирования, экономической эффективности, доступности медицинских услуг для населения и результатов в области здравоохранения.

Методы и данные

В исследовании использованы открытые источники и официальные статистические данные международных организаций. В частности, были использованы данные Всемирной организации здравоохранения, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, а также материалы научных статей и исследовательских работ.

В данном исследовании представлен сравнительный анализ указанных выше моделей финансирования здравоохранения, позволяющий в дальнейшем разработать практические рекомендации по повышению экономической эффективности системы здравоохранения и эффективному использованию государственных ресурсов.

Финансирование систем здравоохранения в разных странах: модели и результаты

Прежде всего отметим, что уровень финансирования системы здравоохранения заметно отличается по разным странам (см. табл. 1). Например, в Турции на здравоохранение тратится 4,1– 4,6 % ВВП, а в США – 16,5–18,8% ВВП. Если сравнивать развитие экономики, то и в этом случае США намного опережают другие страны. Если в Германии этот показатель составил 8 010,9 долл. США на человека в 2022 г., то в США он на 56,73% больше, чем в Германии, и составил 12 555,3 долл. США на человека. При этом есть признаки, что в США не совсем удовлетворены таким положением дел и там проводятся научные исследования по изучению немецкого опыта и возможностей его внедрения в целях снижения расходов на здравоохранение. Так,

например, в работе Цзун-Мэй Ченга «Изменение кривой роста расходов и расширение охвата: уроки немецкой системы всеобщего плательщика» рассматривается система «единого плательщика», используемая для финансирования системы здравоохранения Германии.

Таблица 1

Доля текущих расходов на здравоохранение в ВВП (2015–2022 гг.), %

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Колумбия	7,5	7,5	7,7	7,6	7,8	8,7	9,0	8,1
Коста-Рика	7,6	7,3	7,0	7,3	7,2	7,8	7,6	7,2
Дания	10,3	10,2	10,1	10,1	10,2	10,6	10,8	9,5
Германия	11,2	11,2	11,3	11,5	11,7	12,7	12,9	12,7
Мексика	5,7	5,6	5,5	5,4	5,4	6,2	6,1	5,5
Турция	4,1	4,3	4,2	4,1	4,4	4,6	4,6	4,3
США	16,5	16,8	16,8	16,6	16,7	18,8	17,4	16,6

Источник: составлено автором по данным ОЭСД. [https://data-explorer.oecd.org/vis?fs\[0\]=Topic%2C1%7CHealth%23HEA%23%7CHealth%20expenditure%20and%20financing%23HEA_EXP%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=5&vw=tb&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_SHA%40DF_SHA&df\[ag\]=OECD.ELS.HD&df\[vs\]=1.0&dq=.A.EXP_HEALTH.PT_B1GQ._T._T._T...&pd=2015%2C&to\[TIME_PERIOD\]=false](https://data-explorer.oecd.org/vis?fs[0]=Topic%2C1%7CHealth%23HEA%23%7CHealth%20expenditure%20and%20financing%23HEA_EXP%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=5&vw=tb&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_SHA%40DF_SHA&df[ag]=OECD.ELS.HD&df[vs]=1.0&dq=.A.EXP_HEALTH.PT_B1GQ._T._T._T...&pd=2015%2C&to[TIME_PERIOD]=false)

Национальные системы здравоохранения характеризуются такими показателями, как охват населения медицинским обслуживанием, расходы системы здравоохранения, внешнее финансирование со стороны государства, региональных и местных/муниципальных бюджетов, бизнес-организаций (прежде всего работодателей), расходы населения на здравоохранение и др. Результаты работы системы здравоохранения могут быть описаны такими показателями, как ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, уровень младенческой смертности, уровень материнской смертности, общая и первичная заболеваемость, распространенность хронических заболеваний, уровень инвалидности, доля населения, регулярно проходящего диспансеризацию, повторное обращение за медицинской помощью, частота обращений за медицинской помощью, госпитализация и средняя длительность пребывания в стационаре, а также охват населения вакцинацией.

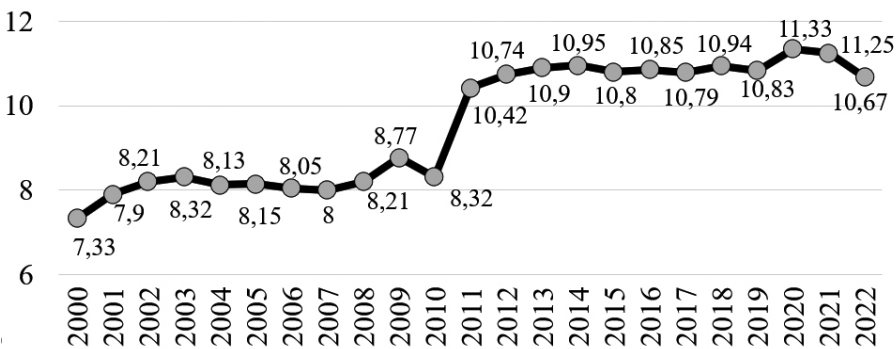
Среди используемых моделей финансирования здравоохранения выделяются следующие модели: Беверидж (например, в Швеции и Великобритании); модель Бисмарка (например, в Германии и Японии); гибридные Бев-Марк модели (например, в Австрии и Коста-Рике); а также национальные модели систем медицинского страхова-

ния (действующие, например, в Канаде и Южной Корее)¹. Проанализируем детальнее эти модели.

Финансирование системы здравоохранения в Швеции

Модель финансирования системы здравоохранения в Швеции (модель Бевериджа) предполагает государственное финансирование расходов на здравоохранение. Такая система применяется в Швеции и Великобритании. Ниже мы рассмотрим механизмы и показатели финансирования шведской системы здравоохранения.

Расходы на здравоохранение в Швеции в среднем составляли 11% от валового внутреннего продукта страны в 2018–2022 гг., а в 2022 г., после пандемии COVID-19, они составили 10,67% (см. рис. 1).

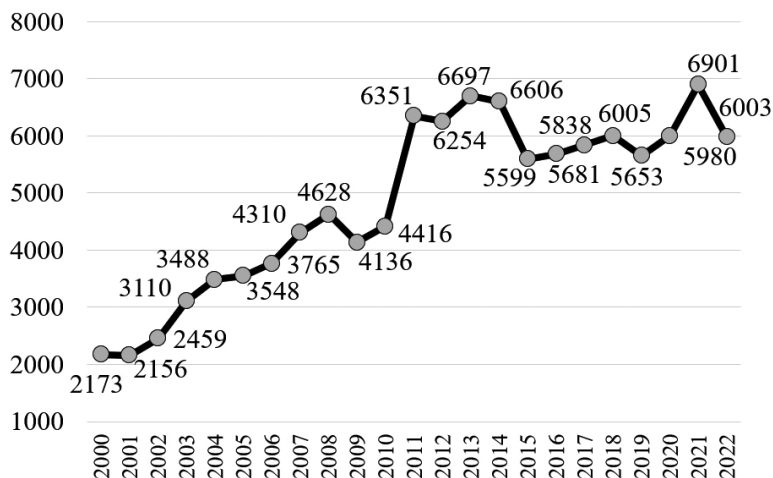
Источник: составлено автором по: данные Всемирного банка. <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS?end=2022&locations=SE&start=2000&view=chart>.

Рис. 1. Расходы Швеции на здравоохранение, в % от ВВП

По данным Всемирного банка, расходы на здравоохранение на душу населения в стране в 2022 г. составили 5 980 долл. США, а средний показатель за 2018 и 2022 г. составил 6 108,4 долл. США (см. рис. 2).

Из бюджетных средств покрывается 86% (2020 г.) расходов на здравоохранение, 13% поступает от хозяйствующих субъектов и 1% – из системы добровольного медицинского страхования [1, р. 51]. Основная часть бюджетных расходов на систему здравоохранения финансируется за счет налогов, взимаемых регионами и муниципалитетами (56%), а также налоговых субсидий от правительства Швеции (25%), и около 5% расходов покрываются другими регионами и муниципалитетами за счет арендной платы, продаж и аналогичных источников [1, р. 51].

¹ National Health Systems. <https://healthsystemsfacts.org/national-health-systems> (accessed: 31.05.2024).

Источник: составлено автором по: данные Всемирного банка. <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.PC.CD?locations=SE>.

Рис. 2. Текущие расходы на здравоохранение на душу населения в Швеции, в долл. США

В основе шведской модели финансирования здравоохранения лежит определенная «философия» – экономический подход, предполагающий, что ресурсы здравоохранения ограничены. Одновременно предполагается, что расстановка приоритетов – это постоянный процесс, а концепция расстановки приоритетов означает определение последовательности расходов в соответствии с их важностью [2, р. 563].

Рассматривая концепцию приоритета, невозможно не остановиться на такой области науки, как экономика медицины. Экономика медицины предлагает основу для измерения, оценки и сравнения затрат и доходов от различных мер, принимаемых государством в сфере здравоохранения [3]. С помощью механизмов оценки, таких как анализ затрат и доходов, анализ экономической эффективности, а также страховых оценок, можно проводить систематические и периодические исследования для оценки финансовых и физических изменений, происходящих в результате различных реализованных государственных мер [3]. Одной из основных целей этой дисциплины является «определение того, какие методы лечения следует использовать для достижения максимальной пользы для здоровья, учитывая ограниченный бюджет здравоохранения»².

В Швеции принятие приоритетных решений в сфере здравоохранения основывается на этической платформе, основанной на принципах человеческого достоинства, потребностей и солидарности, а также

² Health economics. <https://www.tlv.se/in-english/medicines/health-economics.html> (accessed: 07.06.2024).

на экономической эффективности. Согласно принципу человеческого достоинства, каждый человек имеет равную ценность и права, независимо от личных качеств или социального положения. Принцип потребностей и солидарности требует, чтобы ресурсы здравоохранения направлялись в первую очередь туда, где они больше всего нужны. Принцип экономической эффективности подразумевает, что выбор услуг или методов лечения должен основываться на рациональном соотношении затрат и результатов³.

Финансирование системы здравоохранения в Германии (модель Бисмарка)

Основой модели Бисмарка является система медицинского страхования, и ярким примером использования модели Бисмарка является организация финансирования здравоохранения в Германии.

Немецкая система здравоохранения отличается уникальной системой всеобщего обязательного медицинского страхования, которая охватывает все население. В Германии действует несколько организаций медицинского страхования, и граждане имеют возможность выбирать между фондами медицинского страхования, работающими в конкурентной среде. Система известна своей ориентацией на профилактическую помощь, на высококачественную медицинскую помощь, а также на меры по сокращению расходов.

Принцип финансирования немецкой системы здравоохранения называется системой всеобщего плательщика, которую Райнхардт определяет следующим образом: «В системе всеобщего плательщика все застрахованные лица в государстве платят поставщикам медицинских услуг одинаковую цену за определенную медицинскую услугу, с учетом определенных вариаций» [4, р. 280].

Немецкая система здравоохранения значительно дешевле, чем система здравоохранения США. В то время как расходы Германии на здравоохранение в 2022 г. составили 12,7% ВВП, в США этот показатель достиг 16,6%, что делает США лидером по этому показателю среди всех других стран ОЭСР.

Обязательное медицинское страхование в Германии составляет 14,6%: работодатель и работник производят взносы по ставке 7,3% каждый, исходя из начисленного фонда оплаты труда⁴. Также существует обязательное страхование на случай необходимости длитель-

³ Health economics. <https://www.tlv.se/in-english/medicines/health-economics.html> (accessed: 07.06.2024).

⁴ Germany. Individual – Other taxes. <https://taxsummaries.pwc.com/germany/individual/other-taxes> (accessed: 30.05.2024).

ного ухода, размер которого составляет 4% от заработной платы, из которых доля работника установлена в размере 2,3%. Сотрудникам, имеющим детей, предоставляются льготы. Сотрудники с постоянным доходом более 69 300 евро в год могут заключать договоры медицинского страхования с частными страховыми компаниями, при этом размер страховой премии также может варьироваться⁵. При заключении договора страхования с частными медицинскими страховыми компаниями размер страховой премии рассчитывается не на основе доходов человека, а на основе его возраста и рисков для здоровья [5, p. 24].

Страховые взносы на медицинское страхование являются основной системой финансирования здравоохранения. Специальные фонды, созданные для борьбы с болезнями, отвечают за сбор взносов, которые затем переводятся в центральный перераспределительный фонд под названием *Gesundheitsfond*, который затем перераспределяет доход в соответствии с механизмом снижения рисков [5, p. 24].

Общие налоговые поступления также используются для различных целей в системе здравоохранения. Все бюджеты, основанные на налогах, на федеральном и региональном уровнях устанавливаются законодательными органами на основе предложений соответствующих правительств, а капитальные вложения в больницы финансируются за счет бюджетов земель [5, p. 76].

В табл. 2 представлены источники расходов на здравоохранение в Германии в 2022 г.

Таблица 2

Источники финансирования расходов на здравоохранение в Германии в 2022 г.

Источники	Млн евро	%
Государственный бюджет	51 441	10,2
Обязательное медицинское страхование	265 397	53,0
Обязательное долгосрочное страхование по уходу	57 691	11,5
Обязательное пенсионное страхование	5 239	1,0
Обязательное страхование от несчастных случаев	6 498	1,3
Частное медицинское страхование	38 507	7,7
Работодатели	19 385	3,9
Домохозяйства/частные некоммерческие организации	57 018	11,4
Всего	501 176	100

Источник: составлено автором по: данные Федерального статистического ведомства Германии. <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Health/Health-Expenditure/Tables/sources-of-funding.html>

⁵ Germany. Corporate – Other taxes. <https://taxsummaries.pwc.com/germany/corporate/other-taxes>.

Из этого следует, что в Германии в последние годы 75% расходов на здравоохранение покрывалось за счет систем страхования и лишь 9–10% покрывалось за счет средств государственного бюджета, то есть налоговых поступлений.

Финансирование системы здравоохранения в Австрии (модель Бев-Марк)

Австрийская система здравоохранения, основанная на модели Бев-Марк, финансируется как за счет общих налоговых поступлений, так и за счет обязательных взносов социального страхования.

В 2022 г. расходы на систему здравоохранения Австрии составили 49 897 млн евро. Финансируемая государством часть составила 38 697 млн евро, при этом расходы, финансируемые за счет общих налогов, составили 34,98% от общих расходов австрийской системы здравоохранения в 2022 г., или 17 456 млн евро, в то время как расходы, финансируемые за счет обязательных взносов социального страхования, составили 42,57% от общих расходов, или 21 241 млн евро. Остальная часть общих расходов покрывается за счет других источников, а именно: схем добровольного медицинского страхования, схем финансирования некоммерческих организаций, схем финансирования предприятий и т. д. (подробнее см. табл. 3).

Таблица 3

Источники финансирования системы здравоохранения в Австрии в 2022 г.

	Общие расходы на здравоохранение	млн евро	%
1	<i>Государственные схемы и схемы обязательного финансирования здравоохранения, в том числе:</i>	38 697	77,6
1.1	Государственные схемы	17 456	35,0
1.2	Схемы обязательного медицинского страхования социального медицинского страхования	21 241	42,6
2	<i>Схемы добровольной медицинской оплаты, в том числе:</i>	3 221	6,4
2.1	Программы добровольного медицинского страхования	2 271	4,5
2.2	Схемы финансирования некоммерческих организаций	829	1,7
2.3	Схемы финансирования предприятий	121	0,2
3	<i>Платежи домохозяйств, в том числе:</i>	7 979	16,0
3.1	Разделение затрат со сторонним плательщиком Программы социального медицинского страхования	773	1,5
	Всего	49 897	100

Источник: составлено автором по: статистические данные Австрии. <https://www.statistik.at/en/statistics/population-and-society/health/health-care-and-expenditure/health-expenditure>

Медицинское обслуживание в Австрии не ограничивается всеми уровнями медицинской помощи, такими как врачи общей практики, специалисты и больницы. Это означает, что человек, желающий воспользоваться медицинскими услугами, может обратиться к выбранному им специалисту, а кроме того, такой выбор также позволяет ему выбирать между медицинскими учреждениями, когда ему необходима амбулаторная помощь⁶.

Финансирование системы здравоохранения в Южной Корее

Система здравоохранения Южной Кореи финансируется в соответствии с собственной моделью и состоит из двух компонентов: обязательного социального медицинского страхования и медицинской помощи. Система национального медицинского страхования (НМ) предоставляет всем гражданам медицинскую страховку. Система финансирует расходы на здравоохранение за счет двух основных источников: взносов застрахованных и государственных субсидий⁷.

В Корее программа медицинской помощи представляет собой форму государственной поддержки, используемую для предоставления медицинских услуг малообеспеченным слоям населения посредством государственных субсидий. Кроме того, стандартной моделью оплаты амбулаторной и стационарной помощи в Корее является оплата за оказанные услуги, что привело к увеличению объема услуг, которые могут предоставлять специалисты здравоохранения. В 2012 г. была введена оплата по диагностическим группам (ДГ) для семи групп заболеваний⁸.

Диагностические группы – форма оплаты стационарной медицинской помощи, при которой все случаи оказания медицинской помощи оплачиваются по единому тарифу, определяемому видом заболевания. Указанные суммы определяются с учетом средних затрат на стандартизированные лечебные работы⁹.

Корея тратит на здравоохранение 4 570 долл. США на душу населения – меньше по сравнению со средним показателем в 4 986 долл. США (по паритету покупательной способности доллара США) в стра-

⁶ Health systems in transition. Austria. <https://eurohealthobservatory.who.int/countries/austria#:~:text=The%20health%20system%20is%20financed,40%25%20come%20from%20general%20taxation> (accessed: 25.06.2024).

⁷ Healthcare system in Korea. <https://www.hira.or.kr/dummy.do?pgmid=HIRAJ010000006000#:~:text=Health%20security%20system%20in%20insurance%20and%20government%20subsidies> (accessed: 06.26.2024).

⁸ Там же.

⁹ Диагностически связанные группы. clck.ru/3MwKX3

нах Организации экономического сотрудничества и развития. Эти расходы составляют 9,7% от валового внутреннего продукта Кореи, а в Организации экономического сотрудничества и развития расходы государств-членов на систему здравоохранения в среднем составляют 9,2% от ВВП. В Корее на 1000 человек приходится 2,6 практикующих врачей (средний показатель по ОЭСР – 3,7) и 8,8 практикующих медсестер (в среднем по ОЭСР – 9,2). В Корее на 1000 человек приходится 12,8 больничных коек, что выше среднего показателя по ОЭСР – 4,3¹⁰.

Сравнительный анализ систем финансирования здравоохранения

Российские ученые В.В. Омеляновский, Л.В. Максимова и А.П. Татаринов [6], анализируя зарубежный опыт финансирования системы здравоохранения, отметили, что ни в одной стране нет единой модели финансирования – в любой модели есть один доминирующий источник финансирования, который в бюджетной и страховой моделях обеспечивает более 70% расходов, а устойчивость системы зависит от охвата населения бесплатной медицинской помощью, от эффективности использования ресурсов и доступности медицинских услуг. Они также отметили, что ни одна страна не может покрыть все расходы на здравоохранение за счет государственных средств без частного страхования или доплат.

Сравнительные данные для разных стран представлены в табл. 4.

Так, Швеция при расходах на здравоохранение в размере 11,7% от ВВП и 6 438 долл. США на душу населения на здравоохранение, финансируемых на 86% из государственного бюджета и с низким уровнем расходов населения (13%), демонстрирует высокую продолжительность жизни (83,1) и невысокую младенческую смертность (2,4%), несмотря на скромный стационарный фонд (2 больничные койки на 1 000 человек) и короткое пребывание в больнице (в среднем 5,5 дня). Германия и Австрия, делающие ставку на обязательное страхование (75% и 46% соответственно) и тратящие 8 011 и 7 725 долл. США на душу населения соответственно, получают близкие к шведским показатели, но при более высоких расходах на душу населения. Южная Корея, тратя на здравоохранение лишь 9,7% от ВВП и 4 570 долл. США на душу населения, достигает лучших результатов (ожидаемая продолжительность жизни при рождении 83,8 года и младенческая смертность равна 1 на 1 000 новорожденных) благодаря интенсивному использованию больничных коек (12,8 койко-мест на 1 000 человек

¹⁰ OECD (2023), Health at a Glance 2023: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/7a7afb35-en>.

Таблица 4

Сравнительный анализ систем финансирования здравоохранения

Показатели	Швеция	Германия	Австрия	Южная Корея
Расходы на здравоохранение (% ВВП)	11,7 (2022)	12,6 (2022)	11,3 (2022)	9,7 (2022)
Расходы на здравоохранение на душу населения (USD PPP) (долл.)	6 438 (2022)	8 011 (2022)	7 725 (2022)	4 570 (2022)
Финансирование из госбюджета (% от общих расходов)	86 (2021)	11 (2021)	38 (2021)	17 (2021)
Обязательное медицинское страхование, %	0 (2021)	75 (2021)	41 (2021)	46 (2021)
Добровольное медицинское страхование, %	1 (2021)	1 (2021)	4 (2021)	8 (2021)
Расходы населения (% от общих расходов)	13 (2021)	12 (2021)	16 (2021)	29 (2021)
Другие источники финансирования, %	0 (2021)	1 (2021)	2 (2021)	1 (2021)
Доступ к медицинской помощи (% населения)	85 (2021)	88 (2021)	85 (2021)	89 (2021)
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	83,1 (2021)	80,8 (2021)	81,3 (2021)	83,8 (2021)
Младенческая смертность (на 1 000 новорожденных)	2,4 (2021)	3,0 (2021)	2,7 (2021)	1 (2022)
Число врачей на 1 000 человек	4,3 (2021)	4,5 (2021)	5,4 (2021)	2,6 (2021)
Число больничных коек на 1 000 человек	2 (2021)	7,8 (2021)	6,9 (2021)	12,8 (2021)
Средняя продолжительность пребывания в больнице (дней)	5,5 (2021)	8,8 (2021)	8,5 (2021)	18,5 (2021)

Источник: составлено автором по данным с сайта <https://healthsystemsfacts.org/national-health-systems>

и в среднем 18,5 дня со средней продолжительностью лечения в стационаре) и высокой доле расходов населения (29%), что указывает на сбалансированность между доступностью и финансовой нагрузкой на население.

Таким образом, эффективность системы здравоохранения определяется не столько абсолютным уровнем затрат, сколько их структурой и организацией: высокая доля бюджетного финансирования и упор на амбулаторную помощь позволяют оптимизировать расходы и минимизировать прямые платежи (Швеция), тогда как модели

с преобладанием обязательного страхования и стационарного лечения требуют больших ресурсов без пропорционального прироста достигаемых результатов. Из этого следует, что для повышения экономической эффективности при ограниченном бюджете рекомендуется расширять первичное звено и удерживать расходы населения на низком уровне.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что средства, выделяемые из государственных или других источников, целесообразно направлять в первую очередь на укрепление принципа «лучше предупредить, чем лечить», четко определяя приоритеты. Систематическое использование методов медицинской экономики (анализ затрат и выгод, анализ экономической эффективности, оценка) позволяет осуществлять непрерывный мониторинг и рационально распределять бюджетные средства.

Модели, обеспечивающие такую государственную политику, в первую очередь оптимизируют расходы, направляемые на обеспечение работы больниц, поликлиник, на профилактические осмотры и пропаганду здорового образа жизни, что позволяет улучшить здоровье населения. В то же время, привлекая частный сектор, можно расширить спектр медицинских услуг за счет повышения качества услуг и создания конкурентной среды. Однако для этого необходимо создание более четких механизмов правового регулирования, лицензирования и контроля со стороны государства.

Следует отметить, что ни одна страна не ограничивается только одной моделью: каждая разработала гибридные подходы, основанные на своих потребностях, социально-экономических условиях и демографических данных. Поэтому вместо того чтобы без слов принять единую модель финансирования системы здравоохранения, необходимо принимать практические меры на местах после проведения глубокого анализа местных условий и потребностей и затем соответствующим образом расставлять приоритеты.

Приоритетное развитие сферы здравоохранения напрямую связано с эффективным управлением, справедливым распределением и последовательным контролем государственных средств. Главной целью любой системы, будь то централизованная или страховая, является улучшение здоровья населения и расширение всеобщего доступа к услугам здравоохранения. Поэтому при разработке стратегий в сфере здравоохранения необходимо учитывать общепризнанные принципы – человеческого достоинства, потребностей и солидарности, а также экономической эффективности, и при этом

самостоятельно и непрерывно развивать каждый элемент в рамках системы.

Таким образом, опыт разных стран показывает, что не существует идеальной модели финансирования и организации системы здравоохранения. Существующие подходы должны основываться на таких факторах, как здоровье населения, целевое расходование бюджетных средств и расстановка приоритетов. Любая модель подтверждает, что программно-целевое финансирование со стороны государства является наиболее эффективным способом обеспечения стабильности системы, прозрачности и эффективности расходов.

ЛИТЕРАТУРА /REFERENCES

1. *Janlöv N., Blume S., Glenngård A. H., Hanspers K., Anell A., & Merkur, S.* Sweden: Health System Review. Health systems in transition. 2023. No. 25 (4). Pp. 1–236.
2. *Carlsson P.* Priority setting in health care: Swedish efforts and experiences // *Scand J Public Health.* 2010, Aug. No. 38 (6). Pp. 561–564. DOI: 10.1177/140349 48103 77406.
3. *Nutan Shashi Tigga, Vikash R. Keshri.* Changing perspectives of public health in India: the growing role of health economics: [version 1; peer review: 1 approved with reservations, 1 not approved] // *Gates Open Research.* London (Feb. 3, 2020). DOI: 10.12688/gatesopenres.13109.1.
4. *Reinhardt U.E.* The many different prices paid to providers and the flawed theory of cost shifting: Is it time for a more rational all-payer system? // *Health Affairs.* 2011. No. 30 (11). Pp. 2125–2133.
5. *Blümel M., Spranger A., Achstetter K., Maresso A., Litvinova Y., Busse R.* Germany: Health system summary, 2022 // *European Observatory on Health Systems and Policies.* 2022. <https://eurohealthobservatory.who.int/publications/i/germany-health-systemsummary-2022>
6. *Омельяновский В.В., Максимова Л.В., Татаринов А.П.* Зарубежный опыт: модели финансирования и организации систем здравоохранения // *Финансовый журнал.* 2014. № 3 (21). С. 22–34. [*Omelyanovsky V.V., Maksimova L.V., Tatarinov A.P.* Foreign experience: models of financing and organization of healthcare systems // *Financial Journal.* 2014. No. 3 (21). Pp. 22–34. (In Russ.)]

Дата поступления рукописи: 02.04.2025 г.

Дата принятия к публикации: 30.06.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Самандаров Достонбек Улугбек угли – докторант Академии государственной политики и управления при Президенте Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан
i-bd7@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dostonbek U. Samandarov – PhD student at the Academy of Public Policy and Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan
i-bd7@mail.ru

FOREIGN EXPERIENCE IN FINANCING THE HEALTHCARE SYSTEM

This article analyzes international experiences in financing healthcare systems, conducts a study of various healthcare financing models in developed countries. The sources of financing the health care system and ways to ensure its financial sustainability, as well as the level of accessibility of medical services for the population in Sweden, Germany, Austria and South Korea are considered.

According to the research findings, there is no single perfect model; rather, each country must approach healthcare financing based on its economic and demographic conditions.

Keywords: *healthcare system, financing, Beveridge model, Bismarck model, health insurance, international experience.*

JEL: I18, H51.